

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Научно-теоретический журнал

№ 1 (3)
2011

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГОУ ВПО «Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Редакционный совет

Зиннуров Ф.К. - ответственный редактор, к.пс.н.;
Мионов С.Н. - заместитель ответственного редактора, к.и.н., доцент;
Хисамутдинов Ф.Р. - заместитель ответственного редактора, к.ю.н., доцент;
Кабилов Д.Э. - ответственный секретарь редакционной коллегии, к.и.н.

Члены редакционной коллегии:

Алиулов Р.Р., д.ю.н.;
Ахметзянова Г.Р., к.филол.н., доцент;
Валеев А.Б., к.филол.н., доцент;
Гарафутдинов М.Р., к.ю.н., доцент;
Згадзай О.Э., к.ф.-м.н., доцент;
Казанцев С.Я., д.пед.н., к.ю.н., профессор;
Клетнева Е.Г., к.ю.н.;
Комлев Ю.Ю., д.с.н., профессор;
Коньк Ю.Г.;
Марданов Д.Р., к.пед.н., доцент;
Муратова Н.Г., д.ю.н., профессор;
Синников В.Б., к.пед.н., доцент;
Сундунов Ф.Р., д.ю.н., профессор;
Талан М.В., д.ю.н., профессор;
Фаткуллин Ф.Ф., к.фил.н., доцент;
Шалагин А.Е., к.ю.н., доцент;
Шляхтин Е.П.;
Шмелева Н.А., к.и.н., профессор

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Салагаев А.Л.

Делинквентная группировка как разновидность подростково-молодежного территориального сообщества 3

Комлев Ю.Ю.

Эмпирическое изучение девиантности: на пути к триангуляции статистических, количественных и качественных методов..... 12

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Векленко С.В., Якунин А.И.

Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах..... 23

Казанцев С.Я., Згадзай О.Э.

Экономическая преступность в IT-сфере: новые угрозы и необходимые ответы..... 30

Шалагин А.Е., Кабилов Д.Э.

Ответственность за незаконный оборот наркотических средств в зарубежном законодательстве..... 37

Артюшина О.В.

Причины и условия убийства с особой жестокостью 44

Шакирьянов М.М.

Понятие субкультуры осужденных..... 51

Набиев Р.Ф.

Социальные сети (СС) Интернета как средство провокации массовых беспорядков и особенности противодействия..... 57

Кадырметов М.А.

Предложения по совершенствованию российского уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов: пути разрешения некоторых проблемных вопросов законодательной техники и правоприменения..... 62

Лабутин А.А.

Подписано в печать 16.03.2011 г.
Формат 60x84 1/8
Усл.печ.л.16,67 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

©Казанский юридический институт
МВД России
Организационно-научное и редакционно-издательское отделение
vestnikkui@mail.ru
420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128

Понятие и характерные черты современного
потребительского рынка

66

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ОРА

Зиннуров Ф.К.

Уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее предварительное следствие по делам, по которым не установлено лицо, совершившее преступление 72

Бабушкин А.А.

Некоторые правовые вопросы осуществления оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками Национального центрального бюро Интерпола в Российской Федерации..... 76

Ненароков С.В.

Пути развития научных подходов к повышению эффективности информационно-аналитического обеспечения раскрытия и расследования преступлений..... 80

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Березовская Е.В.

Принципы юридической ответственности как системное образование..... 84

Курникова С.С.

Ответственность исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления..... 92

Галиуллина Р.Х.

Рассмотрение комиссией по трудовым спорам дел о незаконно вынесенных дисциплинарных взысканиях..... 10
3

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Белов Е.А.

Структурный анализ неформальной занятости населения в контексте социально-экономического подхода..... 11

Ахмадуллин Р. М.

Институциональные факторы государственного воздействия на инвестиционные отношения в социальной сфере..... 11

Файзрахманова Л.И.

Купечество Вятской губернии во второй половине XIX - начале XX: к вопросу социокультурной характеристики..... 5

Кубасов О.П.

Принципы формирования интегративного образовательного пространства в вузах МВД России 12
0

Филькова А.Ю.

Использование ономастического материала на занятиях татарского языка..... 12

Шамсеева Г.Х.

К вопросу об антонимии юридических терминов в английском и татарском языках..... 6
13
1

Трибуна Молодым

Сахапов И.Р.

Коррупция: понятие и формы ее проявления в ОВД..... 13

Синников Ю.В.

Особенности в размещении муниципального заказа в городе Казани с 2011 года..... 9
14
5

Научная жизнь

Зиннуров Ф.К.

Выступление на торжественном мероприятии, посвященном Дню российской науки 14

Степушенко О.А.	8
Выступление на торжественном мероприятии в КЮИ МВД России, посвященном Дню российской науки (8 февраля 2011 г.).....	
Миронов С.Н.	15
О результатах научно-исследовательской и редакционно-издательской деятельности Казанского юридического института МВД России в 2010 году	0
Павлов О.Ф.	14
О деятельности филиала ФГУ «ВНИИ МВД России» по РТ по научно-методическому обеспечению органов внутренних дел Республики Татарстан: задачи и перспективы.....	9
	15
	4
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	157

А.Л. Салагаев

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой социальной и политической
конфликтологии Казанского государственного технологического
университета,

директор Центра аналитических исследований и разработок,
член Европейского общества криминологов,
эксперт ООН по вопросам правонарушений
несовершеннолетних и социальному контролю.

ДЕЛИНКВЕНТНАЯ ГРУППИРОВКА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

В статье рассматриваются западные подходы к определению молодежных делинквентных группировок (шак) и делается попытка построить понятие «молодежное территориальное сообщество» и выделить его инварианты – дворовая (уличная) компания (группа) и делинквентная группировка (шайка).

Определить специфику деятельности группировок среди остальных делинквентных групп можно, лишь понимая, что такое «группировка», как определяется этот термин исследователями и практиками. Несмотря на большой мировой опыт в исследованиях подростковой делинквентности, создание теорий, объясняющих причины и значение девиантного и делинквентного поведения, разработку программ интервенции в деятельность подростковых делинквентных сообществ, остается неразрешенным вопросом о том, что же собственно считать «группировкой» (в западной терминологии – «gang» (шайкой)). Данный вопрос имеет существенное значение для правовой оценки деятельности тех или иных молодежных групп.

Угроза общественной безопасности, исходящая от делинквентных группировок (шак), требует выработки механизмов эффективного социального контроля над их деятельностью. Причем контроль должен быть научно обоснованным и строиться на анализе мирового и отечественного опыта.

В результате ученые-исследователи, сотрудники правоохранительных органов, работники социальных служб, СМИ — все, кто профессионально связан с группировками, дают каждый свое определение этого феномена, исходя из специфики своей работы, причем в научных кругах идет напряженная дискуссия по поводу операционализации данного

понятия.

В первую очередь, неопределенность, существующая в литературе о группировках, является следствием неразличения понятий "группа" и "группировка" (шайка) [1]. Например, У. Миллер (1980) описывает двадцать различных видов "молодежных групп – нарушителей закона", однако только три из них, считает он, являются «шайками» [2].

Виды и подвиды молодежных делинквентных групп:

1. Территориальные шайки
2. Регулярно воссоединяющиеся разрушительные местные группы или толпы
3. Солидарные разрушительные местные клики
4. Случайные разрушительные местные клики
5. Шайки или расширенные сети, ориентированные на потребление
6. Обманутые группы/толпы
7. Учрежденные клики или ограниченные сети, ориентированные на потребление:
 - 7.1 Кража с взломом
 - 7.2 Ограбление
 - 7.3 Воровские клики и сети
 - 7.4 Клики вымогателей
 - 7.5 Клики и сети наркоторговцев
 - 7.6 Мошеннические клики
8. Случайные клики, ориентированные на потребление

9. Борющиеся шайки

10. Нападающие клики и шайки:

10.1 Нападающие присоединяемые клики

10.2 Нападающие толпы общественного сбора

11. Повторно активные нападающие клики

12. Случайные нападающие клики

Основные различия между преступностью групп и шаяк заключаются в структуре этих сообществ и зависят от длительности взаимодействия их членов. Например, Б. Коэн рассматривает преступные группировки как сравнительно небольшие клики, объединяющиеся спорадически, без явной причины, и спонтанно нарушающие закон [3]. Коэн считает, что такие группы эфемерны, не имеют сложной организационной структуры, названия или территории. С другой стороны, шайки наоборот являются очень развитыми сообществами и имеют сравнительно большое количество членов. По сравнению с преступными группами, шайкам присущи сложная организация, собственное название, чувство корпоративного единства и идентификация с конкретными территориями [4].

Дискуссия вокруг термина "шайка" в социологической и криминологической литературе привела к возникновению различных способов определения данного термина. Так, Дж. Хаджедорн (1988) обратил внимание на то, что одним из методов является обозначение процессов, приводящих к возникновению подобных групп. А. Коэн (1955), например, рассматривает шайки с точки зрения коллективной реакции на существующий социальный статус, тогда как Р. Кловард и Л. Олин (1960) фокусируют свое внимание на взаимодействии между законными и незаконными возможностями. Кроме того, некоторые исследователи, например Р. Хоровиц (Horowitz), вообще полагают, что проблема определения понятия "шайка" настолько сложна, что нет смысла даже уделять ей внимание [5].

М. Джонсон (Johnson) также считает, что определить содержание понятия "шайка", - задача практически

неразрешимая, но существует ряд критериев (выработанных им на основе анализа многочисленных исследований), присущих каждой шайке:

1) группа состоит в основном из подростков или молодых людей, часто имеющих серьезные социальные проблемы;

2) группа имеет устойчивые внутренние связи, четкую структуру лидерства и иерархию;

3) группа вооружена, имеет название и символы, территорию, которую считает своей собственной, защищает от "чужаков" и на которой она осуществляет противозаконную деятельность;

4) группа конфликтует с другими подобными группами вплоть до убийства членов других групп;

5) группы обычно этнически гомогенны [6].

Тем не менее "классические" определения шаяк все же существуют. Наиболее важную роль в определении различий между развитием соседских групп и шаяк сыграл Ф. Трэшер (1927). Он определяет шайки как "промежуточные группы, сформированные спонтанно и затем проинтегрированные через конфликт... Результат этого коллективного поведения - развитие традиций, самостоятельной внутренней структуры, духа корпоративности, солидарности, определенного морального состояния, групповой осведомленности и привязанности к определенной территории" [7].

Целый ряд аспектов определения Трэшера представляет самостоятельную ценность. Во-первых, двойное значение имеет слово "промежуточные". Трэшер использует это слово для того, чтобы представить подростковый период жизни человека; следовательно, шайки являются отражением периода между детством и взрослостью [8]. Исходя из этого, Трэшер утверждает, что такие группы сравнительно недолговечны по сравнению со взрослыми шайками или организованными преступными группами. Но это вовсе не означает, что шайки характеризуются возрастной однородностью. Младшие по возрасту постепенно включаются в деятельность

шаек по мере того, как из них уходят старшие, что ведет к образованию шаек, состоящих из различных возрастных страт.

Трэшер также использовал термин "промежуточный" для ссылки на районы, расположенные между центральным деловым округом Чикаго и более отдаленными от центра областями [9]. Такие области в США часто характеризуются плохими соседскими отношениями и высокой текучестью населения [10].

Во-вторых, фраза Трэшера "спонтанные формирования" отражает его мысль, что все детские игровые группы представляют собой потенциальные формы шаек [11]. Такие группы обычно возникают вследствие постоянного взаимодействия и близких отношений; они, как правило, имеют в своем районе определенное место встреч. Важнейшим тезисом Трэшера является то, что ключевым признаком перехода в шайки служит взаимодействие и конфликт с другими группами (игровыми группами или группами взрослых). В основе подобных конфликтов лежат различия между "нашими" и "их" и развитие чувства солидарности группового "Я". Таким образом, уличная группа может служить в качестве защиты от других групп в районе [12]. В начале 1980-х гг. Хаджедорн отметил, что новые шайки в Милуоки также возникали в результате острой конкурентной борьбы многочисленных групп [13].

В определении Трэшера не упомянуты такие слова, как "правонарушитель" или "уголовная деятельность". Он считал, что подобные характеристики не являются общими для всех 1313 исследованных им подростковых шаек. Таким образом, метод Трэшера указывает на социальную динамику, ведущую к превращению игровых групп в шайки.

В работе Г. Блоха "Шайки: исследование подросткового поведения" под подростковой шайкой понимается специфический тип возрастной группы, спонтанно возникающей из игровой компании, характеризующийся сильным чувством солидарности, конфликтностью

и вовлеченностью в преступную деятельность [14]. Термин "gang" также используется для обозначения банд взрослых преступников. Так, в "Словаре преступности" дается следующее определение банды: «Банда - это группа преступников, работающих вместе ради получения выгоды, контроля территории и получения возможности заниматься наркотиками, азартными играми, порнографией и проституцией» [15].

Молодежная шайка, по определению Д. Шорта, есть не поддерживаемая взрослыми группа несовершеннолетних, члены которой регулярно встречаются друг с другом и определяют себя в качестве членов шайки. Этот термин нередко используется для обозначения малых групп, члены которых связаны общей территорией, чувством солидарности и иерархически структурированы вокруг лидера шайки. Наибольшее применение он нашел в социологии отклонений, где данным термином обозначают группу подростков мужского пола, вовлеченных в различные виды девиантной деятельности [16].

По мнению М. Янковского, для создания сплоченной шайки из разобщенной группы необходимо наличие трех основных элементов [17]:

1. "Узаконенные" руководящие структуры, которые нужны, чтобы различать типы лидеров и уровень их полномочий.
2. Наличие лидеров и постоянных членов.
3. Определенные стереотипы поведения.

Во многих определениях в качестве типичного признака "уличных шаек" выделяется идентификация с территорией или "ранжированным" пространством. Именно в этом и состоит их отличие от групп, поддерживаемых взрослыми, которые отождествляются с такими социальными организациями, как школа, церковь и т.п.

В социологическом словаре, изданном в Великобритании, термин "шайка" (gang) используется для обозначения малых групп, члены которых связаны общей территорией, чувством верности и иерархически структурированы вокруг лидера шайки [18].

В ходе исследования делинквентной группы XYZ в Филадельфии П. Санди

(1990) обнаружила все признаки классической подростково-молодежной шайки. Данная молодежная группа имела свою территорию, организационную структуру, некоторую степень солидарности и регулярно совершала различные правонарушения [19].

Одним из наиболее широко известных определений шайки через набор признаков было предложено М. Клейном [20]. В его работе шайкой называется "любая однородная группа мальчиков, которая:

- во-первых, обычно воспринимается другими как дворовая компания,
- во-вторых, идентифицирует себя с данной группой (с неизменным групповым именем),
- в-третьих, совершает достаточное число правонарушений, приводящих к негативной реакции соседей или вызовом полиции".

Возможно, одна из причин популярности определения Клейна (1971) состоит в том, что под указанные три критерия подходит большое количество различных шаек. Позднее М. Клейн исключил из этого понятия некоторые группы: террористические, футбольных фанатов, байкеров - и модифицировал данное раннее определение, выделив шесть признаков типичной молодежной шайки:

- возникновение и развитие в бедных городских районах, где процветают отчуждение и дискриминация;
- территориальная принадлежность и соперничество с другими шайками;
- умеренно сплоченная структура (в отличие от очень жесткой или полностью аморфной);
- самоидентификация в качестве преступно ориентированной группы;
- демонстрация преступных образцов в "стиле кафетерия", нежели сфокусированность на каких-либо специфических преступлениях;
- демонстрация субкультурных знаков, обеспечивающих идентификацию уличной шайки (одежда, татуировки и т.п.) [21].

Согласно определению Клейна, преступления, совершенные группой, вызывают отрицательную реакцию местного

сообщества, однако оно может реагировать на них как на нормальное явление. Изучение изменений в восприятии шаек местным сообществом представляется, по нашему мнению, довольно важным аспектом исследования, поскольку данные изменения говорят о трансформации самих сообществ.

Одна из наиболее интересных попыток создать определение на широкой экспертной базе была предпринята У. Миллером (1975, 1980). Он попросил сотрудников агентств по оказанию услуг молодежи ответить на вопросы: "Что такое шайка в вашем представлении? Как вы определяете их?". Его определение базируется на ответах 309 респондентов, включая 121 сотрудника молодежных агентств в 26 штатах страны, полицейских, адвокатов, педагогов, депутатов законодательных органов штатов и городских советов, а также бывших заключенных, членов шаек и криминальных групп [22].

Из 1400 характеристик, предложенных Миллером, подавляющее большинство респондентов (85 процентов) выбрало шесть пунктов: молодежная шайка является самостоятельно сформированной ассоциацией сверстников, связанных взаимными интересами, с определенным лидерством, хорошо развитой системой властных полномочий и другими организационными характеристиками, чьи действия согласованы для достижения специфической цели или целей, которые обычно включают незаконные действия и управление конкретной территорией, ресурсами или предприятием [23].

Такое определение преступности шаек критикуется по различным причинам. Клейн и Максон называют метод Миллера "обескураживающим" и считают, что определение понятия на основе результатов "голосования" не делает этот метод более "правильным" по сравнению с другими [24]. Их критика направлена не только на Миллера, они полагают, что эта задача является "трудной и в сущности неразрешимой".

Хотя единого определения для такого явления, как шайка, не существует, Р.

Хоровиц замечает, что динамика вариаций при определении шайки может быть полезной для понимания отношений между судьями, обществом, шайкой и ее членами [25]. Отсутствие, например, в США национального стандарта при определении шайки, по мнению И. Спреджела, делает невозможным и бессмысленным оценку числа молодежных шаек, а также осуществление исторических и кросс-культурных сравнений [26].

Кроме вышеприведенных определений шаек, в научной литературе существуют и другие, однако последние, по мнению Хаджедорна, уже не рассматривают шайки в конкретных общественных контекстах [27].

Одной из ключевых характеристик шаек, по мнению ряда современных исследователей, являются правонарушения, поэтому они называют "неудобными" определения, включающие перечень групповых структур и процессов [28]. В последнее время, полагает М. Мораш, все более возрастает доверие к определениям шаек, используемым в нормативных документах, а также в инструкциях для персонала, работающего в социальной сфере [29]. Многие из этих агентств классифицируют группы как шайки в том случае, если насильственная или уголовная деятельность является для группы основной, т.е. группы являются шайками, если их члены осуществляют незаконные действия, и вопрос Трэшера об отношении членства в шайках и преступности становится тавтологией [30].

Для того чтобы проиллюстрировать это предположение, Мораш создала шкалу групп, "подобных шайкам", базирующуюся на определении Миллера. Ее анализ в настоящее время подтверждает, что переменная "шайкоподобность" имеет значимую связь с преступностью. Особенно это проявляется в группах равных, где существует преступное поведение сверстников и друзей. Однако она заключает, что членство в шаблонной шайке не является основным условием, стимулирующим серьезную

преступность [31]. Данный вывод входит в серьезное противоречие со многими из существующих определений шаек. Так, Клейн и Максон, анализируя данные Мораш, замечают, что при использовании ее критериев молодежные группы в церкви или школе также квалифицировались бы как шайки [32].

Преступная деятельность шаек является важным критерием, используемым многими исследователями при определении шайки "как группового участия в незаконном поведении" [33]. Однако ряд авторов данный критерий не устраивает. Так, Клейн и Максон считают, что необходим показатель, который качественно отличает современные уличные шайки от других групп молодых людей независимо от их участия в преступной деятельности [34].

Существуют попытки включить в определение новые характеристики шаек на основе эмпирических исследований, подобных миллеровскому. Однако данный подход также противоречив. Например, в то время как некоторые респонденты в исследовании Хаджедорна (1988) сообщали, что их шайки имели специализированные роли и формализованные статусы, другие утверждали, что структура была неформальной; некоторые даже настаивали, что их шайки не имели признанного лидера [35].

Дж. Мур считает, что контекстом для анализа группировок, подобных шайкам, являются социальные условия их существования [36]. На примере анализа возрастных клик в Лос-Анджелесе и Чикаго она установила, что в зависимости от таких условий каждая группа может иметь собственную организационную структуру [37]. Хаджедорн и Мораш показали инвариантность групп, которые называют "шайками", поэтому, по их мнению, теоретически более плодотворно изучать причины изменений в подобных группах, а не пытаться только выявлять какие-либо их характеристики.

Вопрос операционализации понятия шайка на основе международного исследовательского опыта был поставлен членами рабочей группы по подготовке

проекта изучения шаек "Еврошайка" ('Eurogang') из 15 стран (при участии автора). Вместо номинального определения уличных шаек было решено принять - *операциональное*. Причинами этого послужило, во-первых, то, что американские исследователи, длительное время изучающие шайки, так и не достигли согласия в этом вопросе; во-вторых, использование самого слова "шайка" в ряде случаев может привести к "моральной панике", то есть преувеличению серьезности проблемы молодежных групп и "раздуванию" ее правоохранительными органами и СМИ; в-третьих, молодежные группы слишком различаются между собой, и многие могут не увидеть различий за общим для всех подобных групп термином "шайка". Наконец, подростки-члены таких групп часто неправильно реагируют на слова "шайка" или "банда", что может затруднить проведение среди них социологических исследований.

Операциональное определение подразумевает использование понятий "шайка" и "молодежная группа" в соответствии с мнением и позицией исследователя и исходя из конкретной ситуации [38].

В рамках данного направления развиты два операциональных подхода к определению понятия "шайка": подход Клейна/Максон и т.н. "вороночный" ("funneling") подход.

По мнению Клейна/Максон, уличная шайка (или проблемная молодежная группа) — это любая стабильная, улично-ориентированная молодежная группа, вовлеченная, по мнению ее членов, в антисоциальную деятельность.

"Вороночная" модель (funneling model) определения принадлежности к шайкам построена на принципе саморегистрации. В ее основе лежит интервью с подростками — предполагаемыми членами шаек. В процессе интервью молодым людям сначала задаются наиболее общие вопросы относительно понимания термина "шайка" и своей предполагаемой связи с ней, затем вопросы все более

конкретизируются. При этом респондент сам конструирует понятийный аппарат интервью. Так, исследователи задают интервьюируемому вопрос, являются ли те членами шаек, но при этом не уточняют значение термина. Респондент же должен при ответах исходить из своего видения данного феномена и полагаться на собственный опыт восприятия шаек. В результате исследователи считают подростков членами шаек, если они сами определяют себя таковыми [39].

В ряде случаев исследование шаек строится на оценках самих исследователей. Так, Национальный центр изучения молодежных шаек (National Youth Gang Center) США, проводя оценку количества шаек в США и их членов, указывал в инструкции сотрудникам полиции, что под шайкой следует понимать "группу подростков или молодых людей в вашем округе, которую вы или другие ответственные лица в вашей организации или общине рассматриваете как "шайку". То есть шайка — это любая группа, которую конкретный исследователь считает шайкой.

В более поздних исследованиях (1998) понятие шайки было сужено до "группы подростков или молодых людей в... округе, чье вовлечение в незаконную деятельность, хотя бы в течение нескольких месяцев, выделяет их в их собственных глазах, глазах местного сообщества и полиции как отличных от большинства подростковых и молодежных групп (байкеров, скинхедов, а также групп взрослых)". Результатом изменения определения стало "уменьшение" числа шаек в США на 43% [40].

Таким образом, в американской литературе отмечается очень широкое использование термина "gang" (шайка, банда) начиная от "игровой группы" до группы организованных преступников. Каждое направление имеет свою специфику, позволяя исследовать определенные аспекты социального феномена шаек. Однако здесь возникают определенные трудности следующего характера. Так, отказ от определения или

СОЦИОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

динамическое его конструирование слишком размывают объект исследования в целом, затрудняя сопоставимость результатов различных исследований. С другой стороны, многочисленные конкретные определения, подразумевающие разное содержание понятия "шайка", также приводят к вышеуказанной проблеме. Противоречивость многих определений шайки состоит в том, что они фокусируются и на преступном поведении, и на самоидентификации членов таких групп.

Так, говоря о шайках, М. Клейн и Ч. Максон утверждают, что они "представляют собой меняющуюся, иллюзорную цель, проницаемую и эластичную, изначально противостоящую внешнему вторжению. Они представляют собой не сплоченную силу, а скорее гибкое образование вроде губки"[41].

Сложность концептуализации понятия ведет к появлению дополнительных трудностей в работе с конкретными подростковыми и молодежными группами для правоохранительных органов, общественных организаций и государства в

целом. Если в научных исследованиях допустимы различные точки зрения, то при решении практических задач, связанных с делинквентными шайками, необходима определенная согласованность действий различных органов. В реальности же восприятие шаяк нередко зависит от взглядов того или иного исследователя или сотрудника правоохранительных органов.

В связи с этим мы хотели бы привести нашу собственную концепцию шаяк, взяв за основу различия между шайками (группировками) и традиционными соседскими молодежными группами (дворовыми компаниями).

В целом и традиционную соседскую группу, и шайку можно отнести к более широкому понятию, каким является "подростково-молодежное территориальное сообщество". Для концептуализации данного явления необходимо определить его атрибутивные, функциональные и структурные характеристики.

Таблица 1

Основные характеристики молодежных сообществ

	Дворовая (уличная) компания (группа)	Делинквентная группировка (шайка)
Атрибутивные	<i>территориальность, сходный возраст, незавершенность первичной социализации, разнонаправленная активность и недолговременность существования</i>	<i>территориальность, сходный возраст, незавершенность первичной социализации, разнонаправленная активность и недолговременность существования</i>
Функциональные	<i>направленность на совместное проведение досуга</i>	<i>Делинквентность, насильственный характер действий</i>
Структурные	<i>спонтанные ситуативные структуры</i>	<i>установленная возрастная стратификация, жесткая формальная структура и организация (распределение ролей, обязательные сборы членов, собирание "дани" и вкладывание денег в общую кассу, участие в групповых драках, "охрана" территории и т.п.)</i>

Атрибутивными характеристиками подобных сообществ, на наш взгляд, являются территориальность, сходный возраст, незавершенность первичной социализации, разнонаправленная

активность и недолговременность существования.

По мнению многих исследователей, территория является одним из главных отличительных признаков шайки. Так, Сперджел называет

территорию "неотъемлемой характеристикой шайки"[42]. В большинстве случаев название шайки связано с названием территории или района, где она существует (например, в Лос-Анджелесе шайка, баррио и округ являются синонимами [43]; в Казани, существуют группировки "Борисовские", "Квартала", "Калуга", "Восьмовские", "Перваки" и т.п., что коррелирует с названиями микрорайонов города). Для обозначения своих "земель" шайки, особенно на Западе, используют граффити.

Сперджел считает, что основное понятие шаек "своя земля" основано на двух важных идеях: *идентификации и контроля* [44], при этом последняя наиболее важна. Существуют три типа "землевладения":

- землевладение как таковое - шайка "владеет" территорией и старается контролировать все, что там происходит;

- совместное владение двух шаек;

- предпринимательская монополия - считается, что шайка контролирует всю бизнес-активность данного района.

Другим важным критерием является сходный возраст. По мнению Рейнера, шайки состоят из отдельных дружеских групп сверстников, имеющих в латиноамериканских шайках название "клика", а в афро-американских – "набор", причем последний ограничен возрастными рамками менее строго [45]. В России группы сверстников внутри группировки называются "возрастами".

Основные разновидности территориальных подростково-молодежных сообществ - дворовая компания (игровая группа) и делинквентная (уличная) группировка (шайка) - не различаются по атрибутивным признакам, их можно отличить лишь по функциональным и структурным характеристикам. Основными функциональными признаками шайки

являются делинквентность и насильственный характер действий.

М. Клейн выделяет следующие причины насильственного поведения членов уличных шаек:

во-первых, шайка находится в состоянии конфликта с соперничающими группами, часто вследствие конкуренции, конфликта из-за территории или за повышение статуса;

во-вторых, ряд действий членов шаек (например, неявка на сборы, употребление алкоголя, наркотиков и т.п.) мешает самоопределению шайки в качестве группы [46].

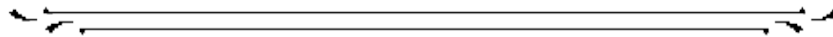
Функциональным признаком дворовой компании является направленность на совместное проведение досуга. В отличие от дворовой компании, характеризующейся во многом спонтанными ситуативными структурами, шайка имеет такие структурные характеристики, как установленная возрастная стратификация, жесткая формальная структура и организация (распределение ролей, обязательные сборы членов, собрание "дани" и вкладывание денег в общую кассу, участие в групповых драках, "охрана" территории и т.п.).

Указанные образования являются как бы полярными точками континуума, в качестве которого можно было бы представить подростковое сообщество. Подобное представление может быть использовано при дальнейшей разработке проблемы делинквентных группировок (шаек).

ЛИТЕРАТУРА

1. См., напр.: Klein M., Maxson C. Street Gang Violence // Violent Crime, Violent Criminals. – Newbury Park, 1989. -P. 198-234.
2. См.: Miller W. Gangs, Groups, and Serious Youth Crime // Critical Issues in Juvenile Delinquency. - Lexington, 1980. - P. 115-138.
3. Cohen B. The Delinquency of Gangs and Spontaneous Groups // Delinquency: Selected Studies. - New York, 1969. - P. 66.
4. См. также: Spergel I. Violent Gangs in Chicago // Social Service Review.- 1984.- №58- P. 199-226.
5. Horowitz R. Sociological Perspectives on Gangs // Gangs in America. — London, 1990.
6. Johnson M. Juvenile Gangs in Stockholm (manuscript).
7. Thrasher F. The Gang. - Chicago, 1927.- P. 46.
8. Ibid. -P. 32.
9. Ibid. - P 6.
10. Ibid. - P. 46.
11. Ibid. - P. 23-26.

12. См.: Spergel I. Op. cit.- P. 202.
13. Hagedorn J. Op. cit. - P. 57-60.
14. Bloch H., Niederhoffer A. Op. cit.- P. 5.
15. Dictionary of Crime. Criminal Justice, Criminology and Law Enforcement / Ed. J. Nash. – NY., 1992. - P.144.
16. Dictionary of Sociology. Op. cit. P. 178.
17. Jankowski M. Islands in the Street. - Berkely, 1990. P.64.
18. Аберкромби Н. и др. Указ. раб. С. 358.
19. См.: Sanday P. Fraternity Gang Rape: Sex, Brotherhood, and Privilege on Campus. – NY., 1990.
20. Klein M. Street Gangs and Street Workers. - Englewood Cliffs, 1971. P. 13.
21. Klein M. The American Street Gang. Its Nature, Prevalence and Control. – NY., 1995.- P. 214.
22. Miller W. Op. cit. - P. 120.
23. Ibid. - P. 121.
24. Klein M., Maxson C. Op. cit. - P. 205.
25. Horowitz R. Sociological Perspectives on Gangs: Conflicting Definitions and Concepts // Gangs in America. -Newbury Park, 1990.- P. 43.
26. Spergel I., Cuny G. Op. cit. - P. 180.
27. Hagedorn J. Op. cit. - P. 57.
28. См.: Hagedorn J. Op. cit.
29. Morash M. Op. cit. - P. 310.
30. См.: Short J. Delinquency and Society. - Englewood Cliffs, 1990.- P. 160.
31. Morash M. Op. cit. - P. 325.
32. Klein M., Maxson C. L. Op. cit.- P. 204.
33. Spergel I., Cuny G. Op. cit., 1990. - P. 179.
34. См.: Klein M., Maxson C. Op. cit. - P. 204.
35. Hagedorn J. Op. cit. - P. 92.
36. Moore J. Homeboys: Gangs, Drags, and Prisons in the Barrio of Los Angeles.-Philadelphia,1978.- P. 44.
37. См. также: Keiser R. The Vice Lords: Warriors of the Streets. – New York, 1969.- P. 15.
38. См.: Maxson Ch., Klein M. Modern Gang Reader. – NY., 1995.
39. Материалы дискуссии Eurogang-4. Нидерланды, Эгмонд-аан-Зии, 2000 (рукопись) // Архив автора.
40. См.: Kinnear K. Gangs...
41. Klein M., Maxson C. Op. cit. - P.211.
42. Spergel I. Op. cit. - P.69-70.
43. См.: Moore J. Homeboys... - Philadelphia, 1978.
44. Spergel I. Op. cit. - P.71-72.
45. Reiner I. Op. cit. - P.38-39.
46. См.: Klein M. The American Street Gang. – NY., 1995.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

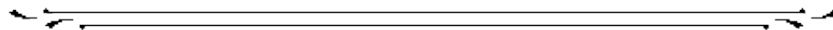
Демидова Е.В.

Криминологический анализ преступности беспризорных детей и социальных сирот: учебное пособие / Е.В. Демидова. – Казань: КЮИ МВД России, 2011. – 105 с.

Допущено Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве учебного пособия для образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России

В учебном пособии раскрываются особенности причин и условий преступности несовершеннолетних, изучаются причины и условия преступности беспризорных детей и социальных сирот, предлагается криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего беспризорного преступника и преступника-социального сироты, даются понятия и основные принципы предупреждения преступности беспризорных детей и социальных сирот, исследуется общесоциальное, специальное предупреждение, а также международно-правовые основы предупреждения преступности беспризорных детей и социальных сирот, рассматривается законодательство, затрагивающее права, свободы и интересы исследуемой группы лиц.

Учебное пособие предназначено для слушателей и курсантов вузов МВД России, а также сотрудников правоохранительных органов для изучения вопросов предупреждения преступности несовершеннолетних.

Ю.Ю. Комлев

доктор социологических наук, профессор
начальник кафедры философии, политологии, социологии и
психологии КЮИ МВД России

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДЕВИАНТНОСТИ: НА ПУТИ К ТРИАНГУЛЯЦИИ СТАТИСТИЧЕСКИХ, КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ

В статье рассматриваются различные методы количественного и качественного исследования эмпирических характеристик девиантности на примере преступного поведения, обобщается зарубежный и отечественный опыт эмпирической оценки преступности.

Социология прошла достаточно длительный путь развития и стала наукой, задача которой – изучение постоянно трансформирующегося современного общества и социальных проблем, которые в нем возникают. В итоге сформировался социологический способ теоретико-эмпирического изучения социальной реальности – «социологическое воображение», по Ч.Милсу, который позволяет критически оценивать факты, выявлять, конструировать, предсказывать и моделировать свойства и закономерности различных социальных объектов и связей между ними.

В структуре современного социологического знания активно развивается девиантология – наука о различных формах отклоняющегося поведения и механизмах социального контроля над ними. Основные девиантологические положения концептуализируются следующим образом:

- девиантное поведение есть социальный феномен, объективно присущий всем стадиям, формам и уровням социальной системы (девиантность – перманентное свойство общества);

- девиантное поведение определяется как действия человека или социальных групп, не соответствующие официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (культуре, группе) нормам и ожиданиям;

- девиации – не только реальные социальные практики, но и релятивные,

конвенциональные социальные конструкции, поэтому их определение и изучение имеют смысл лишь в конкретном обществе, в определенный период времени;

- негативные девиации (преступность, терроризм, экстремизм, наркотизм, алкоголизм и др.) ведут к дезорганизации социальной системы, повышают ее энтропию; позитивные девиации (научное, техническое, художественное творчество) способствуют прогрессу;

- все формы девиантности функциональны, поэтому полностью неустранимы;

- социальный контроль есть совокупность средств и методов воздействия общества и государства на негативные формы девиантного поведения с целью их сокращения или минимизации до социально приемлемого уровня;

- логика социального контроля в современных условиях состоит в сокращении масштабов и оптимизации структуры негативной девиантности, прежде всего, более гуманными профилактическими средствами, чем репрессивными.

В девиантологии, наряду с общенаучными принципами и методами познания, используются и специальные социологические подходы, приемы и технологии исследования. В работах Я.И.Гилинского – основателя российской девиантологической науки, сформулированы методологические принципы социологического исследования различных форм девиантности и проблем социального контроля [1]. Наиболее важными из них являются следующие.

Принцип универсальности законов мироздания (универсальный эволюционизм, по Н.Моисееву) [2]. Он состоит в том, что основные закономерности социальной реальности, включая девиантность и ее различные проявления, представляют собой инобытие всеобщих закономерностей самодвижения, самоорганизации мира, материи. Иначе говоря, различные практики отклонений и их закономерности не уникальны. Это дает исследователю возможность преодолеть риск чрезмерного аксиологизма при изучении девиантности.

Принцип универсальности общенаучных методов познания. Он вытекает из предыдущего положения и означает возможность применения различных методов и методик, созданных в рамках различных научных школ и парадигм при эмпирическом изучении девиантного поведения (статистических, количественных и качественных эмпирических методов).

Принцип относительности знаний (релятивизм). Всякое знание о девиантной реальности неполно и ограничено. Никогда нельзя достичь окончательного знания об исследуемом объекте, поскольку мир людей изменчив и находится в постоянном развитии. По мысли известного современного философа А.Уайтхеда, «фактически нет ни предложений, ни слов со значениями, которые были бы независимы от обстоятельств их произнесения» [3]. Более того, итоги познания всегда ограничены возможностями научных методов. Это принципиальное положение позволяет избежать абсолютизации полученных научных результатов.

Принцип дополнительности (противоположности дополнительные). В силу необычайной сложности реальности бытия социальные нормы и отклонения от них дополнительные в понимании Н.Бора [4]. Их сосуществование неизбежно, поскольку они связаны друг с другом, что предопределяет совместное их изучение как общественных явлений. Социологические теории девиантности, различные научные концепты, методы также дополнительные в указанном смысле.

Принцип социального детерминизма. Социальное можно объяснить социальным. Это положение восходит к классическим работам конфликтолога К.Маркса и функционалиста Э.Дюркгейма, что позволяет рассматривать и объяснять феномены девиантности в широком социальном контексте.

Представляется целесообразным дополнить перечисленные положения Я. Гилинского *принципом прагматизма*, поскольку изучение отклонений и проблем социального порядка не имеет смысла лишь ради самого процесса исследования. Научная работа и ее продукция должны иметь пользу для совершенствования социального и правового регулирования в сфере девиантной активности. Именно на прагматически ориентированном пути реально снижение масштабов проявлений негативной девиантности в современном российском обществе.

Многие зарубежные и отечественные девиантологи широко опираются на полипарадигмальность, работают в рамках интегративной перспективы анализа, широко используют теории и концепты позитивистской социологии, феноменологии, символического интеракционизма, постмодернизма. Интегративный дискурс представлен в научном творчестве Ю.Хабермаса, Дж.Коулмена, Э.Гидденса, Р.Айкерса, Ф.Пирсона, Н.Уейнера, Д.Эллиота, Т.Торнбери, Ч.Титла, Б.Вилы, Б.Арриго, Т.Мифа, Б.Татума, Г.Барака. В российской девиантологии, социологии преступности интегративной ориентации придерживаются Я.Гилинский, Т.Шипунова, Ю.Комлев и ряд других исследователей [5].

Интегративные теории девиантности и социального контроля вполне отвечают ключевым положениям методологии науки (содержание теорий производно от исходных понятий и логически непротиворечивых положений, отличается целостностью системы понятий и др.). Цель теоретической интеграции, по Р.Айкерсу, состоит в выявлении общности положений двух и более теорий, для того чтобы произвести их синтез в единую переформулированную теоретическую

модель с более высоким объяснительным потенциалом, чем он есть у каждой отдельно взятой теории [6]. Тем самым интегративные модели позволяют социологам наращивать методологический арсенал теоретических и эмпирических исследований, поскольку положения и «конструкции» из различных дополнительных, в смысле Н.Бора, теорий реализуются с учетом их гносеологических плюсов и дополнительных эвристических возможностей. Они позволяют избежать фрагментарности и сосредоточиться на различных, дополняющих друг друга формах девиантности, выступающими одновременно и социальными конструктами, и реальными поведенческими практиками.

В рамках интегративной перспективы анализа органично-целостное видение и эмпирическое изучение социальных отклонений наиболее продуктивно осуществляется с применением методологической триангуляции, то есть на пути совместного применения различных статистических, социологических количественных и качественных методов, исходя из принципов универсальности общенаучных методов познания, релятивизма и дополнительности.

Статистические методы в своей основе опираются на математические статистические законы (например, закон больших чисел), теорию вероятностей [7]. Теоретико-методологической основой количественных методов исследования девиантности выступает представление об обществе как системно-организованной целостности, а также предположение о способности научного познания рационально-логически объяснить феноменологию социальных реалий, разработанных в рамках позитивизма и функционализма [8]. Количественная методология ориентирована на описание и объяснение свойств различных форм девиантности, выяснение причинно-следственных связей между ними. Она опирается на квантификацию и формализованные процедуры измерения и следует логике дедуктивного анализа (от абстракций – к фактам путем

операционализации понятий) [9]. Количественные методы сбора информации (анкетный опрос и интервью) успешно применяются для изучения массовых статистически устойчивых форм девиантности, таких как: преступность, наркотизм, алкоголизм и др.

Для познания субъективных аспектов девиантных социальных практик и карьер (личного опыта, переживаний, страданий, чувств), которые образуют специфический «жизненный мир», необходимо социальное знание, основанное на понимании и интерпретации. Прошлый субъективный опыт может быть лучше понят через изучение и интерпретацию индивидуальных судеб, биографий, особенностей восприятия и поведения конкретных девиантов в рамках более общего социального контекста. Отсюда применение качественных методов в девиантологии исходит из «понимания» девиантной реальности. Этот принцип выработан в рамках символического интеракционизма, этнометодологии и понимающей социологии. Качественная методология позволяет достаточно эффективно исследовать «трудные» судьбы, единичные криминальные случаи, девиантные карьеры, трудно поддающиеся формализованной оценке. Она опирается на индуктивную логику анализа (от фактов и рассказов о жизни - к концепциям). Качественные методы раскрывают своеобразие отдельного социального объекта или события. Они весьма продуктивны при исследовании единичных, оригинальных девиантных проявлений и их носителей, особенно в условиях быстрых социальных изменений.

В современных условиях наиболее острой социальной проблемой в России является проблема преступности. По оценке Я.И.Гилинского, преступность есть «относительно распространенное (массовое), статистически устойчивое социальное явление, разновидность (одна из форм) девиантности, определяемая законодателем в уголовном законе» [10].

Статистика преступлений или «темная цифра преступности», по образному выражению А.Кетле, представленная в

официальных отчетах правоохранительных органов, долгое время была единственным способом описания количественных характеристик преступности, таких как: объем, уровень, структура и динамика. Это одна из трудных девиантологических задач. Ее проблемность объясняется рядом факторов. К ним относятся:

Во-первых, избыточность уголовного законодательства – слишком много деяний, в том числе общественно опасных, криминализовано законодателем (преступность – социальная конструкция).

Во-вторых, преступность – это реальные общественно опасные поведенческие практики, которые происходят в социальном окружении, детерминированы культурными, экономическими, политическими и иными социоструктурными факторами.

В-третьих, регистрируется лишь незначительная часть всех совершаемых преступлений. При условии преобладающего числа латентных преступлений, то есть незарегистрированных, учтенная статистикой преступность «не представительна» для всей совокупности. Этот факт закономерен, поскольку всем известна высокая селективность (избирательность) репрессивной реакции полиции/милиции во всем мире. Иначе говоря, наиболее полно учитываются "*street crimes*" (уличные или «общеправовые» преступления) и «не замечается» преступность «респектабельная», «элитарная», «беловоротничковая» (*white-collar crime*). По образному выражению A.Liazos, «борьба» ведется преимущественно с "*nuts, sluts and perverts*" (с пьяницами, опустившимися, извращенцами). И тогда пойманные полицией и осужденные судом "*nuts, sluts and perverts*" — лишь «козлы отпущения», призванные демонстрировать успехи полиции в борьбе с преступностью [11].

В-четвертых, определение количественной оценки преступности затрудняет наличие взаимоисключающих друг друга систем учета, которые исходят из приоритета

общественного риска, тяжести деяний, числа арестов, числа возбужденных уголовных дел (отсюда многообразие статистик: милицеская, судебная, прокурорская).

С применением и совершенствованием количественных и качественных социологических методик в девиантологическом изучении преступности на основе методологической триангуляции стали учитываться ее латентные составляющие, мотивация и социальные ситуации (кейсы). При таком подходе статданные и результаты массовых формализованных опросов по проблеме преступности эффективно дополняются качественными описаниями криминальных биографий, их носителей с анализом девиантных карьер. Позитивный опыт методологической триангуляции накоплен во многих развитых странах (США, Канада, Австралия, Великобритания, Нидерланды, Швеция, Швейцария).

В России в этом направлении предпринимаются лишь первые шаги. Среди них следует выделить опросы населения на предмет того, кто из граждан за определенный период (месяц, полугодие или год) стал жертвой преступления. В итоге анализа эмпирических данных относительно общего уровня и структуры преступности, состава жертв преступлений составляются так называемые обзоры виктимизации. Они-то и позволяют учесть латентный характер современной преступности.

Впрочем, первые опросные методики по проблемам виктимизации были разработаны в США в середине 60-х годов и апробированы в ходе опроса 10000 семей, проведенного в 1966 году по инициативе Президентской комиссии по законности и правосудию [12]. Программа первого виктимологического исследования включала в себя два пробных исследования, одно из которых было проведено в Вашингтоне, другое в Бостоне и Чикаго, а также общенациональный опрос общественного мнения. Результаты исследования оказались неожиданными и выявили очень высокий уровень латентной преступности в стране [13].

Позитивный опыт социологического изучения жертв преступности в США позволил провести первый и второй Международные обзоры виктимизации (МОВ) в 1989 и 1992 году, которые охватывали развитые и развивающиеся страны Центральной и Восточной Европы, в том числе Россию. При их проведении был использован вопросник, позволявший собрать сведения о преступлениях, совершенных против лиц старше 16 лет. В анкете были поставлены вопросы, касающиеся оценок по поводу совершенных в отношении респондента преступлений, обращений в полицию, относительно страха перед преступностью, предупреждения преступности и строгости наказаний. Методика первых международных виктимологических исследований позволяла главным образом оценить уровень преступлений, совершенных против личности и собственности. Она исключала оценку экологических деликтов и деяний в рамках так называемой «преступности без жертв», например, в связи со злоупотреблением наркотиками.

Было установлено, что развивающиеся страны отличаются более высоким уровнем виктимизации населения почти по всем видам преступлений. Выявлено, что урбанизация является универсальным фактором, увеличивающим число преступлений как в развитых, так и развивающихся странах. Исследователями был отмечен высокий уровень виктимизации в Москве.

В целом МОВ показали, что преступность – глобальная социальная проблема. Она беспокоит многих людей в тех странах, где проводились виктимологические исследования. Оказалось, что более 20% опрошенных старше 16 лет за год сталкиваются со случаями краж, порчи имущества либо агрессивного поведения. Обзоры виктимизации показали, что в России и других государствах на постсоветском пространстве существенно занижается уровень преступности по официальным статданным [14].

Вместе с тем опыт национальных и международных опросов жертв преступлений выявил ряд методологических проблем по социологической оценке виктимизации населения и распространению преступности. Во многом они были обусловлены несовершенством выборок, сложностью квалификации состава преступления респондентами или нежеланием сообщать о факте виктимизации, например, в связи с сексуальным характером преступления. Кроме того, специальные исследования показали, что доля криминальных происшествий, сообщенных респондентом интервьюеру, во многом зависит от того, какие отношения существовали между правонарушителем и жертвой до преступления. Например, если жертва и преступник не были знакомы, то пострадавшие сообщали о 76,3% происшествий. Если жертва знала правонарушителя, то следовало сообщение только о 56,9% преступлений. Если же преступник был родственником жертвы, то респондент сообщал лишь о каждом пятом деликте.

Заметим, что обзоры виктимизации и другие массовые опросы с целью изучения преступности – все еще очень дорогостоящие и трудоемкие исследования. По данным американских криминологов, социологические методики исследования преступности достаточно дорого обходятся налогоплательщикам и поэтому широко применяются лишь в развитых и богатых странах. Так, в США федеральное правительство, правительства штатов и местные органы власти ежегодно тратят десятки миллионов долларов и сотни тысяч человеко-часов на то, чтобы собрать социологическими методами и проанализировать данные о преступности [15].

В настоящее время для сбора эмпирических данных с целью оценки преступности и виктимизации в разных странах сложились свои подходы на основе объединения альтернативных методических приемов и решений, учитывающие местные или национальные особенности и условия. Однако, как правило, исследователи опираются на

методологическую триангуляцию. В итоге они получают более взвешенную и приближенную к реальности картину преступности.

В Соединенных Штатах, например, совместно применяются статистические, количественные и качественные методы изучения преступности: национальные виктимологические опросы, единые отчеты о преступности, самоотчеты правонарушителей, вторичный анализ данных опросов о преступности, кейс-стади и включенное наблюдение.

Национальные виктимологические опросы (HBO/NCVS) в Соединенных Штатах проводятся ежегодно, начиная с 1972 года, Американским бюро переписи населения. В исследовании участвует около 50000 домохозяйств или примерно 100000 человек, отбор которых осуществляется с помощью вероятностных выборок. По каждому адресу опрос проводится два раза в году. В выборку попадают респонденты старше 12 лет. Участников опроса спрашивают об уголовных происшествиях, которые произошли с ним за прошедшие шесть месяцев, что позволяет получить вполне репрезентативную криминологическую информацию.

Виктимологические данные опросов позволяют приблизить к реальности оценки абсолютного уровня основных составов преступлений, сформировать более объективное представление о тенденциях преступности. По методике исследования опросные данные подразделяют на два типа: сведения об уголовных преступлениях и жертвах преступлений. В первом случае фиксируется количество криминальных эпизодов. Во втором суммируется число людей, против которых были совершены преступления. Например, если грабитель в баре забирает выручку из кассы, а также бумажник у бармена и личную собственность у пяти клиентов, то программой обработки цепь этих деликтов будет квалифицироваться как одно правонарушение — ограбление. При этом фиксируется шесть фактов виктимизации. В случае преступлений против личности

(изнасилование, разбойное нападение, грабеж, похищение имущества у частного лица) разделение на число происшествий и число жертв соблюдается особенно тщательно. Если преступление было совершено против частной собственности, то различие между виктимизацией и уголовным происшествием не делается: жертвой преступления считается владелец похищенной собственности [16].

Данные субъективной статистики позволяют выявить важные ситуационные факторы преступности. Это относится к выяснению а) места, где было совершено преступления (дом, офис или школа); б) времени суток, в которое оно произошло; в) было ли применено оружие; г) сколько человек пострадало в результате преступного деяния. В ходе опросов удается собрать уникальную информацию о жертве преступления (пол, этничность, возраст, образование, семейное положение, состояние здоровья, расходы на лечение и реабилитацию или возмещение вреда в результате потери имущества). Кроме того, в последние годы Американское бюро переписи населения включает в опросники *NCVS* индикаторы, характеризующие «правоохранный ответ» на преступления, которые были зарегистрированы в полиции [17].

Результаты обзоров виктимизации, проведенных в США в 90-е годы XX столетия, по данным Ф.Шмаллегера, показывают, что

- участниками опросов ежегодно сообщается о 35 миллионах совершенных преступлений;
- приблизительно 23 миллиона американских домашних хозяйств или 25 процентов от их общего количества ежегодно становятся жертвами преступных посягательств;
- горожане имеют в два раза больше шансов стать жертвами преступлений, чем жители села;
- в полиции регистрируется только половина всех тяжких преступлений, две пятых преступлений, совершенных в домохозяйствах и примерно одна четверть краж личного имущества [18].

Таким образом, результаты обзоров виктимизации более реально показывают уровень преступности, чем данные уголовной статистики, но данные *NCVS* обычно критикуют за субъективное превышение показателей преступности по некоторым видам.

Единые отчеты о преступности (ЕОП/UCR). Американская программа составления единых отчетов о преступности стартовала еще в 1930 году. Ее целью было получение более надежных и соизмеримых данных о преступности, поскольку до этого момента в разных штатах и даже в различных правоохранительных органах в пределах одного штата определения одних и тех же преступлений имели различия. Терминологические разночтения были основным препятствием для получения единых обобщенных статистических данных о преступности.

Для повышения сопоставимости данных уголовной статистики в рамках ЕОП были разработаны и введены единые операциональные определения преступности и ее составляющих. Все преступления были разделены на две группы. К группе I были отнесены: убийство (за исключением неосторожного убийства или убийства, совершенного при смягчающих обстоятельствах в целях самозащиты), изнасилование, грабеж, разбойное нападение, берглэри (незаконное проникновение в здание с целью совершения преступления или кражи), кража, кража автотранспорта и поджог. В группу II объединены такие правонарушения, как простое нападение, подлог и подделка, мошенничество, растрата, вандализм, проституция и коммерческие пороки, употребление наркотиков, азартные игры, вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения, нарушение общественного порядка, бродяжничество и некоторые другие правонарушения.

Уголовная статистика в США, как и других стран, опирается на два основных источника: сообщения граждан о правонарушениях и регистрация преступлений сотрудниками

правоохранительных органов. Чаще всего полиция узнает о преступлениях I и II групп из заявлений граждан. Таким образом, поведение потерпевших и свидетелей во многом определяет число правонарушений, которые попадают в статистическую отчетность.

Будет ли криминальное происшествие зафиксировано в статистических отчетах как преступление, зависит от ряда важных обстоятельств. Это и вопросы определения деликта, квалификации его опасности, и влияние субъективного фактора со стороны потерпевшего (величина ущерба), и воздействие фактора собственно полицейской деятельности (внесение криминального происшествия в отчет нередко зависит только от усмотрения полисмена). Нельзя не учитывать и влияние политических условий. Органы правопорядка в любой стране существуют в определенном социально-политическом окружении. Число указанных в статистических сводках правонарушений может быть воспринято и как показатель эффективности антикриминальных мер, и как признак того, что органы правопорядка не контролируют проблему преступности. В США, как и других странах с демократической политической системой, выделение дополнительных ассигнований на борьбу с преступностью зависит от того, насколько сильно общество озабочено проблемой преступности. Артикуляция этой проблемы в общественном мнении и во власти – во многом результат манипуляций с уголовной статистикой из ЕОП и данными обзоров виктимизации.

Имеет значение и методологический фактор. Общее число преступлений определяется по специальным правилам подсчета и составления Единых отчетов о преступности. Так, в отчет вносится только наиболее тяжкое преступление, имевшее место в ходе серии уголовно наказуемых событий. Тяжесть преступления определяется в соответствии с порядком их расположения в списке индексных преступлений. Например, злоумышленник проник в частный дом, похитил фотокамеру и, столкнувшись с

хозяином дома, угрожал ему пистолетом, а потом украл его машину. Как видим, совершен целый ряд индексных правонарушений. Однако в отчет будет внесено лишь наиболее серьезное из них — ограбление. Единственным исключением из этого правила является поджог. Это преступление учитывается независимо от того, какие еще правонарушения были совершены правонарушителем в указанный момент.

Самоотчеты правонарушителей (SR-исследования) — третий источник получения данных о преступности. Самоотчет или самосообщение — метод, основанный на самоанализе, на субъективной оценке криминальной действительности правонарушителем [19].

Самоотчеты — форма социологических опросов нарушителей правопорядка или представителей групп риска криминального поведения. Методологические основы самоотчетов были заложены в работах криминологов Дж.Ф.Шорта, Ф.И.Ная. Это альтернативная методика, не связанная с составлением ЕОП или опросами жертв преступлений. Заметим, что самоотчетам свойственны все сильные и слабые стороны, присущие опросным методикам.

Характерно, что самоотчеты правонарушителей, как правило, не ведутся по унифицированной анкете. Отсюда ее индикаторы достаточно сильно варьируются. Кроме того, отмечаются существенные различия при описании объекта опроса и построении выборочной совокупности. Для оценки уровня делинквентности при заполнении анкеты предлагается респондентам заполнить контрольную таблицу форм делинквентного поведения. Исследователем обычно фиксируется гендерный, семейный, образовательный, социально-экономический статус респондента. Наряду с анкетным, опрос правонарушителей может проходить в формате интервью. В состав выборки обычно включают заключенных или лиц, фигурирующих в полицейских отчетах, а также учащихся старших классов, имевших проблемы с полицией. В этом

состоит основное отличие самоотчетов от уголовной статистики и обзоров виктимизации.

Самоотчеты являются эффективным способом изучения этиологии совершения преступлений. Они позволяют исследователям получить подробную информацию о правонарушителях: не только зафиксировать их демографические данные, но и оценить особенности семейного воспитания респондентов, свойства личности, интересы, мотивацию к достижению успеха, отношение к соблюдению религиозных ритуалов.

В современных социологических исследованиях преступности на основе самоотчетов измеряются специальные криминологические индексы. Среди них следует выделить такие, как: *уровень инцидентности* преступлений (среднее число преступлений, приходящихся на одного человека, или число преступлений, приходящихся на некоторое количество населения) и *уровень распространенности* (доля респондентов, сообщивших об одном или более правонарушениях, относящихся к определенной категории за определенный промежуток времени) [20].

Данные самоотчетов создают специфическую картину масштабов преступности, отличную от той, что реконструируется по официальным статданным или оценкам жертв преступлений. Это естественно, поскольку на искомый результат оказывает существенное влияние метод исследования. Отсюда следует, что ни один из методов изучения преступности не может быть единственным достоверным источником информации о преступном поведении.

Вторичный анализ данных опросов о преступности. Этот метод социологического изучения криминальной реальности и жертв преступлений широко используется в исследовательской практике зарубежных социологов и криминологов в настоящее время. Вторичный анализ представляет собой переоценку уже собранных и структурированных на электронных носителях первичных опросных данных о

преступном поведении и жертвах преступности под иным углом зрения, в новом социокультурном или политическом контексте, несмотря на то, что исходная информация была предназначена для других целей.

Вторичный анализ опросных данных о преступности сокращает время и расходы исследователей, позволяет агрегировать данные в новые кластеры и анализировать тенденции в развитии преступности. Одним из фундаментальных источников, структурированных в электронные базы первичных данных для вторичного анализа, в США является Национальный архив данных криминальной юстиции (NACJD), сосредоточенный в Институте социальных исследований Мичиганского университета. Архив накапливает информацию относительно различных аспектов виктимизации населения страны, деятельности системы правосудия и ювенальной преступности. Другим источником данных для вторичного анализа выступают материалы, собранные в Национальном институте публикаций по вопросам юстиции (NIJP). Для вторичного анализа используются данные из словаря источников информации о преступности и юстиции (DCJIS). Данные этого собрания периодически подвергаются обновлению и редакции. В последнем выпуске помещается резюме о структуре предоставляемых информационных услуг, о публикациях, о телефонах и адресах авторов из более чем 160 источников по проблемам оценки преступности [21].

Изучение преступных случаев (кейс-стади). Качественная методология изучения преступного поведения позволяет проникнуть в его содержательную суть. Изучение преступных событий, случаев строится на основе всестороннего качественного описания индивидуального опыта преступного поведения. Изучение событий из жизни одного преступника, одной специфической преступной организации - примеры кейс - стади.

Изучение преступных случаев полезно потому, что оно может выявить то, чего следует ожидать от других подобных событий

и ситуаций. Например, изучение поведения индивидов в уличной криминальной группе может открыть центральную роль одного или нескольких лидеров (преступных авторитетов). Этот вывод уместно распространить и на описание стиля поведения лидеров в другой подобной уличной преступной группе (street gang).

Когда индивид с преступным опытом выступает в качестве объекта социологического исследования, то оно может принять форму life history - истории жизни одного человека, воспринимаемой как последовательность криминальных кейсов. Большинство жизненных историй преступников весьма субъективны вследствие того, что они состоят из непосредственно перечисленных сюжетов и событий в интерпретации самого объекта исследования. Тем не менее анализ таких историй может быть ключом к пониманию реального преступного поведения других индивидов или выступить исходным пунктом для дальнейшего научного поиска.

Как видим, кейс-стади несут на себе печать субъективизма, который проявляет себя в смешении чувств и фактов в изложении индивида как объекта исследования относительно своего криминального прошлого. Вместе с тем этот метод изучения преступности дает возможность лучше взвесить и оценить событийные детали в жизни конкретного правонарушителя как представителя определенного социального типа, социального слоя, что не фиксируют количественные опросные методики в ходе виктимологических опросов или самоотчетов правонарушителей.

Включенное наблюдение за правонарушителями. Наблюдение за участниками преступных сообществ позволяет вести сбор фактов аудиовизуальными средствами исследователя, который принимает то или иное участие в изучаемой группе или общности. Некоторые исследователи работают инкогнито, не показывают свою идентичность. Другие исходят из того, что цель исследования незачем скрывать.

Одним из самых ранних и известных примеров использования включенного наблюдения при изучении преступности представляется опыт Уильяма Уайта, который описал свое исследование преступных субкультур в районе трущобы Корневилль. Цель ученого состояла в непосредственном описании преступной действительности и социальных практик жителей Корневилля. При этом ему пришлось решить весьма трудную проблему идентификации с жителями Корневилля. Статус «своего парня» давал возможность ученому поддерживать тесные неформальные отношения с людьми, преодолевать социальные и коммуникативные барьеры, проводить наблюдения.

Полученные результаты превзошли все ожидания, но включенное наблюдение – не идеальный метод. Он характеризуется повышенным риском субъективности впечатлений наблюдателя и даже угрозой его полной идентификации с членами изучаемого сообщества.

Таким образом, для описания, объяснения и понимания преступности как наиболее опасной формы негативной девиантности и острой социальной проблемы, а так-же факторов, ее детерминирующих, американские исследователи широко используют данные уголовной статистики и социологических опросов с применением процедур вторичного анализа и качественных методик.

При осуществлении методологической триангуляции важно адекватно оценить когнитивный потенциал различных методик, эффективно использовать их сильные и нивелировать слабые стороны. Ясно, что невозможно с высокой достоверностью и точностью оценить абсолютное число таких латентных преступлений, как изнасилования, разбойные нападения или кражи имущества. Более точно исчисляются и коррелируются индексы по убийствам, кражам автотранспорта и некоторым другим резонансным преступлениям.

Уровни преступности, рассчитанные по разным методикам, в том числе опросным, не всегда согласуются между собой, но на основе сочетания разных дополнительных, по Н.Бору, приемов во многом удается избежать фрагментарности монометодических оценок преступности и лучше реконструировать социологическими средствами социально-криминальную реальность.

В США и странах Западной Европы уголовная статистика и результаты социологических исследований по проблемам преступности и виктимизации полностью открыты, о чем свидетельствуют международные криминологические издания и материалы интернет-сайтов. Ежегодно большим тиражом издаются специальные сборники «Уголовная виктимизация в Соединенных Штатах» и «Преступность в Соединенных Штатах». Виктимологические данные опросов и статистика преступности широко обсуждаются в открытой печати, что вполне отвечает задачам правового просвещения населения и учета интересов гражданского общества, укрепляет социальную составляющую юстиции и правоохранительной деятельности.

В России периодически дозируются объем и доступность данных уголовной статистики. Виктимологические опросы проводятся нерегулярно и не в масштабах всей страны, что определенно затрудняет научное осмысление проблем преступности и обеспечения правопорядка. Манипуляции со статистикой преступности снижают доверие граждан к органам внутренних дел и государству в целом. В литературе находят отражение лишь некоторые специальные или региональные виктимологические опросы, а ведомственные статистические сборники выходят с грифом «ДСП».

В органах внутренних дел длительное время воспроизводится «палочная» система учетов. Она создает предпосылки для «конструирования» статистики регистрации и раскрываемости преступлений, обеспечивая, по сути, видимость, симулякры борьбы с

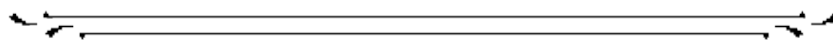
преступностью. В итоге государству и обществу неизвестны истинные масштабы криминальных угроз. Синдром Евсюкова обнажил острые противоречия, драматизм и абсурды управленческой, информационной и кадровой работы в ОВД, ускорил радикальные вневедомственные преобразования и деbüroкратизацию этого важнейшего правового института.

Вектор и концептуальные рамки радикальной реформы МВД России определены указами Президента страны. Неслучайно законопроект «О полиции»

стал объектом активной научной и общественной дискуссии в специальных изданиях, на ТВ, в сети Интернет и других СМИ. Есть надежда, что новый федеральный закон, в конечном счете, приведет не только к институционализации полиции, но и существенно изменит регистрацию преступлений, создаст стимулы и правовые предпосылки для полноценного социологического изучения преступности и других форм негативной девиантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». -2-е изд., испр. и доп. -СПб.: Юридинеский центр Пресс,2007.
2. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. -М.,1998.-С.86.
3. Уайтхед А. Избранные работы по философии. -М., 1990.-С.321.
4. Бор Н. Избранные научные труды. -М.,1971.-Т.2.-С.209.
5. См: Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». -2-е изд.,испр. и доп. -СПб.: Юридинеский центр Пресс,2007; Шипунова Т.В. Введение в синтетическую теорию преступности и девиантности. -СПб.: Изд-во С.-Петербур., 2003; Комлев Ю.Ю.Теория рестриктивного социального контроля.- Казань: КЮИ МВД России,2009.
6. Akers.R.L. Criminological Theories: introduction and evaluation. 2nd ed. - Los Angeles,1997.
7. См.: Толстова Ю.Н. Математико-статистические модели в социологии.-М.: Изд. дом ГУ ВШЭ,2008.
8. См.: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. -6-е изд.- М.:ИКЦ «Академкнига», «Добросвет»,2003.
9. См.:Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. -М.:Логос, 1999.
10. Гишинский Я.И. Криминология. Курс лекций. - СПб.: Питер,2002.- С.37.
11. Гишинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». -2-е изд., испр. и доп. -СПб.: Юридинеский центр Пресс,2007.- С.200.
12. По данным Конклина, учреждение в 1965 году Президентской комиссии было вызвано тем, что в 60-е годы XX века в США стал стремительно расти уровень индексных преступлений. Президент Джонсон направил деятельность Комиссии на «углубление понимания причин преступности и поиск путей выхода из сложившегося положения».
13. Звекич У., Дель Фрате А.А. Обзоры виктимизации: международная перспектива // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: сборник материалов международного семинара. -М.:ВНИИ МВД России,1993.-С.39.
14. Там же. -С.53.
15. См.: Криминология / под ред. Дж. Ф. Шелли; пер. с англ. - СПб.: Питер, 2003.
16. См.: Там же. -С.112.
17. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. -New Jersey, 1999.-P.55
18. Ibidem. -P.60.
19. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction.- New Jersey, 1999.-P.121.
20. Криминология / под ред. Дж.Ф.Шелли; пер. с англ.-СПб.: Питер, 2003.-С.117-119.
21. Schmallegger F. Criminology Today: An Integrative Introduction. -New Jersey, 1999.-P.122.

С.В. Векленко

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника
Воронежского института МВД России
по научной работе

А.И. Якунин

начальник УВД Новгородской области

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Массовые беспорядки – преступление, совершаемое в большинстве стран мира. В каждой из них имеется собственный опыт противодействия массовым беспорядкам. Исследование этого опыта в части регламентации уголовной ответственности представляет несомненный научный интерес. Изучение зарубежного права, по верному замечанию М. Ансея, «открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами. Сравнение способно вооружить юриста идеями и аргументами, которые нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [1]. В рамках настоящей статьи мы не ставили цель изучить уголовное законодательство всех стран по рассматриваемому вопросу, а попытались выявить различные подходы к его решению. Основное внимание было уделено расположению массовых беспорядков (их аналогов) в системе Особенной части уголовных законов, терминологии, обозначающей «массовость» нарушения общественного порядка, описанию объективных признаков состава преступления, средствам дифференциации уголовной ответственности за его совершение.

В Уголовном кодексе Австрии в разделе 20 «Преступные деяния против об-

щественного спокойствия» предусматривается уголовная ответственность за «Нарушение общественного порядка, сопряженное с насильственными действиями группы лиц» (§ 274). Термин «массовые беспорядки» не используется. Ключевой термин – «сборище группы лиц». § 274 УК Австрии содержит два состава преступления:

«1. Всякий, кто сознательно принимает участие в сборище лиц, которое нацелено на то, чтобы под его влиянием совершить тяжкое убийство (§ 75), убийство (§ 76), тяжкое телесное повреждение (§ 126), и если такое насильственное деяние совершается, подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок до двух лет.

2. Всякий, кто принимает участие в сборище в качестве руководителя или, будучи соучастником, выполняет одно из преступных деяний, приведенных в абз. 1, или содействует его проведению (§ 12), подлежит наказанию в виде лишения свободы на срок от трех лет» [2].

В указанном параграфе содержится норма, согласно которой не подлежит наказанию по абз.1 § 274 тот, кто добровольно покидает данное сборище или настойчиво пытается это сделать, прежде чем оно приведет к применению насильственных действий, помимо случаев, когда он принимал участие в сборище в качестве руководителя [3].

Уголовный кодекс Дании в качестве преступлений против общественного спокойствия и порядка признает подстрекательство, руководство и участие в незаконном собрании.

Так, наказанию в виде простого заключения под стражу или тюремного заключения на любой срок, не превышающий трех лет, подлежит «любое лицо, которое подстрекает к незаконному собранию с намерением осуществления или угрозы насильем в отношении людей или имущества» (абз. 1 § 133) [4].

«То же наказание должно применяться в отношении тех, кто в случае незаконного собрания, цель которого очевидна, действуют в качестве руководителей собрания, и в отношении любого участника, который не выполнил приказа разойтись, законно отданного государственными органами. Однако участникам наказание может быть снижено до штрафа» (абз. 2 § 133) [5].

Более строгое наказание – тюремное заключение до шести лет назначается подстрекателям, руководителям незаконного собрания, если во время такового совершено любое из преступлений, охватываемых его целью. Такому же наказанию подлежат и участники совершенного преступления (абз. 3 § 133) [6]. Таким образом, дифференциация ответственности проводится не в зависимости от роли лица, а от факта совершения преступления в ходе незаконного собрания.

Уголовный кодекс Швеции 1962 г. в главе 16 «О преступлениях против общественного порядка» посвящает массовым беспорядкам две статьи.

В соответствии со статьей 1 за массовые беспорядки подстрекатели и руководители приговариваются к тюремному заключению на срок не более четырех лет, а другие участники толпы – к штрафу или тюремному заключению на срок не более двух лет, «если толпа людей нарушает общественный порядок, демонстрируя намерение совершить групповое насилие против публичной власти или иным образом принудить или воспрепятствовать определенным мерам, и не расходится, когда власти приказывают это делать» [7].

В том случае если толпа разойдется, уголовной ответственности подлежат лишь подстрекатели и руководители (штраф или тюремное заключение на срок не более двух лет).

Статья 2 главы 16 УК Швеции предусматривает ответственность за насильственные массовые беспорядки. «Если толпа с намерением, указанным в Статье 1, приступила к совершению группового насилия против лица или имущества, независимо от присутствия властей», то подстрекатели и руководители подлежат тюремному заключению на срок не более десяти лет, а участники толпы – штрафу или тюремному заключению на срок не более четырех лет [8].

Таким способом законодатель Швеции дифференцирует ответственность за массовые беспорядки по двум критериям: роль в преступлении, а также факт совершения насильственного преступления в ходе беспорядков. Сходный подход имеет место в уголовном законодательстве Японии.

Уголовный кодекс Японии 1907 г. (в редакции Закона № 91 от 12 мая 1995 года) в главе 8 «Преступление, состоящее в беспорядках» предусматривает ответственность за беспорядки и невыполнение требования разойтись. В соответствии со ст. 106 УК Японии лица, осуществившие насилие или угрозы, собравшись толпой, признаются совершившими преступление, состоящее в беспорядках, и наказываются в соответствии со следующей градацией:

1. Главари наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от одного года до десяти лет.

2. Лица, которые усиливали беспорядки тем, что командовали другими или возглавляли других людей, наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок от шести месяцев до семи лет.

3. Следовавшие за другими лица наказываются денежным штрафом на сумму до ста тысяч иен [9].

В случае если собралась толпа с целью совершения насилия или угроз и, хотя от соответствующего публичного должност-

ного лица трижды и более поступило приказание разойтись, все же не разошлась, главари наказываются лишением свободы с принудительным физическим трудом или тюремным заключением на срок до трех лет, остальные лица наказываются денежным штрафом на сумму до ста тысяч иен (ст. 107) [10].

Раздел 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка» УК ФРГ предусматривает ответственность за «нарушение общественного спокойствия, сопряженное с насильственными действиями группы лиц:

Кто участвует как исполнитель или участник в

1. насильственных действиях против людей или разрушительных действиях против вещей или

2. угрозах применения насильственных действий по отношению к людям, совершаемых сообща группой людей, угрожающих общественной безопасности, или кто, воздействуя на группу людей, способствует ее готовности к совершению таких действий, наказываются лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом, если деяние согласно другим предписаниям не подлежит более тяжкому наказанию» (§ 125) [11].

§ 125а УК ФРГ содержит квалифицированный состав рассматриваемого преступления: «В особо тяжких случаях, предусмотренных § 125, наказанием является лишение свободы на срок от шести месяцев до десяти лет. Особо тяжкий случай, как правило, имеет место, если лицо, совершившее деяние,

1. имеет при себе огнестрельное оружие,
2. имеет при себе другое оружие для применения его при совершении деяния,

3. насильственными действиями подвергает другое лицо смертельной опасности или опасности причинения тяжкого вреда его здоровью или

4. мародерствует или наносит существенный вред чужому имуществу» [12].

В Уголовном кодексе Франции глава I «О посягательствах на общественное спокойствие» раздела III «О посягательствах на государственную власть» содержит

отдел II «О противоправном участии в сборище».

Статья 431-3 дает понятие сборища: «любое скопление людей на каком-либо общественном пути или в каком-либо общественном месте, способное нарушить общественный порядок» [13].

Данная статья регламентирует также условия применения силы публичными силовыми ведомствами для рассеивания сборища [14].

Статьи 431-4, 431-5, 431-6 УК Франции предусматривают ответственность за участие в сборище и провоцирование вооруженного сборища.

Ответственность за участие в сборище дифференцируется в зависимости от вооруженности участника. Статья 434-4 предусматривает ответственность за невооруженное участие в сборище, а статья 434-5 – за вооруженное участие в сборище.

Деяние, совершенное тем, кто не имеет при себе оружия, выразившееся в умышленном продолжении участвовать в сборище после требований разойтись, наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков [15] (ст. 434-4) [16].

Участие в сборище, совершенное вооруженным лицом, наказывается тремя годами тюремного заключения и штрафом в размере 300 000 франков (абз. 1 ст. 434-5) [17].

Ответственность за вооруженное участие в сборище повышается в случае умышленного продолжения такого участия после требований разойтись – пять лет тюремного заключения и штраф в размере 500 000 франков (абз. 2 ст. 434-5) [18].

В статье 431-6 признается преступлением прямое провоцирование вооруженного сборища, выраженное либо в публичных выступлениях или криках, либо в расклеенных или распространенных листовках, либо совершенное любым другим способом передачи текста, речи или изображения. Данное деяние наказывается одним годом тюремного заключения и штрафом в размере 100 000 франков (абз. 1 ст. 431-6) [19].

Квалифицированный состав провоцирования – если провокация привела к ре-

зультату – наказывается семью годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 000 франков (абз. 2 ст. 431-6) [20].

Уголовный кодекс Франции, помимо преступного участия в сборищах, признает преступным участие в иных массовых мероприятиях, например, в манифестации.

Отличие преступного сборища от незаконной манифестации в уголовном законодательстве не разъясняется. Можно согласиться с А. А. Меньших в том, что «под преступным сборищем подразумевается стихийное объединение случайных людей (то есть заранее не договаривавшихся об участии в сборище), а незаконной манифестацией является заранее организованное, запланированное собрание людей, объединенных общей целью» [21].

В Уголовном кодексе Испании среди преступлений против общественного порядка (Раздел XXII), в главе III «О публичных беспорядках» статьей 557 предусмотрена ответственность за групповое нарушение общественного порядка: «Тот, кто, действуя в группе, с целью совершения посягательства против общественного спокойствия, нарушит общественный порядок, причинив телесные повреждения людям, причинив ущерб собственности, создав препятствия на общественных дорогах или подступах к ним с опасностью для лиц, передвигающихся по ним, захватив сооружения или здания, наказывается тюремным заключением на срок от шести месяцев до трех лет, независимо от наказания, которое может быть назначено по другим статьям настоящего Кодекса» [22].

На наш взгляд, норма, содержащая состав преступления, близкий к «массовым беспорядкам» в их российском понимании, расположена в главе IV «О преступлениях, связанных с осуществлением основных прав и публичных свобод и обязанностью исполнения социальных работ», разделе I «О преступлениях, совершенных по поводу осуществления основных прав и публичных свобод, гарантированных Конституцией» (статьи 513, 514). Так, в статье 513 УК Испании признаются наказуемыми незаконные собрания или манифестации:

1) имеющие цель совершения какого-либо преступления;

2) с участием лиц, имеющих оружие, взрывные устройства, предметы для нанесения ударов и любые другие опасные объекты [23].

Статья 514 предусматривает ответственность зачинщиков, руководителей, участников незаконного собрания или манифестации и исполнителей преступлений во время таковых.

Так, в ч. 1 ст. 514 УК Испании сказано: «Зачинщик или руководитель собрания или манифестации, описанных в пунктах 1 и 2 предыдущей статьи, не стремившийся всеми способами нейтрализовать негативные обстоятельства, наказывается тюремным заключением на срок от одного года до трех лет и штрафом на сумму от двенадцати до двадцати четырех месячных заработных плат. Зачинщиком или руководителем собрания и манифестации признается лицо, их создавшее или ведущее» [24].

Примерный Кодекс США к посягательствам на публичный порядок и благопристойность относит «Учинение беспорядков. Неподчинение приказу разойтись» (ст. 250.1) [25]. Особенностью первого состава преступления является указание на количество людей, принимающих участие в беспорядках: «Лицо виновно в учинении беспорядков, являющемся фелонией третьей степени, если оно принимает участие совместно с двумя или более лицами в осуществлении нарушающего общественный порядок поведения:

а) с целью совершения или облегчения совершения фелонии или мисдиминора;

б) с целью предотвратить или вынудить должностную акцию; или

с) в случае когда деятель или кто-либо иной из участников заведомо для деятеля применяет или собирается применить огнестрельное или иное смертоносное оружие» (ч. 1 ст. 250.1) [26].

В Своде законов США массовым беспорядкам посвящена глава 102 Riots части 1 раздела 18. Данная глава содержит два параграфа. В § 2101 устанавливается ответственность в виде штрафа и (или) лишения

свободы до 5 лет за практически любую причастность к массовым беспорядкам:

«Кто, перемещается по штатам, ведет внешнюю торговлю или использует любую возможность, связанную с перемещением по штатам или такой торговлей, с целью

- (1) разжигания беспорядков, или
- (2) организации, поощрения, одобрения, участия, или продолжения беспорядков, или
- (3) совершения любых актов насилия для содействия беспорядкам, или
- (4) оказания содействия любому лицу, в подстрекательстве к совершению или участию в них, или продолжению беспорядков, или совершению каких-либо актов насилия в ходе беспорядков» [27].

В § 2102 разъясняется, что термин «массовые беспорядки» означает нарушение общественного порядка, включающее: 1) какой-либо акт или акты насилия одного или более лиц из скопления трех и более лиц, если акт или акты создают явную и налицо существующую опасность или реально причиняют вред имуществу или личности какого-либо иного индивида, или 2) угрозу либо угрозы совершения какого-либо акта или актов насилия одним или более лицам из скопления трех и более лиц, способных, индивидуально или коллективно, немедленно исполнить такую угрозу или угрозы, когда выполнение угрозы или актов насилия может создать очевидную и налицо опасность или реально причинить вред имуществу или личности какого-либо иного индивида [28].

В Великобритании Законом об общественном порядке 1986 года для обозначения массовых беспорядков так же, как и в законодательстве США, используется количественный признак: «Если двенадцать или более лиц применяют или угрожают применить насилие в отношении других лиц или собственности, имея общее намерение и действуя таким образом, что человек, обладающий умеренной твердостью духа, испытывал бы страх за свою личную безопасность, то каждый применяющий незаконную силу будет обвиняться в учинении массовых беспорядков с назначением наказания до десяти лет тюрьмы» [29]. Далее в параграфе указы-

вается, что если трое или более лиц ведут себя так грубо, что человек будет испытывать страх за свою безопасность, то каждый применяющий или угрожающий применить незаконно силу будет виновен в грубом нарушении общественного порядка [30].

В Законе оговорено, что общая цель может предполагаться, исходя из поведения нарушителей, а противоправные действия, выражающиеся в учинении беспорядков, являются таковыми независимо от того, совершаются ли они в частном или общественном месте [31].

Уголовный кодекс Республики Кореи в главе V «Преступления против общественного порядка» предусматривает два состава преступления, сходных с массовыми беспорядками, не конкретизируя при этом количество их участников:

– Лица, собравшиеся в большом количестве и использующие насилие или запугивание либо совершающие разрушительные действия, подлежат наказанию в виде каторжных работ или лишения свободы на срок не менее одного года и не более десяти лет либо штрафа в размере не более пятнадцати миллионов вон (ст. 115).

– Лица, собравшиеся в большом количестве и использующие насилие или запугивание либо совершающие разрушительные действия и не расходящиеся после отдачи соответствующего приказа должностными лицами, уполномоченными осуществлять контроль за вышеперечисленными действиями, подлежат наказанию в виде каторжных работ или лишения свободы на срок не более двух лет либо штрафа в размере не более трех миллионов вон (ст. 116).

В Уголовном кодексе Китайской Народной Республики ответственности за массовое нарушение общественного порядка не предусмотрено. Статья 278 УК КНР предусматривает ответственность лишь за «призыв народных масс к выражению силового протеста против выполнения государственных законов и административных нормативных актов». Наказывается данное преступление лишением свободы на срок до 3 лет, краткосрочным

арестом, надзором или лишением политических прав.

При наличии квалифицирующего состава: «то же деяние, приведшее к серьезным последствиям», – наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет.

Анализ зарубежного законодательства в части регламентации уголовной ответственности за массовые беспорядки позволяет сделать некоторые выводы.

1. В большинстве стран массовые беспорядки признаются преступлением против общественного порядка.

2. Существует несколько вариантов определения «массовости» нарушения общественного порядка:

– указывается конкретное число участников массовых беспорядков (Великобритания, США);

– используется оценочный термин: «сборище» – Австрия, Франция; «незаконное собрание» – Дания, Испания; «толпа» – Швеция, Япония; «группа лиц» – ФРГ, «народные массы» – Китай; «лица, собравшиеся в большом количестве» – Корея.

Несмотря на то, что указание на конкретное количество человек, возможно, упорядочивает правоприменительную практику, второй из указанных вариантов, используемый и отечественным законодателем, представляется предпочтительным. Вряд ли указание конкретной цифры позволит во всех реальных случаях отграничить массовые беспорядки от группового хулиганства.

3. Признаками, характеризующими «сборище», «незаконное собрание» или иным образом обозначенное некое скопление людей, являются:

– насилие в отношении людей или имущества либо угроза такого насилия (США, Великобритания, ФРГ, Дания, Япония, Корея);

– цель совершения конкретных видов преступлений и факт их совершения (Австрия);

– цель совершения преступлений и вооруженность участников либо нарушение общественного порядка с причинением телесных повреждений людям, причинением ущерба собственности, созданием

препятствия на общественных дорогах или подступах к ним с опасностью для лиц, передвигающихся по ним, захватом сооружения или здания (Испания);

– нарушение общественного порядка путем демонстрации намерения совершить групповое насилие против публичной власти или иным образом принудить или воспрепятствовать определенным мерам, и невыполнение требования власти разойтись (Швеция);

– общественное место и способность нарушить общественный порядок (Франция).

В сравнении с большинством норм зарубежного законодательства, выступивших предметом исследования, ч. 1 ст. 212 УК РФ содержит более широкий и детализированный перечень деяний, сопровождающих массовые беспорядки. Эти деяния должны осуществляться, а не составлять предмет цели незаконного скопления людей. Таким образом, не все разновидности массовых беспорядков, признаваемые преступными по законодательству зарубежных стран, влекут уголовную ответственность в соответствии с российским уголовным законодательством.

4. Для описания признаков основных составов массовых беспорядков используется два приема. В соответствии с первым, акцент делается на объективной стороне (деяниях):

– участие, руководство (Австрия);
– участие, провокация (Франция);
– разжигание, организация, поощрение, участие, совершение насилия для содействия беспорядкам, содействие (США);
– призыв (Китайская Народная Республика).

В соответствии со вторым приемом, указывается роль виновного лица:

– подстрекатель, руководитель, участник (Дания, Швеция);
– главари, командиры, следующие за другими лица (Япония);
– зачинщик, руководитель, участник (Испания);
– кто участвует, как исполнитель или участник, кто способствует (ФРГ).

Для действующего отечественного уголовного законодательства характерен

первый из обозначенных приемов юридической техники. Хотя дореволюционное уголовное законодательство России совмещало оба этих приема при регламентации ответственности за исследуемое преступление.

5. Основанием дифференциации уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежном законодательстве ряда стран является не только характер деяния (роль виновного), но и квалифицирующие признаки. Среди них:

– факт совершения любого из преступлений, охватываемых целью незаконного собрания людей (Дания, Швеция);

– наличие огнестрельного или иного оружия для применения его при совершении деяния, насильственные действия, подвергающие другое лицо смертельной опасности или опасности причинения

тяжкого вреда его здоровью, мародерство или нанесение существенного вреда чужому имуществу (ФРГ);

– вооруженность (Франция).

Статья 212 УК РФ не содержит квалифицирующих признаков. Совершение конкретных преступлений, угроз, вооруженность – признаки основного состава (ч. 1 ст. 212 УК РФ). Придание «вооруженности» статуса квалифицирующего признака – вопрос, заслуживающий внимания, но требующий дополнительных исследований, также как и вопрос о необходимости дополнения ст. 212 УК РФ другими квалифицирующими признаками.

6. Особенностью уголовного законодательства некоторых зарубежных стран, например, Франции, является регламентация порядка применения полиции для противодействия массовым беспорядкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права// В сб.: Очерки сравнительного права. -М., 1981. -С. 38.
2. Уголовный кодекс Австрии. -СПб., 2004. -С. 300.
3. Там же. -С.300-301.
4. Уголовный кодекс Дании. -СПб., 2001.- С. 123.
5. Там же.
6. Там же.
7. Уголовный кодекс Швеции. -СПб., 2001.- С. 125.
8. Уголовный кодекс Швеции.- СПб., 2001. - С. 125-126.
9. Уголовный кодекс Японии. - СПб., 2002. -С. 77-78.
10. Уголовный кодекс Японии.- СПб., 2002. - С. 78.
11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. -СПб., 2003. - С. 281.
12. Там же. -С. 281-282.
13. Уголовный кодекс Франции. -СПб., 2002. -С. 368.
14. Там же. -С. 368-369.
15. В настоящее время штрафы взимаются в евро.
16. Уголовный кодекс Франции. -СПб., 2002. - С. 369-370.
17. Там же. - С. 370.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же.
21. Меньших А. А. Уголовная ответственность за нарушения общественного порядка по законодательству Франции // Журнал российского права. -2004. -№ 11.
22. Уголовный кодекс Испании. -М., 1998. -С. 169-170.
23. Уголовный кодекс Испании.- М., 1998. -С. 158.
24. Там же.
25. Примерный Уголовный кодекс (США)/ под ред. Б. С. Никифорова.- М., 1969.- С. 184.
26. Там же.
27. U.S. Code <http://www.law.cornell.edu/uscode/>
28. Там же.
29. Цит. по: Демидов Ю. Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты. -М., 1994. -С. 15.
30. См.: Там же.
31. Pablik Order Act 1986. Chapter 64? Part 1? 1 (3, 5), 2 (4) // Цит. по: Князев В. В., Стефанишин С. С. Борьба с массовыми беспорядками за рубежом. -М., 1992. -Ч. 1. -С. 45.

С.Я. Казанцев

доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный юрист России,
начальник кафедры криминалистики
КЮИ МВД России

О.Э. Згадзай

кандидат физико-математических наук,
доцент, начальник кафедры экономической
теории, правовой статистики, математики и
информатики КЮИ МВД России

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ИТ-СФЕРЕ:

НОВЫЕ УГРОЗЫ И НЕОБХОДИМЫЕ ОТВЕТЫ

Противодействие киберпреступности - глобальной международной проблеме - подразумевает целую систему мероприятий, включающую в себя анализ объективных условий, порождающих преступление, механизмов их совершения, способов выявления, пресечения, расследования, опыт судебного рассмотрения. В рамках комплексного подхода к борьбе с киберпреступностью и интернет-мошенничеством должен быть решен ряд общих и частных научно - практических задач.

Роль и значение сети Интернет в современной жизни неоспоримы. Благодаря глобальной сети миллионы жителей нашей планеты пишут друг друга письма, обмениваются мнениями на форумах и конференциях, ведут сетевые дневники, совершают гражданско-правовые сделки. Интернет сегодня все больше трансформируется в глобальную социальную сеть, где каждый может быть не только потребителем информации, но и ее поставщиком.

Вхождение России в мировое информационное пространство в начале 90-х годов дало мощный толчок развитию информационных технологий, глобальных компьютерных сетей, росту индустрии аппаратного и программного обеспечения, компьютеризации всех сфер экономики. Однако глобализация и интеграция отдельных государств в единую мировую систему несут в себе как положительный потенциал прогрессивного развития, так и ряд негативных последствий. Одним из них выступает современная киберпреступность, которая также превращается в глобальную общечеловеческую проблему [1].

Информационные технологии открывают широкие возможности для разного рода махинаций, преступники получают доступ к ценной информации и финансовым средствам. Происходит интеллектуализация экономической преступности, в том числе путем использования новейших достижений научно-технического прогресса в корыстных интересах. Для незаконного доступа к корпоративным информационным ресурсам и персональным данным преступниками активно используется сеть Интернет.

Современная преступность, имеющая динамичный, инициативный и творческий характер, мгновенно заполняет все появляющиеся и доступные ей слабо контролируемые государством ниши, адекватно обстановке меняет виды, формы и способы преступной деятельности, не ограничивая свои действия никакими правовыми и нравственными нормами и правилами. «В отличие от неповоротливых государственных структур, преступники могут очень оперативно использовать последние достижения науки и техники» [2].

Киберпреступность – объективное следствие происходящей глобализации информационных процессов. Усложнение и видоизменение преступной деятельности, связанной с использованием глобальных компьютерных сетей, происходит постоянно, и нет никаких оснований считать, что в ближайшее время ситуация может измениться в лучшую сторону. Положение усугубляется еще и тем, что происходит вытеснение примитивного уголовного типа преступников интеллектуальными и предприимчивыми, с более изощренными способами ведения преступной деятельности.

Количество преступлений, совершаемых в киберпространстве, растет пропорционально числу пользователей компьютерных сетей. По оценкам Интерпола, темпы роста преступности в глобальной сети Интернет являются самыми быстрыми на планете [3]. За последние 10 лет количество пользователей Интернета в России увеличилось более чем в 10 раз и составило 26 млн человек. По этому показателю Россия находится на 11-м месте в мире и на первом среди стран Восточной Европы и СНГ. При этом до сих пор Интернет «в стране у нас никто не контролирует, как в некоторых других странах» [4].

Массовое распространение экономической киберпреступности, ставящее безопасность тысяч пользователей в зависимость от компьютерных мошенников – кибермошенников, началось всего лишь несколько лет назад. Однако, по прогнозам экспертов, внедрение современных технологий наряду с недостаточным оснащением и подготовкой подразделений компьютерной безопасности может привести к созданию глобальной организованной сети киберпреступников.

К числу наиболее криминализированных в плане киберпреступности районов мира относятся как наиболее высокоразвитые в технологическом и экономическом

смысле страны (США, Великобритания, Канада), так и развивающиеся государства (Россия, Румыния, Индонезия), и даже африканские страны, которые принято считать отсталыми (Нигерия, Того). Существует система оценки потенциальной опасности работы в каждой стране, которая связана с рисками киберпреступности. Несмотря на абсолютное первенство Соединенных Штатов по количеству зафиксированных экономических киберпреступлений, не отмечено ни одного случая бойкота этой территории, тогда как все бывшие республики СССР включены известными web-аукционами и торговыми фирмами в «черные списки» стран, куда предприниматели отказываются доставлять заказанные товары.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство крупных мошеннических операций уже осуществляется преступными организованными группами и целыми транснациональными сообществами. Пример – арест в Испании международной преступной группы, создателями которой были трое российских граждан, сумевшей при помощи махинаций через Интернет снять с банковских счетов клиентов в общей сложности более 500 тысяч евро.

Интернет превращается в некую альтернативу привычной жизнедеятельности общества, вбирая в себя весь ее социально-экономический груз. Он стал областью быстро разрастающегося электронного бизнеса, сферой купли-продажи товаров и услуг, международной рыночной площадкой, в пределах которой вращаются колоссальные деньги. А где деньги, там и мошенники. Причем мошенники новой генерации – компьютерной: технически грамотные, хорошо оснащенные, хитроумные и зачастую недосыгаемые для правоохранительных органов.

Количества и масштабы экономических афер и финансовых махинаций, осуществляемых в Интернете, достигли таких размеров, что ставят под сомнения все плюсы «виртуальной» коммерции,

традиционно декларируемые как безусловные преимущества перед коммерцией «реальной». В самом деле – о какой эффективности, удобстве и уж тем более безопасности электронных транзакций можно вести речь, когда любая торговая web-операция может закончиться для предпринимателя самым неблагоприятным образом.

Порядок ущерба, ежегодно наносимого компьютерными хищениями, сопоставим с суммарными доходами глобального интернет-бизнеса. Это уже не «воровство по мелочи», которому на заре развития Интернета особого значения не придавалось, – это серьезная проблема, которая все больше и больше волнует мировое сообщество. Проблема, в орбиту которой оказываются вовлеченными бизнесмены, их клиенты, разработчики программно-аппаратных систем и web-сервисов, правоохранительные структуры, органы прокуратуры и суда, законодатели, т.е. глобальная и многоаспектная проблема нашего времени.

Приводимые факты лишь раз подтверждают необходимость самого серьезного подхода к изучению интернет-мошенничества. В конце ноября 2001 г. 26 европейских стран, а также США, Мексика, Канада и Япония подписали первую международную конвенцию по борьбе с компьютерными преступлениями. Стороны обязались ввести в действие перечень законов по борьбе с неавторизованным доступом к компьютерным сетям, перехватом данных, интернет-мошенничеством, компьютерным пиратством и т. д.

Комиссия по биржевой деятельности и ценным бумагам США создала структурное подразделение из 100 с лишним кибер-полицейских для контроля за достоверностью информации в Интернете. К функциям этой группы было отнесено наблюдение за корректностью сведений, рассылаемых по электронной почте и размещаемых на электронных досках объявлений и сайтах.

Интернет-мошенничество, как новый и наиболее опасный вид преступности,

активно изучается зарубежными специалистами. По инициативе экспертов США был создан Независимый центр исследования интернет-мошенничества (IFCC). В то же время в отечественной юридической науке и практике только начинаются подвижки по изучению данного социального явления.

В апреле 2006 г. в Москве состоялась международная конференция по борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом. Министр внутренних дел России Р. Нургалиев отметил, что в России происходит увеличение количества кибер-атак на информационные ресурсы банковских структур с целью хищения финансовых средств и получения конфиденциальных сведений, необходимых для совершения подобных действий. Этим действиям сопутствуют факты мошенничества, в том числе с использованием поддельных кредитных или расчетных карт. Отсутствие в виртуальном пространстве территориальных границ, анонимность, широкая аудитория пользователей Интернета и возможность электронной торговли представляют большой интерес для криминальных структур. Преступления все чаще носят многоэпизодный, скоротечный и трансграничный характер.

К сожалению, следует констатировать, что на сегодняшний день общество в целом не до конца осознает проблемы и опасности киберпреступности, поэтому не принимает необходимых усилий по противодействию этому явлению.

По данным МВД России, общий ущерб, нанесенный преступлениями в сфере электронных платежей, составляет около 6 млрд долларов в год. По оценкам специалистов МВД, каждый год через Интернет российские преступники похищают со счетов фирм около 450 млн долларов [5].

Согласно статистике, 72% компьютерных преступлений составляют такие преступления, как неправомерный доступ к информации и мошенничества. Особый интерес преступников вызывает конфиденциальная информация –

сведения о банковских счетах и коды доступа пластиковых карт.

В целом, за первые девять месяцев 2010 года сотрудниками подразделений "К" МВД России было возбуждено более 5 тысяч уголовных дел, выявлено почти 7,5 тысяч преступлений. По величине ущерба лидирует неправомерный доступ к компьютерной информации, а также создание, использование и распространение вредоносных программ. На их долю приходится более 60 процентов всех инцидентов, поскольку именно завладение кодами и паролями, блокирование компьютерных систем служат своего рода ключом к совершению других преступлений, в том числе электронному мошенничеству [6].

От «web-воровства» бизнес-структуры страдают гораздо больше, чем частные лица. Мужчины становятся жертвами подобных преступлений чаще, чем женщины, а пожилые люди чаще, чем молодые. Больше всего шансов стать жертвой «компьютерных жуликов» у участников онлайн-аукционов: почти 43% всех случаев мошенничества, зафиксированных в последние годы, произошло именно с участниками аукционов. Каждый пятый потерпевший был обманут продавцами товаров и услуг, около 15% инцидентов были связаны с так называемыми «нигерийскими письмами», и только в 1,4% криминальных ситуаций виновными оказывались предприятия электронной торговли.

Все больше компьютерных преступлений в России совершается группами, растет корыстная направленность таких деяний. Компьютерные преступления все чаще носят трансграничный характер. К этому приводит отсутствие как таковых границ в киберпространстве, что позволяет преступникам уйти от ответственности за границу, особенно туда, где не развита соответствующая служба, несовершенна нормативная база, не налажены методики расследований. В связи с этим приходится находить новые способы расследования киберпреступлений.

Способов совершения мошенничеств, совершаемых с использованием сети Интернет, множество. Рассмотрим наиболее характерные для России современного периода и мирового сообщества способы совершения интернет-мошенничества, а также особенности квалификации преступных деяний.

На первом месте в мире – всевозможные мошенничества на интернет-аукционах. На втором – мошенничества, связанные с электронной торговлей, а именно: неполучение товара, неполное получение товара или получение в ненадлежащем виде. На третьем месте – «нигерийские письма». Учитывая транснациональный характер сети Интернет, примерно такая же ситуация должна складываться и в российском секторе глобальной сети.

Однако статистика отмечает некоторые особенности. Например, по данным российских правоохранительных структур, одно из ведущих мест в рейтинге интернет-мошенничества занимают аферы с «черными невестами». Этот вид мошенничества получил в последнее время наибольшую популярность, так как требует минимум вложений и дает максимальные прибыли в достаточно короткие сроки. Суть аферы сводится к тому, что мошенник (парень или девушка) знакомится с жертвой посредством сети Интернет на одном из сайтов знакомств. Как правило, в качестве жертвы по статистике выступают заокеанские «холостяки» – в основном обеспеченные американцы и канадцы в возрасте от 30 до 40 лет. Все общение сводится к тому, чтобы выудить у доверчивых «женихов» деньги якобы на проезд до «любимого», сумма проезда в среднем колеблется в пределах 500-1000\$ США. Некоторые регионы поставили мошенническую схему на поток.

Другим распространенным способом совершения мошенничества в России является «кардинг» – мошенничество с пластиковыми картами. Мошенники могут перехватить данные, которые банкомат отправляет в банк, чтобы удостовериться в

наличии на счету запрашиваемой суммы. Они могут подключиться к соответствующему кабелю и считать необходимые данные. В Интернете соответствующие рекомендации находятся в свободном доступе, поэтому неудивительно, что такой вариант «кардинга» взят мошенниками на вооружение.

Наиболее распространенный вид мошенничества в сети Интернет предельно прост – преступники любыми доступными способами стараются заполучить реквизиты кредитной карточки с целью их дальнейшего использования для оплаты покупок и услуг в сети. Копию кредитной карты в данном случае делать необязательно, а потратить деньги с чужого счета можно, практически ничем не рискуя.

Сегодня «кардинг» в Интернет – удел не просто отдельных мошенников. Образовались целые преступные сообщества, основными задачами которых являются поиск и взлом баз данных с реквизитами кредитных карт. По возрасту «кардеры» достаточно молоды, в основном от 14 до 20 лет. Работают они так, что в большинстве случаев владельцы баз данных обнаруживают потерю, когда прошло уже слишком много времени. Практика же расследования показывает, что украденные «кардером» средства можно вернуть лишь в случае его поимки. Да и то, если у преступника окажутся необходимые для возмещения ущерба деньги или имущество.

Подделка банковских карт – сфера интересов преимущественно организованных групп, действующих в сговоре со служащими предприятий торговли и сервиса, имеющими доступ к номерам карточек, реквизитам их владельцев и другим персональным данным. Соучастниками становятся и представители банковских структур.

Основной целью проведения преступниками операций с платежными картами является завладение денежными средствами. В России наиболее часто встречаются следующие схемы:

- незаконное использование реквизитов банковских карт для оплаты услуг посредством сети Интернет. Например, лицо осуществляет мошеннические операции, используя данные платежных банковских карт держателей иностранных банков, заказывая через Интернет различные товары, бронируя гостиничные номера, такси и т.п.;

- снятие денег в банкоматах, используя номера платежных карт и персональных идентификационные номера клиентов банков, которые «добывались» с использованием сети Интернет;

- заказ товаров в малоизвестных интернет-магазинах на сумму не более 50 долларов США (лишь малоизвестные магазины, да и то при покупке не свыше 50 долларов США, могут не проводить транзакцию (проверку подлинности карты)). В этих магазинах принимают к оплате почти все international-карты. Для преступников данный способ привлекателен тем, что авторизация карты состоит лишь в проверке ее платежеспособности и не требует идентификации личности клиента.

Следующий распространенный способ совершения интернет-мошенничества – попытка посторонних лиц завладеть конфиденциальной информацией о пользователе, группе пользователей или организации для получения финансовой выгоды – получил название фишинга (от английского «phishing»), или финансового мошенничества в сети Интернет.

Фишинг – серьезная угроза не только для потребителей, но и для предприятий электронной коммерции, финансовых учреждений и других компаний, осуществляющих расчеты через Интернет. Для достижения своих корыстных целей злоумышленники используют самые разнообразные технические и социальные приемы: вирусы, сетевые черви, программы удаленного администрирования, обман и запугивание и т.п.

Чаще всего клиенту присылается электронное письмо или сообщение, где в качестве отправителя указывается какое-либо финансовое учреждение.

Содержание в общем случае следующее: в связи с профилактическими работами, изменением законодательства либо для повышения уровня безопасности пользователя просят зайти на интернет-страницу финансового учреждения, где для контроля необходимо указать требуемые пароли и коды.

На подобные обращения реагирует до 5% получивших их клиентов [7]. При этом интернет-страница, на которую они попадают, не связана каким-либо образом с названным финансовым учреждением. Она находится на сервере в одном из государств со слабой системой защиты данных. В случае если жертва передает через эту страницу свои пароли и коды, они попадают в руки мошенников, которые затем пользуются ими в противозаконных целях.

Таким образом, финансовое мошенничество в сети Интернет (фишинг) – это вид мошенничества, заключающийся в рассылке электронных писем, создании фальсифицированных веб-сайтов с целью завладения конфиденциальной информацией о пользователе, группе пользователей или организации для получения финансовой выгоды. На сегодняшний день фишинг проявил себя как одна из наиболее серьезных проблем и, пожалуй, самая активно развиваемая схема мошенничества в Интернете.

Большое внимание проблемам выявления фишинга и борьбе с этим преступлением уделяют наряду с правоохранительными органами и крупные компании и службы, занимающиеся обеспечением информационной безопасности. В России масштабы компьютерного мошенничества в настоящее время невелики, но будущее не заставит себя долго ждать. Пока же в уголовном законодательстве России нет специального состава, предусматривающего ответственность за компьютерное мошенничество. В то же время в уголовном законодательстве некоторых зарубежных стран, таких как ФРГ, США, Эстония, Беларусь, уголовная ответственность за данное преступление уже предусмотрена.

В России компьютерное мошенничество можно квалифицировать по статьям о мошенничестве (ст. 159 УК РФ), о присвоении или растрате (ст. 160 УК РФ), о причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), об изготовлении или сбыте поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов (ст. 187 УК РФ). Особо следует отметить, что, рассматривая понятие мошенничества, нельзя ограничиваться нормами ст. 159 УК РФ. Можно рассматривать мошенничество как преступные деяния, предусмотренные ст. 159 УК РФ и ст. 165 УК РФ. Различия между двумя составами только в том, что при причинении имущественного ущерба в отличие от мошенничества отсутствуют признаки хищения [8]. Присвоение и растрату следует включить в понятие мошенничества ввиду того, что в законодательстве большинства зарубежных стран эти деяния относятся к мошенничеству. Таким образом, под компьютерным мошенничеством следует понимать завладение чужим имуществом путем обмана, злоупотребления доверием, присвоения, растраты, а также причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием средств компьютерной техники.

Компьютерное мошенничество относится к преступлениям против собственности. Основным непосредственным объектом являются отношения, охраняющие право собственности, а дополнительным объектом – общественные отношения в сфере компьютерной информации. Предметом компьютерного мошенничества выступает чужое имущество. Объективная сторона компьютерного мошенничества может состоять в завладении чужим имуществом или правом на него либо в причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, включая присвоение вверенного имущества с

использованием средств компьютерной техники.

Обман при компьютерном мошенничестве выражается в завладении чужим имуществом либо правом на него, либо в причинении иного имущественного вреда путем умышленного искажения или сокрытия данных, вводимых в автоматизированную систему, с целью введения в заблуждение лица, либо в манипуляциях с программами, данными или аппаратной частью компьютера, обрабатывающими информацию о передвижении имущества, с тем чтобы добиться получения чужого имущества, права на имущество, либо получения иной имущественной выгоды.

При злоупотреблении доверием преступник использует основанные на юридических или фактических обстоятельствах доверительные отношения с корыстной целью по поводу имущества во вред правам и законным интересам собственника или иного владельца этого имущества. При присвоении и растрате лицо завладевает чужим имуществом, которое ему вверено, что по существу также является злоупотреблением доверием. Злоупотребление доверием является обязательным признаком объективной стороны таких преступлений, как присвоение и растрата, а также обязательным альтернативным – наряду с обманом – признаком объективной стороны мошенничества и причинения имущественного ущерба.

Общепризнано, что совершение хищения путем кражи с использованием средств компьютерной техники невозможно, потому что кража является тайным хищением чужого имущества. В компьютере денежные средства или имущество не хранятся – в нем хранится информация об имуществе или передвижении имущества. Если преступник тайно проникает в компьютерную систему с целью похитить денежные средства либо имущество, то он проникает в систему путем манипуляций

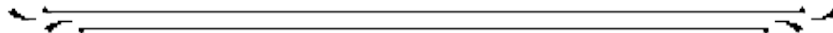
с программами, данными либо техническими средствами. Как было сказано ранее, эти действия будут являться обманом, который специфичен для компьютерного мошенничества. Если происходит тайное копирование чужой информации, для дальнейшего неправомерного обладания ею, то данное деяние должно квалифицироваться по ст.272 – неправомерный доступ к компьютерной информации, повлекшее за собой уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации.

Корыстные преступления против собственности с использованием средств компьютерной техники имеют особую специфику, что и обуславливает необходимость введения специальной нормы, предусматривающей ответственность за компьютерное мошенничество. Уголовный кодекс Российской Федерации следует дополнить статьей, предусматривающей ответственность за компьютерное мошенничество. Диспозицию статьи можно изложить в следующей редакции: завладение чужим имуществом путем обмана, злоупотребления доверием, присвоения, растраты либо причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети.

Уголовное законодательство России должно быть согласовано с зарубежным законодательством, т.к. компьютерное мошенничество является транснациональным преступлением. Примером может служить Европейская конвенция по киберпреступности [9], в которой существует целый раздел, посвященный компьютерному мошенничеству. В Модельном кодексе стран-участников СНГ также введено два состава, посвященных хищению и причинению имущественного вреда, осуществляемых с использованием средств компьютерной техники [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Ковалев Н., Куликов А. XXI век против глобализации преступности // Московские новости. - 2000.-№ 43. - С. 43.
2. Лунеев В. В. Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. - М., 1997. - С. 31.
3. Номоконов В.А. Глобализация информационных процессов и преступность [электронный ресурс]. Доступно из URL: <http://kiev-security.org.ua> /Организационные вопросы / Глобализация информационных процессов и преступность.
4. Интернет-агентство «Полит.ру»: <http://www.polit.ru/news/2007/11/26/Nravstvennost.popup.html>
5. Осипенко А.Л. Борьба с преступностью в глобальных компьютерных сетях: народный опыт: монография. - М., 2004.- С. 8.
6. Электронный ресурс: <http://www.crime-research.ru/news/24.11.2010/7020/>
7. www.antiphishing.org.
8. Ларичев В.Д. Как уберечься от мошенничества в сфере бизнеса. – М.:Юристь, 1996. – С.11.
9. Конвенция по киберпреступности: одобрена Европейским советом 19.09.1999.
10. Модельный налоговый кодекс. Общая часть: принят в г. Санкт-Петербурге 09.12.2000 постановлением 16-5 на 16-ом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств - участников СНГ.

А.Е. Шалагин

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры криминологии и
уголовно-исполнительного права
КЮИ МВД России

Д.Э. Кабиров

кандидат исторических наук
начальник ОН и РИО
КЮИ МВД России

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье проанализировано зарубежное законодательство в области противодействия незаконному обороту наркотических средств. Особое внимание уделено положительному опыту некоторых государств в сфере предупреждения производства и распространения наркотиков.

Первые исторические записи о далеком прошлом рода человеческого содержат данные о том, что многие народы, начиная с доисторического периода, употребляли наркотики растительного происхождения по причине их необычных способностей – менять установившийся взгляд на окружающий мир и иллюзорно исполнять желания, тем самым укрепляя веру человека в могущество сверхъестественных сил [1].

Упоминания об использовании марихуаны жрецами и повивальными бабками встречаются на ассирийских клинописных табличках, в древнеегипетских папирусах, датированных 3-4 тыс. до н.э. [2] Некоторые письменные свидетельства о применении опия в медицине относятся к 350 г. до н.э. Наркотики использовались врачами для снятия болезненных состояний, смягчения физических мук и страданий людей. Широкое применение наркотики нашли и у служителей религиозного культа в процессе проведения ритуальных обрядов [3]. В VI-VIII вв. н.э. наркотики широко применялись в Греции, Риме. В «Одиссее» Гомера встречается эпизод, как благородный Одиссей смог вызволить

своих товарищей из одурманивающего плена цветов лотоса в стране Лотофагов.

В зависимости от исторических особенностей, традиций, обычаев, вероисповедания, географического расположения страны и разновидности растущих растений, из которых можно было возделывать наркотики, шло приобщение народа к различным видам наркотических средств. В Южной Америке традиционно употребляли листья коки. В Центральной Америке в качестве одурманивающих веществ при обрядах использовали некоторые виды кактусов. В Мексике был найден большой каменный гриб с высеченным на ножке обликом бога. История употребления галлюциногенных грибов тесно связана с ацтекской и мексиканской культурами [4].

В восточных и азиатских странах употребление наркотиков, получаемых из конопли и мака, было обычным, традиционным явлением. Человек в чалме с отрешенными глазами и длинной трубкой кальяна во рту служил символом дремотной Азии. В эпоху бурного развития мореходства и международной торговли распространение наркотиков приобретает новый импульс. Многие страны из-за

баснословных прибылей включаются в процесс выращивания, возделывания, перевозки, торговли и другие операции с этими веществами. Наркотики стали мощным средством влияния на колониальные народы. Англия, например, выращивала опийный мак в покоренной Индии, который затем выгодно продавала в Китае.

Но все же наркомания как массовое, общественно опасное явление получает распространение в мире с 70-80 гг. XIX века в связи с бурным развитием медицины и фармакологии. Так, массовое применение опия в качестве наркоза при хирургических операциях во время франко-прусской войны 1870-1871 гг. дало вспышку наркотической эпидемии. В 1874 году для обозначения этой болезни появился термин «морфинизм». В последующем из морфина был получен героин. В начале XX века наркомания была распространена, в основном, в среде представителей уголовного мира и деклассированных элементов (проституток, беспризорников, бродяг и т.п.). Нередко наркоманами становились также люди, которым медики назначали эти препараты в качестве обезболивающего средства при различных заболеваниях [5]. Встречаются упоминания об употреблении наркотиков и представителями творческой интеллигенции.

Современное антинаркотическое законодательство стало складываться только в начале XX в. Первый в США федеральный закон относительно оборота наркотиков, принятый Конгрессом в 1914 г., запрещал культивацию, владение, продажу, распространение опиатов и кокаина для немедицинских целей и предусмотрел наказание для врачей, отпускавших указанные вещества для использования в немедицинских целях. Глобальная опасность распространения наркотизма стала осознаваться и международным сообществом. В период с 1912 по 1972 г. было заключено более 12 многосторонних договоров о контроле за сферой оборота наркотиков. К числу наиболее значимых международных актов

следует отнести: Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 г.; Конвенцию о психотропных веществах 1971 г.; Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что в настоящее время практически во всех странах мира имеется набор правовых норм, в той или иной мере регламентирующих вопросы, связанные с оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Существование этих норм обусловлено необходимостью государственного контроля за оборотом наркотиков и наличием международно-правовых обязательств на уровне межгосударственных отношений.

Однако подходы современных законодателей к определению средств уголовно-правового воздействия не отличаются однообразием, а порой принципиально различаются. В зависимости от характера уголовной политики в области противодействия наркомании и наркотизму можно выделить следующие группы государств.

Первая группа включает государства с мягким (либеральным) законодательством (Австрия, Дания, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Швейцария, Эстония). В этих странах, как правило, отсутствует ответственность за немедицинское употребление наркотиков, незначительные санкции предусмотрены за правонарушения, связанные с продуктами конопли (каннабиса). При этом суровая ответственность устанавливается за сбыт и производство сильнодействующих наркотиков.

Ко второй группе государств относится большинство стран, законодательство которых наиболее взвешенно и дифференцированно (Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Греция, Израиль, Люксембург, Франция, Япония и др.). Наказания в таких странах соответствуют характеру и тяжести совершенного преступления.

В третью группу попадают страны с наиболее строгим законодательством,

содержащим суровую, вплоть до пожизненного заключения и смертной казни, ответственность на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (Бангладеш, Вьетнам, Иран, КНР, Куба, Малайзия, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур, Сирия, Таиланд). Например, в Иране ежегодно в соответствии с Законом 1989 г. проводится несколько сотен публичных казней. По законодательству Сингапура смертная казнь предусмотрена при обнаружении у человека более 15 г героина, 30 г морфия или 500 г марихуаны [6].

Четвертую группу составляют государства (прежде всего африканские и латиноамериканские), в которых уголовное законодательство об ответственности за незаконный оборот наркотиков находится на стадии формирования, а уголовная политика четко не определена. В частности, не установлена ответственность за отдельные деяния, которые международно-правовые акты относят к категории уголовно наказуемых, а чрезмерно жесткая ответственность за одни деликты соседствует с крайним либерализмом по отношению к другим правонарушениям.

Хотелось бы остановиться на опыте некоторых государств и продемонстрировать противоположность существующих подходов к решению данной проблемы. Так, в Голландии отдельные разделы уголовного права регулируются особыми законами и предписаниями местных законодателей. В частности, регламентация ответственности за действия с наркотиками содержится в Законе об опиуме 1928 г. [7] Данный закон запрещает хранение и употребление героина, кокаина, ЛСД и амфетаминов, но разрешает употребление и хранение с этой же целью некоторых производных конопли. Небольшие порции наркотика можно беспрепятственно приобрести в специально отведенных местах – «наркокофейнях». В то же время при обнаружении сильнодействующих

наркотиков полиция без промедления принимает жесткие меры, направленные на пресечение незаконных действий и привлечение виновных лиц к ответственности [8].

Уголовное законодательство Норвегии [9] устанавливает ответственность за производство, ввоз, получение, хранение, пересылку или перемещение веществ, которые относятся к наркотическим. Наказание за подобного рода действия установлено в виде штрафа или тюремного заключения сроком до двух лет. Наряду с тюремным заключением могут применяться и штрафы.

В случае совершения преступления при наличии квалифицирующих обстоятельств к виновному применяется наказание в виде лишения свободы сроком до десяти лет. Если незаконные действия с наркотическими средствами были совершены в особо крупном размере, то виновному грозит тюремное заключение сроком до 21 года.

Среди зарубежных государств достаточно либеральным подходом к анализируемой проблеме характеризуется испанское уголовное законодательство. Так, по ст. 368 УК Испании культивирование, производство или торговля наркотиками, а также побуждение или склонение к их потреблению наказываются тюремным заключением от одного до трех лет.

Уголовный кодекс Дании ответственность за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, определяет преимущественно в двух статьях. В частности, согласно § 191 лицо, нарушившее антинаркотическое законодательство, подлежит тюремному заключению на срок до шести лет. Если имеет место поставка наркотика в крупном размере, то наказание может быть увеличено на срок до десяти лет лишения свободы. При этом аналогичное наказание должно применяться в отношении лица, которое импортирует, экспортирует, приобретает, изготавливает, получает, производит или владеет наркотическими средствами с целью их дальнейшего сбыта [10].

В дополнении к данному параграфу указано, что любое лицо, которое получает или обеспечивает себя или другое лицо частью прибыли от продажи наркотика, а также получает прибыль от хранения, перевозки, оказания помощи при передаче наркотика, подлежит тюремному заключению на срок до шести лет.

Уголовный кодекс Республики Болгария содержит довольно развернутую систему норм о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Так, в соответствии со ст. 354а, «тот, кто без надлежащего разрешения производит, перерабатывает, приобретает, распространяет, хранит, имеет при себе, перевозит или переносит наркотические вещества, наказывается за совершение подобного рода действий лишением свободы от 10 до 15 лет и штрафом от 10 до 100 тыс. левов» [11].

Уголовное законодательство Болгарии предусматривает основания освобождения от наказания, в случае если деяние совершено лицом, зависимым от наркотических средств или их аналогов, с условием, если количество приобретенных, хранимых или переносимых веществ, находящихся при задержанном, не превышает одной разовой дозы потребления наркотика.

В УК Франции также имеется статья о незаконной торговле наркотическими средствами. В ней максимально раскрыта объективная сторона этого преступления, которая включает следующие действия: незаконное производство, изготовление, импорт, экспорт, перевозка, хранение, предложение, передача, приобретение или незаконное использование наркотических средств, а также руководство и организация преступной группой в этих целях. УК Франции значительно усилил наказуемость за совершение данного преступления. Санкции за такие преступления достаточно суровы – включая пожизненное заключение и штраф в размере до 50 000 франков [12].

В США имеется ряд законов, предусматривающих смертную казнь для торговцев наркотическими средствами. Ответственность за незаконные действия

с наркотиками предусматривается и уголовными кодексами отдельных штатов (например, гл. 2915 УК штата Огайо, ст. 221, 222 УК штата Нью-Йорк, гл. 13 УК штата Джорджия) [13]. В некоторых американских штатах наказание за торговлю запрещенными наркотиками или обладание ими суровее, чем за многие другие тяжкие преступления, исключение составляют убийство, изнасилование, похищение людей [14]. Повышенной ответственности характеризуются деяния, направленные на распространение наркотических средств в подростково-молодежной среде (в школах, колледжах и т.п.).

Следует отметить, что уголовное законодательство большинства зарубежных стран при привлечении лица к уголовной ответственности за незаконные действия с наркотиками предполагает обращение правоприменителя к специальным спискам или перечням наркотических веществ, не включенным в УК. Исключение составляет УК штата Джорджия (США), который содержит исчерпывающий перечень наркотических веществ, находящихся под специальным контролем. В соответствии с данным нормативным актом продажа, производство, распространение или ввоз в штат свыше 400 г кокаина наказывается лишением свободы до 25 лет и штрафом в один миллион долларов (п.«а» ст. 16-13-31).

Большое количество норм о противодействии незаконному обороту наркотических средств содержится в УК КНР: контрабанда, перевозка, сбыт, производство наркотиков (ст. 347); незаконное хранение наркотиков в крупном размере (ст. 348); содействие преступникам, занимающихся контрабандой, торговлей, перевозкой, производством наркотиков; укрывательство преступных доходов, связанных с реализацией наркотиков (ст. 349); нарушение правил оборота наркотических средств на территории государства (ст. 350); незаконное культивирование опийного мака, конопли и других растений, содержащих наркотические вещества (ст. 351); незаконная торговля, перевозка,

переноска, хранение жизнеспособных семян или рассады растений, содержащих наркотические вещества (ст. 352); вовлечение, склонение, приобщение других лиц к употреблению наркотиков, наркотическим инъекциям (ст. 353); создание условий либо содержание помещений для употребления наркотиков (ст. 354); нарушение правил продажи и реализации наркотических средств в медицинской либо иной деятельности (ст. 355); повторное совершение наркопреступления (ст. 356).

Уголовный кодекс Республики Корея преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, объединил в главе XVII «Преступления, связанные с опиумом» [15]. Так, в ст. 198 предусматривается ответственность за производство опиума и тому подобных веществ. В диспозиции данной нормы говорится, что «лицо, которое производит, импортирует либо продает опиум, морфин или их производные либо хранит их с целью продажи, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок до десяти лет».

В УК Корейской республики установлена ответственность за производство приспособлений для курения опиума. Особо оговариваются случаи, связанные с контрабандой наркотиков и участием в совершении таких преступлений представителей таможни. Например, работник таможни, который ввозит или позволяет ввозить опиум, морфин или их производные, а также приспособления для курения опиума, подлежит каторжным работам на срок не менее одного года.

Корейский законодатель определяет ответственность для потребителей наркотиков (ст. 201): предусмотрена уголовная ответственность за употребление опиума или инъекции морфина. Лицо, виновное в совершении данного преступления, подлежит наказанию в виде каторжных работ на срок до пяти лет. В качестве дополнительных наказаний за совершение наркопреступлений может быть назначена дисквалификация на срок до десяти лет

либо штраф в размере до двадцати миллионов вон.

В Японии борьба со злоупотреблением наркотическими средствами осуществляется на положениях Закона о контроле над коноплей 1953 г., Закона об опиуме 1954 г. и Закона о контроле над стимулирующими средствами 1951 г. [16]

Особый интерес представляют уголовно-правовые нормы борьбы с незаконным оборотом наркотиков, предусмотренные УК стран СНГ (ближнего зарубежья). Законодательство этих государств во многом сходно с российским, поскольку основано на положениях Модельного УК для государств-участников СНГ (1996 г.). Так, УК Республики Казахстан содержит семь статей (ст. 259-265), устанавливающих ответственность за незаконные действия с наркотическими средствами и психотропными веществами, пять из которых дословно воспроизводят аналогичные нормы, содержащиеся в УК России.

УК Украины преступления данной направленности определил в главу XIII «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и другие преступления против здоровья населения» (ст.305-320) [17].

Наиболее удачна, на наш взгляд, структура Особой части УК Узбекистана [18], в которой преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, выделены в самостоятельную главу XIX «Преступления, составляющие незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ».

Предмет рассматриваемых преступлений по УК стран ближнего зарубежья определяется по-разному: в УК Кыргызской Республики, Республики Казахстан, Туркменистана [19], Украины, Узбекистана под ним понимают наркотические средства и психотропные вещества, тогда как в УК Азербайджанской Республики и Республики Молдова [20]- только наркотические средства.

УК Республики Беларусь, Таджикистана, Украины предусматривают в качестве предмета преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, не только наркотические средства и психотропные вещества, но и их прекурсоры. УК других стран бывшего СНГ включают прекурсоры в качестве предмета преступления лишь в отдельные нормы (УК Казахстана – ст. 263).

УК Казахстана и Таджикистана рассматривают в качестве предмета преступного посягательства не только вещества, используемые для изготовления наркотических средств или психотропных веществ (т.е. прекурсоры), но и инструменты или оборудование, используемые в тех же целях.

Уголовное законодательство Азербайджана (ст. 226-6) и Молдовы (ст. 225-7) криминализируют потребление наркотических средств без назначения врача, предусматривая вначале административную ответственность, т.е. условием привлечения к уголовной ответственности является предшествующее в течение года привлечение лица к административной ответственности за потребление наркотических средств; за незаконное приобретение и хранение таких средств в небольших размерах без цели сбыта.

Максимальное наказание за совершение незаконных действий без цели сбыта без отягчающих обстоятельств в большинстве стран ближнего зарубежья не превышает трех лет лишения свободы (исключение составляет УК Таджикистана (ч.1 ст. 201) и УК Туркменистана (ч.1 ст. 293), где оно составляет пять лет). УК Беларуси (ч.1 ст. 328), Киргизии (ч.1 ст. 246) и Узбекистана (ч.1 ст. 276) за незаконные действия с наркотиками без цели сбыта в качестве альтернативного наказания предусматривают штраф.

Деяния, совершенные с наркотиками и психотропными веществами с целью сбыта при наличии особо отягчающих обстоятельств, УК всех стран ближнего зарубежья классифицируются как особо тяжкие (за исключением УК

Азербайджана, в котором вообще отсутствует институт категоризации, а деяния, представляющие повышенную общественную опасность, они относят к тяжким). При этом УК большинства государств (Молдова, Беларусь, Узбекистан и др.) за совершение этих преступлений установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет.

Такие действия более строго наказываются по УК Киргизии, Таджикистана и Туркменистана, где максимальный срок лишения свободы составляет двадцать лет. Такое наказание, в частности, предусмотрено за совершение преступления с наркотическими веществами с целью сбыта организованной группой, в особо крупном размере (ч.3 ст.200 УК Таджикистана и ч.3 ст.292 УК Туркменистана); повторно, должностным лицом с использованием служебных полномочий, в местах отбывания наказания в виде лишения свободы (ч.3 ст.200 УК Таджикистана).

Сравнительно мягко наказываются деяния, совершенные с целью сбыта, и сам сбыт наркотиков по УК Эстонии (ст.210-2) – от двух до пяти лет лишения свободы. При совершении тех же действий повторно, группой лиц, лицом, ранее совершившим такое преступление, а также если объектом этих действий являлись наркотические вещества в большом количестве, наказание увеличивается до семи лет лишения свободы.

Анализ международных документов и зарубежного законодательства в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов позволяет сделать следующие выводы.

1) В настоящий период разработан механизм международного контроля и взаимопомощи государств в вопросе противодействия наркотизму. Развитие международного сотрудничества в этой области предусматривает оказание юридической поддержки в получении информации, уголовном преследовании,

задержании преступников, конфискации имущества и доходов, полученных преступным путем.

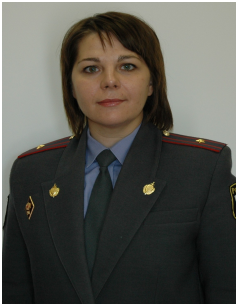
2) Законодательство зарубежных стран в целом достаточно дифференцированно подходит к вопросу об определении форм и мер ответственности за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков. При этом в уголовном законодательстве Дании, Норвегии составы таких преступлений содержатся в одной – двух статьях. Диаметральную противоположную позицию занимает законодательство Болгарии, Кореи, КНР, Украины, которое содержит развернутую

систему уголовно-правовых норм за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств.

3) В уголовном законодательстве ряда зарубежных стран имеются позитивные направления, которые могут быть восприняты отечественной уголовно-правовой доктриной и российским законодательством. В частности, усиление уголовной репрессии в отношении распространителей наркотических средств в образовательных, досуговых, спортивных, культурных заведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Наркотики и яды / сост. В.И. Петрова, Т.И. Ревеко.- Минск, 1996. -С. 11.
2. Данилин А. Марихуана. Врачи предупреждают. - М., 2000.- С. 10-12.
3. Волков Г.В. Криминологическая характеристика наркотизма в России и уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ): дис. ...к.ю.н.- СПб.: СПб. ун-т МВД РФ, 2004.- С. 11-12.
4. Энциклопедия тайн и сенсаций. -М., 1998.- Т. 1.- С. 65.
5. Хисамутдинов Ф.Р. Наркотизм среди несовершеннолетних: криминологико-виктимологические аспекты: дис. ... к.ю.н. -Н. Новгород, 2002. -С. 15.
6. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / под общ. ред. С.П. Щербы. -М.: Юрлитинформ, 2010. -С. 319-320.
7. Уголовный кодекс Голландии. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. -С. 3.
8. Григорова К.С. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов как подструктура наркотизма (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... к.ю.н. -Пятигорск: ПГТУ, 2006.-С. 141.
9. Уголовное законодательство Норвегии / пер. А.В. Жмени, науч. ред. Ю.В. Голик. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
10. Уголовный кодекс Дании / пер. С.С. Беляева, А.Н. Рычевой. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
11. Уголовный кодекс Республики Болгария / под ред. А.И. Лукашова. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2001.
12. Каюмова А.Р. Международное уголовное право (становление и современность, тенденции развития): дис ... к. ю. н. -Казань, 1992. -С. 141.
13. Дьяченко А., Четвертакова Е. Ответственность за незаконный оборот наркотиков по УК зарубежных стран // Уголовное право. -2001.- № 1. -С. 9.
14. См.: Криминология / под ред. Д. Ф. Шелли, пер. с англ. -СПб.: Питер, 2003. -С. 311.
15. Уголовный кодекс Республики Корея / пер. В.В. Верхоляка; науч. ред. А.И. Коробеева. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
16. См.: Уголовное законодательство зарубежных стран.-М., 1998. -С. 315.
17. Таций В. Новый Уголовный кодекс Украины // Законность. -2002. -№ 1. -С. 49.
18. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Т-ашкент, 2001.
19. Уголовный кодекс Туркменистана. -Ашхабад, 2000.
20. Уголовный кодекс Республики Молдова. -Кишинев, 2002.

О.В. Артюшина
преподаватель КЮИ МВД России

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ УБИЙСТВА С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

В статье исследуется детерминация убийства с особой жестокостью. Автор приходит к выводу, что субъективным смыслом проявления особой жестокости при убийстве выступает абсолютное господство над другим человеком, ощущение своего могущества над жертвой, необходимое для самоутверждения при отсутствии или ограниченности других для этого способов. Называются причины и условия совершения убийства с особой жестокостью, имеющие, по мнению автора, наибольшее значение.

На международном уровне, а также в Конституции РФ закреплены естественные права человека на жизнь и защиту от пыток и другого жестокого обращения или наказания[1]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года подчеркивается усиление роли государства в качестве гаранта защиты личности[2], в том числе от насильственных посягательств.

Убийство с особой жестокостью – исключительно тяжкое преступление, совершаемое с причинением мучений и страданий, часто связанное с унижением человеческого достоинства. Оно всегда вызывает широкий общественный резонанс, поскольку при его совершении демонстрируются цинизм, нравственная деградация, а в ряде случаев – садизм и некрофилия.

В современных условиях убийство с особой жестокостью стало средством решения широкого круга проблем: межличностных, психосексуальных, материальных и др. Всего в России за период с 1997 по 2009 год зарегистрировано 8 747 таких преступлений. В 1997 году их было 1 220, 1998 – 1 403, 1999 – 1 454, 2000 – 1 164, 2001 – 1 047, 2002 – 722, 2003 – 561, 2004 – 352, 2005 – 267, 2006 – 226, 2007 – 121, 2008 – 104, 2009 – 106[3].

Однако общественная опасность рассматриваемого деяния определяется не только его распространенностью, но и невозполнимостью потерь. За указанный период в мучениях погиб 9 841 человек.

В целях противодействия убийствам с особой жестокостью, разработки рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в этой сфере и определения эффективных мер его предупреждения необходимо обратиться к исследованию его причин и условий.

В криминологии детерминация традиционно рассматривается в двух ее основных видах – причинении и обусловливании преступности. Например, Н.Ф. Кузнецова пишет, что причинение – связь генетическая, это продуцирование преступности. Обусловливание – связь содействия, способствования, создания благоприятных возможностей, во-первых, для формирования и, во-вторых, для проявления, реализации причин. При этом причины и условия преступности представляют собой систему социально-негативных явлений и процессов, детерминирующих преступность [4].

Изучение причин возникновения, функционирования и изменений объекта исследования является основной и сложнейшей задачей для любой науки, в том числе и криминологии. История ее развития есть поиск обстоятельств, обуславливающих возникновение и изменение преступности и ее видов. Именно в процессе такого поиска рождались криминологические теории, добывался огромный фактографический материал, подтверждающий или же опровергающий те или иные научные гипотезы [5].

Все множество концепций, объясняющих причины преступности,

можно разделить на две группы. К первой относятся биологические теории, которые связывают причины преступлений со свойствами человека, в частности, с его врожденными качествами. Ко второй – социологические, называемые причинами преступности факторы внешнего порядка. Первые не отрицают влияния среды на поведение человека, а вторые – возможность индивидуального выбора, но те и другие тверды в главном.

Спор между представителями этих групп начался задолго до возникновения отечественной криминологии. Уже с начала ее становления социологическое направление оказалось господствующим. Но некоторые ученые сосредотачивали внимание на изучении психологических основ преступного поведения. Например, С.В. Познышев был убежден, что основные причины преступности таятся в личности преступника, в значительной степени определяемой наследственностью. При этом ученый учитывал и роль социальных факторов. «Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника и сплетается из особенностей его конституции, а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь»[6].

В начале XXI века среди всех биологических концепций генетические, как и ранее[7], представляют научный интерес. Так, по данным М.В. Алфимовой и В.И. Трубникова, склонность к агрессии объясняется влиянием многих генов и сложных взаимодействий между ними (синдром Прадера–Вилли, синдром Смита–Маджениса и др.). При хромосомных аномалиях, отмечают они, возникает агрессивность, а также импульсивность, аутистические черты, тревожность, вспышки гнева и некоторые другие типичные нарушения[8].

Истоки жестокости всегда занимали ученых и мыслителей. Например, римский мудрец, политик, поэт Сенека утверждал, что жестокость всегда проистекает из слабости, итальянский поэт и правовед А.Лудовико отмечал, что

жестокость есть порождение злого ума и часто трусливого сердца, французский философ и юрист М. Монтень писал, что трусость – это мать жестокости, писатель О. Бальзак замечал, что жестокость и страх пожимают друг другу руки, основатель аналитической философии Б.Рассел также одним из главных источников жестокости называл страх [9]. Французский философ-материалист К.А.Гельвеций считал, что жестокость есть всегда результат страха, слабости и трусости [10].

Причины убийств, совершенных с особой жестокостью, не раз становились предметом исследования отечественных криминологов. Например, М.Р. Табанов в диссертационном исследовании приходит к выводу, что убийство с особой жестокостью детерминируют такие факторы, как склонность к накоплению аффекта и эмоционального напряжения, агрессивность, повышенная возбудимость, нарушение социально-психологической адаптации, переживание личностью острых психотравмирующих событий в детстве и в процессе дальнейшей социализации, наличие психических аномалий, утрата социально полезных связей, деморализация, девальвация ценности жизни другого человека, а также ослабление внешнего социального контроля, анархия и хаос в обществе [11].

Ю.М. Антонян, в первую очередь, выделяет социальные причины особой жестокости: высокий уровень тревожности в обществе, просчеты и упущения в семейном воспитании, обучении и лечении детей, слабость превентивной психоаналитической и психотерапевтической помощи и просчеты правоохранительных органов. Среди причин, коренящихся в человеке, он называет личностные противоречия, глубокие психические травмы и психические отклонения, а также такие личностные особенности, как застреванность негативных эмоций, бесчувственность, ранимость и потребность в самоутверждении, доминировании над окружающими [12].

Э.Э. Штемберг видит в качестве причин и условий убийства, совершаемого с особой жестокостью, совокупность конкретных жизненных обстоятельств, непосредственно предшествующих совершению преступления, негативно влияющих на человека и влекущих деформацию личностных качеств. Так, автор отводит главную роль в детерминации особо жестокого убийства конкретной жизненной ситуации [13].

Думается, что для объяснения причин особой жестокости при убийстве нужно обратиться к «социобиологической теории деструктивности» Э.Фромма, сделавшего значительный шаг вперед в анализе проблемы агрессивности и жестокости. Наряду с оборонительной агрессией (биологически адаптивной, способствующей поддержанию жизни) Э.Фромм также выделял ее злокачественную форму - деструктивность. Он писал: «Только человек получает удовольствие от бессмысленного и беспричинного уничтожения живых существ»[14].

Злокачественная агрессия проявляется в виде садизма и некрофилии. Ученый обосновал мнение, что садизм представляет собой малую долю той огромной сферы, где это явление никак не связано с сексом. «Несексуальное садистское поведение проявляется в том, чтобы найти беспомощное и беззащитное существо (человека или животное) и доставить ему физические страдания вплоть до лишения его жизни»[15].

Сердцевину садизма «составляет страсть, или жажда власти, абсолютной и неограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытать боль и унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, - это проявление абсолютного господства»[16]. Некрофилию Э.Фромм рассматривал как высшую степень садизма, как страстное влечение ко всему мертвому, больному, разлагающемуся, страстное желание превратить все живое в неживое, страсть к разрушению ради разрушения,

исключительный интерес ко всему чисто механическому (небиологическому), к насильственному разрыву естественных биологических связей.

Природа деструктивности, писал Э.Фромм, социальна. Общество, основанное на эксплуатации, имеет тенденцию ущемлять тех, кто находится внизу, ограничивать их независимость, целостность, критическое мышление и творческий потенциал. Предлагаемые в нем удовольствия и развлечения скорее тормозят, чем способствуют развитию личности. Так, современное общество демонстрирует подобные садистские развлечения с помощью средств массовой информации, вещающих о преступлениях, войнах и жестокостях. Там, где нет ужасающей информации, все равно мало пользы, а гораздо больше вреда (как это видно в рекламе). Такая «культурная программа» не развивает человека, а способствует только лени и пассивности. [17]

Деструктивная личность, по мнению Э.Фромма, - это человек, которому не удалось стать тем, кем он мог бы. «Садизм – один из возможных ответов на вопрос, как стать человеком (если нет других способов самореализации)... Он есть *превращение немоции в иллюзию всемогущества*»[18].

В современной отечественной криминологии близкие вышеуказанным идеи высказываются Я.И. Гилинским. Он пишет, что в детерминации различных форм насилия особую роль играют социальные потребности (точнее, их неудовлетворенность) – в престиже, статусе, самоутверждении, творчестве и т.п. «Если неудовлетворенная витальная потребность приводит к «борьбе за существование», то неудовлетворенная социальная потребность – к «сверхборьбе за сверхсуществование»!...»[19]. Предельным случаем самоутверждения выступает убийство. Насилие (война), Власть (государственное управление), Богатство (материальные ценности) – вот основные исторически сложившиеся распространенные «средства» самоутверждения (приобретения почестей

и почета). Но они, к счастью, как отмечает Я.И. Гишинский, не единственные. Альтернативой им выступает творчество, которое рождает чувство отвращения к бесполезному существованию и пустым расходам. Лица с большими социальными возможностями, если они и утверждаются посредством нелегальной деятельности, то скорее в сфере богатства («теневая экономика» и т.п.) или власти (коррупция и т.п.). Насилие, поскольку оно имеет место, когда создается препятствие для полной реализации потенций человека, когда в силу различных причин недоступны общественно полезные, творческие, конструктивные способы самоутверждения, значительно выше у тех групп населения, которые наиболее отчуждены и от престижных, творческих видов труда, и от власти, и от культуры, и от средств потребления. Поэтому оно становится уделом социальных изгоев, аутсайдеров. Среди факторов, способствующих эскалации насилия и жестокости Я.И. Гишинский называет: крайнюю поляризацию групповых интересов (всемогущество одних при бесправии и нищете других); отчуждение трудящихся от политики, экономики, искусства; обесценивание жизни в условиях господства системы; смертная казнь; обострение межклассовых, межгрупповых, межнациональных, межличностных конфликтов в ситуации глобальных и локальных кризисов; низкие реальные легальные возможности части населения самоутвердиться в социально полезной, нестандартной, творческой деятельности [20].

Можно согласиться с вышеуказанными концепциями обоснования социального характера жестокости. Представляется, что убийство, совершенное с особой жестокостью, можно рассматривать как выражение деструктивности, как правило, в форме садизма и реже – некрофилии (когда речь идет о серийных преступлениях). Субъективным смыслом особой жестокости при убийстве выступает абсолютное господство над другим человеком, над его телом, волей, эмоциями, ощущение своего могущества

над жертвой, необходимое для удовлетворения потребности в самоутверждении при отсутствии или ограниченности других для этого способов. Жестокость есть превращение немоги в иллюзию всемогущества. Именно в этом заключается основной субъективный смысл ее проявления при совершении убийства.

К причинам убийства с особой жестокостью можно отнести: сильное расслоение населения по уровню доходов и возникающие в связи с этим состояния стресса, фрустрации и т.п., а также отсутствие развитой системы досуга для лиц с небольшим или минимальным источником дохода; дефекты духовно-нравственной системы общества, обесценивание жизни при росте социальной значимости власти и богатства, утверждение СМИ культа насилия, потребления и стяжательства; низкий уровень образования и культуры, незанятость, сокращение реальных возможностей части населения самоутвердиться легальным способом в социально полезной, творческой деятельности.

Среди условий совершения убийства с особой жестокостью, в первую очередь, следует выделить наличие у виновного психических отклонений. Существует традиционное представление о том, что большая часть насильственных преступлений, тем более квалифицированных убийств, совершается психически больными. Это заблуждение опровергается рядом ученых. Например, В.В. Гульдан указывает, что по тяжести и жестокости психически здоровые лица и психопатические личности, совершившие особо жестокие убийства, не обнаруживают между собой каких-либо значимых различий [21]. Б.В. Шостакович отмечает, что в кризисные периоды общества криминогенность возрастает в равной степени у психически здоровых и психически больных. Он пишет, что решающим фактором в поведении личности играет социальная составляющая каждого индивида.

«Личность всегда оказывает самое радикальное влияние на возможность возникновения опасного поведения. Является фактом, что огромное число больных, у которых имеется бред преследования, никогда не совершают опасных действий потому, что их положительные социальные установки препятствуют этому» [22]. Аналогичной точки зрения придерживается Ф.С. Сафуанов. Если у человека сформированы ценности, связанные с положительной социальной направленностью, то, вне зависимости от выраженности различных черт личности или биологических потребностей, он будет воздерживаться от противоправных форм поведения: высокая агрессивность может выступать в социализированных формах, сексуальное влечение может быть сублимировано. В этом случае личность «снимает» индивидуальные особенности, в том числе и психопатологически обусловленные [23]. С.Н.Ага-фонов также указывает, что выраженность психопатологических расстройств не определяет патологической мотивации совершения агрессивных общественно опасных действий. В качестве основной детерминанты он рассматривает оценку качества жизни больными, субъективный характер которых в основном зависит от социальных обстоятельств (работа, материальное благополучие, жилье и т.д.) [24]. В связи с вышеизложенным нельзя не согласиться с мнением Б.С.Волкова в том, что правовой аспект психических особенностей личности предполагает рассмотрение психических аномалий не изолированно, а в связи с другими свойствами личности и в особенности с учетом характера совершенного деяния и всех признаков состава преступления. Только при этом условии психические недостатки личности обвиняемого могут иметь уголовно-правовое значение [25]. Поэтому можно считать, что в совокупности с другими факторами психические отклонения виновного могут играть лишь роль условий совершения убийства с особой жестокостью.

Значительное место среди обстоятельств, обуславливающих совершение убийства с особой жестокостью, занимает систематическое злоупотребление спиртными напитками и само состояние опьянения. Как нами уже было указано ранее, около 92% случаев убийств с особой жестокостью совершается в состоянии алкогольного опьянения. Зарубежные исследования показывают, что алкоголь не является непосредственной причиной агрессивного поведения. Он, скорее, усугубляет ситуационные детерминанты агрессии. Другими словами, люди в состоянии опьянения ведут себя агрессивнее трезвых, только когда им угрожают. Наличие угрозы является тем сигналом, который человек в состоянии опьянения, не способный задействовать когнитивные процессы для подавления агрессивных реакций, улавливает прежде всего и на который отвечает агрессией [26]. Отечественные специалисты указывают, что алкогольное опьянение не столько снимает личностный контроль над агрессивностью, сколько обнаруживает уже имеющийся дефицит психологических механизмов, препятствующих проявлению агрессивности в поведении [27].

Существенное значение в детерминации изучаемых убийств имеет виктимное поведение жертвы непосредственно до и в процессе совершения преступления. Н.Ф. Кузнецова указывает, что виктимное поведение потерпевших особо значимо среди условий, способствующих совершению бытовых преступлений [28]. Д.В. Ривман писал, что убийство относится к преступлениям, виктимный характер которых наиболее очевиден [29].

По данным, полученным нами в ходе изучения уголовных дел, в 75% случаев жертва на момент совершения преступления сама находилась в состоянии алкогольного опьянения, в связи с этим она была лишена возможности адекватной оценки угрозы и эффективной самозащиты. [30] В 77% всех дел поведение потерпевшего непосредственно до или в момент

совершения преступления можно охарактеризовать как виктимное. Оно было либо аморальное (развратное), безрассудное (пьянство и ночлег у приятелей, с малознакомыми людьми), либо заведомо опасное провоцирующее (противоправное, конфликтное, с элементами вербальной агрессии, нецензурной брани, оскорблений и т.п.).

Важную роль среди условий совершения убийства с особой жестокостью играет имевшая в детском или подростковом возрасте виктимизация. Так, например, по данным С.А. Солодовникова, около 69% лиц, подвергшихся в возрасте до 18 лет насилию, затем стали преступниками, при этом 52% из них совершали насильственные преступления против личности [31].

В литературе среди условий, способствующих криминогенному формированию личности, особая роль традиционно отводится насилию в семье [32]. Например, Н.О. Зиновьева и Н.Ф. Михайлова указывают, что пережитое в детстве насилие нередко оказывает влияние на всю дальнейшую жизнь человека, поскольку «подобный травматический опыт «запускает» особые жизненные сценарии. Так, в большинстве случаев взрослые, проявляющие насильственные действия по отношению к чужим и собственным детям, сами имели неразрешенный, «неотработанный» опыт насилия в детстве» [33].

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, можно заключить следующее.

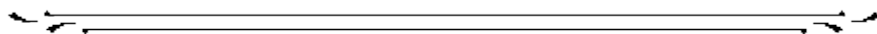
1. Причинами и условиями убийства с особой жестокостью выступает целый ряд взаимодействующих обстоятельств, которые действуют в каждом случае как целостная система. Среди причин можно выделить сильное расслоение населения по уровню жизни и возникающие в связи с этим состояния стресса, фрустрации и т.п.; отсутствие системы досуга для лиц с небольшим или минимальным источником дохода; дефекты духовно-нравственной системы общества, обесценивание жизни при росте социальной значимости власти и богатства, ослабление в средних учебных заведениях воспитательной функции, направленной на развитие у граждан чувства совести, моральной ответственности за свое поведение; утверждение СМИ культа насилия, потребления и стяжательства; низкий уровень образования и культуры, незанятость, сокращение реальных возможностей части населения самоутвердиться в социально полезной, творческой деятельности.

2. Условиями совершения убийств с особой жестокостью можно назвать наличие психических аномалий, алкоголизацию, виктимное поведение потерпевшего, а также пережитое виновным в детстве насилие.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163; Конституция Российской Федерации // СЗ РФ. -2009. -№ 4. -Ст. 445.
2. См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ.- 2009.- № 20. -Ст. 2444.
3. Статистические данные с информационного портала ГИАЦ МВД России: URL: [http:// 10.5.0.16/](http://10.5.0.16/).
4. См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации // Избранные труды / предисл. В.Н.Кудрявцева. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.- С. 786-790.
5. См.: Гишинский Я.И. Объяснение преступности // Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи.- СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. -С. 240-241.
6. Познышев С.В. Криминальная психология. -М., 1926.- С. 6.
7. См., например: Шаргородский М.Д. Этика или генетика? // Избранные труды / сост. и предисл. Б.В.Волженкина.- СПб., 2004.- С. 611–634.
8. См.: Алфимова М.В. Психогенетика агрессивности / М.В. Алфимова, В.И. Трубников // Вопросы психологии. -2000.- № 6. -С. 121, 116.
9. Энциклопедия мудрости / К. Андриевкая и др. -Можайск: РООССА, 2007.- С. 134, 239, 277, 526, 672.

10. Борохов Э.А. Мысль в слове. Краткая гуманитарная энциклопедия.- Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1997.- С.365.
11. См.: Табанов М.Р. Убийства, совершаемые с особой жестокостью: автореферат дис... к.ю.н. -М.: НИИ МВД России, 1993.- С.12.
12. См.: Антонян Ю.М. Преступная жестокость: монография.-М.: ВНИИ МВД России, 1994.-С.173-214.
13. Штемберг Э.Э. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика убийства, совершенного с особой жестокостью: дисс.... к.ю.н. -Ставрополь, 2003. -С. 176-180.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. с нем. Э. Телятниковой. -М.: АСТ: Астрель, 2010. -С. 242.
15. Фромм Э. Указ. соч. -С. 372.
16. Там же. -С. 378.
17. Там же. - С. 389-390.
18. Там же. - С. 380.
19. Гишинский Я.И. Человек человеку волк? // Гишинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. -СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.- С. 98.
20. Там же. -С. 100-102.
21. См.: Гульдман В.В. Мотивация противоправных действий у психопатических личностей: дис. ...докт. психолог. наук. -М., 1985. -С. 125.
22. Шостакович Б.В. Психические расстройства и преступность // Механизмы человеческой агрессии: сборник научных трудов.- М.: ВНИИ МВД России, 2000.- С. 158.
23. Сафуанов Ф.С. Пограничные психические расстройства и психологические механизмы криминально-агрессивных действий // Преступное поведение (новые исследования): сборник научных трудов / под ред. Ю.М. Антоняна. -М.: ВНИИ МВД России, 2002. -С. 51.
24. См.: Агафонов С.Н. Агрессивные действия больных шизофренией, сопряженные с проблемами качества их жизни // Механизмы человеческой агрессии: сборник научных трудов. -С. 123, 130.
25. См.: Волков Б.С. Мотивы преступлений. -С. 136.
26. См.: Бэрн Р., Ричардсон Д. Указ. соч. -СПб.: Питер, 2001.- С. 258-259.
27. Психологические механизмы агрессивных действий, совершенных в состоянии алкогольного опьянения больными алкоголизмом / Ф.С. Сафуанов и др. // Российский психиатрический журнал. -1997. -№3. -С. 27-30.
28. Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. -С. 787.
29. См.: Ривман Д.В. Криминальная виктимология. -СПб.: Питер, 2002. -С. 114.
30. Результаты проведенного автором конкретно-социологического исследования (по материалам Республики Татарстан).
31. См.: Солодовников С.А. Виктимное поведение и защита потерпевших от насильственных преступных посягательств // Преступное поведение (новые исследования): сборник научных трудов / под ред. Ю.М.Антоняна. -М.: ВНИИ МВД России, 2002. -С.245-246.
32. Ратинов А.Р., Ситковская О.Д. Насилие, агрессия, жестокость как объект криминологического исследования // Насилие, агрессия, жестокость.- М., 1989. -С. 7-8.
33. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. -СПб.: Речь, 2003. -С. 4.

М.М. Шакирьянов

кандидат юридических наук

старший преподаватель КЮИ МВД России

ПОНЯТИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ОСУЖДЕННЫХ

В статье проведена систематизация и анализ имеющихся на сегодняшний день научных определений субкультуры осужденных. Предложена авторская дефиниция понятия субкультуры осужденных.

Производной основой понятия «субкультура» является понятие «культура». В связи этим важно определиться с понятием культуры вообще. Проанализировав имеющееся многообразие понятий культуры в научных источниках и соглашаясь с точкой зрения Н.П. Петровой [1], мы определяем **культуру** как совокупность ценностей и норм, продуктов материального и духовного производства и способов жизнедеятельности людей по их созданию, распространению и потреблению.

Приставка «суб» в русском языке образует слова (существительные и прилагательные) со значением вторичности, побочности, подчиненности, малости по сравнению с тем, что названо в производственной основе [2]. Словарь иностранных языков определяет суб, как латинская sub (под.) – первая составная часть слов, обозначающая: 1) расположенность внизу, под чем-нибудь, около чего-либо; 2) подчиненный, подначальный; 3) не основной, не главный [3].

Впервые понятие «субкультура» как научный термин появилось за рубежом в 30-е годы XX века, а на страницах отечественной литературы – в 60-е годы в связи с рассмотрением и критическим анализом молодежных движений на Западе.

Субкультуры представляют достаточно большой интерес для ученых – социологов, психологов, криминологов, поэтому существует множество подходов к определению термина «субкультура». Но в большинстве определений понимание субкультуры базируется на ее отличии от господствующей культуры.

Так, в Кратком словаре по социологии субкультуру определяют: 1) как культуру

какой-либо социальной и демографической группы; 2) как в чем-то ограниченную культуру социальной общности, обусловленную бедностью ее социальных связей, неполнотой или затрудненностью доступа для нее к культурному наследию [4].

В других подобных источниках по социологии субкультура – это «1) совокупность некоторых негативно интерпретированных норм и ценностей традиционной культуры, функционирующих в качестве культуры преступного слоя общества; 2) особая форма организации людей (чаще всего молодежи) – автономное целостное образование внутри господствующей структуры, определяющее стиль жизни и мышления ее носителей, отличающееся своими обычаями, нормами, комплексами ценностей и даже институтами; 3) трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, получившая своеобразную окраску» [5].

В современной культурологии «субкультуры представляют собой специфический способ дифференциации развитых национальных и региональных культур, в которых наряду с основной классической тенденцией существует ряд своеобразных культурных образований, как по форме, так и по содержанию отличающихся от ведущих культурных традиций, являющихся в то же время прямым порождением последних» [6].

Неоднозначно понимание субкультуры и в зарубежной научной литературе. По мнению Х.-Ю. Кернера, субкультура – это «структурные и функциональные образования, отличающие лиц, принадлежащих к ним, от остальных членов общества и проявляющих чувство общности» [7].

С точки зрения западного криминолога Г. Шнайдера, «под субкультурой понимают систему общественного поведения и ценностей, существующую отдельно от господствующей системы поведения и ценностей и являющуюся все же частью этой центральной системы» [8].

Некоторые ученые считают, что субкультура – это совокупность некоторых негативно интерпретированных норм и ценностей традиционной культуры, функционирующих в качестве культуры преступного слоя общества (делинквентная культура). Под субкультурой также понимают форму организации молодежи как автономного целостного образования внутри господствующей культуры, получившей название молодежной культуры.

По мнению З.В. Сикевич, субкультура – это система норм и ценностей, отличающая группу от большинства общества [9]. Также существует мнение, что субкультура – это трансформированная профессиональным мышлением система ценностей традиционной культуры, выступающая либо как позитивная (профессиональная субкультура), либо как негативная (делинквентная и некоторые молодежные субкультуры) реакция на социальные и культурные потребности общества [10].

С.А. Сергеев считает, что субкультура – это система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, которая присуща более мелкой общности, пространственно и социально в большей или меньшей степени обособленной [11].

Другие ученые понимают субкультуру как особую сферу культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным целостным строем, обычаем, нормами [12].

В основе выделения субкультуры из общей культуры, помимо субъекта культуры, лежит конфликт ценностей и идеологии. Этот же конфликт становится «причиной того, что отдельные люди выбирают для себя ту или иную субкультуру. Но, став членом субкультуры, человек не замыкается в ее пространстве: он должен взаимодействовать с общей культурой» [13]. Характерной чертой самосознания

представителей субкультуры является принцип непринадлежности к господствующей, официальной культуре, что ведет, в их понимании, к независимости от общества. В то же время любая субкультура невозможна без существования официального общества, так как они взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга и составляют одно целое – общую культуру.

Субкультура – особое явление. Можно утверждать, что это состояние, при котором многие индивиды пытаются самоопределиваться и самореализоваться в определенной оторванности и относительной самостоятельности от общества. Их множество, но общая культура – основа, вокруг которой формируются субкультуры. Следовательно, субкультура – разновидность и составная часть общей культуры.

Анализ указанных определений позволяет сделать вывод о том, что **субкультура** – составная часть общей культуры, отличающаяся от нее, существующая внутри определенной социальной группы лиц, объединенных каким-то общим интересом (профессиональным или иным), и поддерживаемая всеми членами этой группы.

Субкультурные отношения присутствуют в каждом социальном срезе нашего общества. Возникновение субкультур всегда обусловлено сложным комплексом социально-исторических причин, ведущим из которых выступает социальный аспект. Выделение из общей массы определенной группы людей с особыми интересами и потребностями, особыми социальными ролями приводит к развитию специфической культуры, обслуживающей их духовно-эстетические, интеллектуальные запросы. Так, Х.-Ю. Кернер отмечает, что «субкультуры имеются во всех социальных слоях (начиная от художников и архитекторов и кончая бездомными и заключенными)» [14].

Существование такой социальной общности, как осужденные, лишены свободы, с их особенными интересами и потребностями, влечет за собой возникновение специфической субкультуры – субкультуры осужденных. Для обозначения субкультуры осужденных к лишению свободы используются различные термины: «тюремная

субкультура», «неформальная жизнь», «теневая» или «скрытая жизнь» и т.д.

Она имеет существенные отличия от всех иных субкультур, так как во многом детерминирована рядом принципиально неустрашимых условий, возникающих в пенитенциарных учреждениях.

«Во всякой общности, оторванной от широкой социальной среды, создаются предпосылки для формирования поведенческих норм и стандартов, отличающихся от действующих в обществе в целом. Когда же в условиях относительно социальной изоляции оказываются преступники – лица с искаженными нравственными представлениями и ориентациями – эта тенденция находит свое воплощение в создании специфической субкультуры с такими ее атрибутами, как особые микросоциальные нормы, искаженные принципы оценки личности, асоциальные способы самовыражения, специфическая мифология, символические татуировки, жаргон и т.п.» [15].

Субкультура осужденных четко и жестко регулирует деятельность преступников в исправительных учреждениях, их образ жизни, внося в них определенную упорядоченность, системность. В субкультуре осужденных ясно прослеживаются:

- 1) резко выраженная враждебность по отношению к общепринятым нормам;
- 2) внутренняя связь с преступными традициями;
- 3) конспиративный, нелегальный характер.

В целях уточнения понятия «субкультура осужденных» необходимо раскрыть и разграничить сходное понятие «криминальная субкультура», для того чтобы более точно определить указанный феномен и наметить основные пути и направления нейтрализации его негативных проявлений.

В теории уголовно-исполнительного права и криминологии нет однозначного подхода к соотношению терминов «субкультура осужденных» («тюремная субкультура») и «криминальная субкультура». Одни авторы отождествляют данные понятия, полагая, что это та же неформальная жизнь преступников, оказавшихся в местах лишения свободы [16]. Другие авторы называют тюремную субкультуру разно-

видностью криминальной (критерием классификации в данном случае выступает место ее действия) [17]. В связи с этим необходимо сформулировать понятие криминальной субкультуры.

Одним из основных факторов взаимной криминализации преступников в группах является криминальная субкультура. Иногда для ее обозначения используются и другие термины: «асоциальная культура», «социально-негативные групповые явления».

В современной научной литературе существует несколько подходов к понятию криминальной субкультуры. Так, ряд авторов под криминальной субкультурой понимают совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих и упорядочивающих жизнь и преступную деятельность криминальных сообществ, что способствует их живучести, сплоченности, криминальной активности и мобильности, преемственности поколений правонарушителей [18]. Другие исследователи полагают, что криминальная субкультура – это специфические жесткие и жесткие отношения преступного сообщества, порожденные и регулируемые всей системой искаженных ценностей «привычных преступников», в центре этой системы находятся «воровские» традиции и обычаи [19].

По мнению С.П. Мамонтова, «блатную» субкультуру следует отнести к характерным особенностям жизни и деятельности определенных исторических, географических и конъюнктурных человеческих общностей [20]. С точки зрения Ю.М. Антоняна, В.А. Верещагина и Г.Б. Калманова, «агрессивное проникновение криминально характеризующихся правил в социальную жизнь в процессе производства, распределения и потребления материальных благ определяет уровень криминализации общества, степень влияния на людей “другой” жизни, часто именуется субкультурой преступников» [21].

Преступный мир имеет вековую историю, свою субкультуру – язык, изобразительное искусство, законы, титулы, традиции.

Криминальная субкультура включает в себя субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в групповой

криминальной деятельности, и предметные результаты деятельности преступных сообществ. К субъективным силам и способностям человека относятся знания, умения, профессионально-преступные навыки и привычки, этические взгляды, эстетические потребности, мировоззрение, формы и способы обогащения, способы разрешения конфликтных ситуаций и управления преступными сообществами, криминальная мифология, привилегии для преступной «элиты», отношение к «своим» и «чужим» и т.д. Предметными результатами деятельности преступных сообществ являются орудия и способы совершения преступлений, материальные ценности, денежные средства и т.д. [22]

Так, В.Ф. Пирожков [23] полагает, что в зависимости от выполняемых функций все структурные элементы криминальной субкультуры можно разделить на несколько групп:

1) *стратификационные* (нормы и правила определения статуса личности преступника в конкретной группе и уголовном мире, клички, татуировки, привилегии для криминальной «элиты»);

2) *поведенческие* («законы», «наказы», «постановки», правила поведения для разных классификационных категорий, традиции, клятвы, проклятия);

3) *идентификационные* (татуировки, клички, уголовный жаргон);

4) *кадровые* (тюремная «прописка», определение сфер и зон преступного промысла, перемещение преступника по иерархической лестнице);

5) *дисциплинарные* («разборки», «правилки», «опускание», принудительное татуирование);

6) *коммуникации* (татуировки, уголовный жаргон, клички, конспиративное невербальное общение);

7) *сексуально-эротические* (любовь как ценность, насильственное мужеложство как способ снижения статуса неугодного, провинившегося лица);

8) *материально-финансовые* (создание общей кассы – «общака», азартные игры);

9) *досуговые* (своеобразная культура отдыха и развлечений);

10) *отношения к здоровью* (наркомания, алкоголизм, членовредительство и, напротив, активные виды спорта, культуризм, здоровый образ жизни в интересах криминальной деятельности).

Приведенная условная классификация позволяет сделать несколько выводов. Первый – многие элементы криминальной субкультуры полифункциональны (например, татуировки выполняют функции стратификации, коммуникации, идентификации и дисциплинарную). Второй – каждый элемент криминальной субкультуры самостоятелен и выполняет какую-либо основную функцию (уголовный жаргон – функцию коммуникации, татуировки – функцию стратификации). Третий – каждый элемент криминальной субкультуры по-разному воспринимается людьми (например, желание иметь определенную татуировку или стремление избавиться от нее). Несмотря на определенную условность, приведенная классификация позволяет моделировать элементы криминальной субкультуры для более глубокого и всестороннего изучения.

Таким образом, на основе проведенного анализа исследуемого явления и имеющейся на этот счет литературы можно сделать вывод, что **криминальная субкультура** – это явление, представляющее собой составную часть общей культуры, регламентирующее жизнедеятельность преступного сообщества, его отдельных членов, способствующее его существованию и противостоянию обществу, а также воспроизводству преступников.

Криминальная субкультура, представляя собой целостную культуру преступного мира, расслаивается на ряд подсистем (субкультуры: «воровская», осужденных, или тюремная, рэкетиров, мошенников и т.д.), противостоящих официальной культуре. Субкультура осужденных – одна из самостоятельных подсистем, тесно связанных с другими подсистемами преступной среды.

Следовательно, криминальная субкультура регулирует отношения в среде преступников. Таким образом, осужденные, до совершения преступления не имевшие связей с другими преступниками (напри-

мер, осужденные за преступления, совершенные на бытовой почве или по неосторожности), при поступлении в исправительное учреждение не являются носителями криминальной субкультуры. Криминальная субкультура до поступления в исправительное учреждение присуща лишь осужденным, до совершения преступления имевшим в той или иной форме связи с другими преступниками. Кроме того, криминальная субкультура у них может быть разной в зависимости от характера связей и рода преступной деятельности.

Между тем отбывание наказания названными осужденными может быть назначено в одном исправительном учреждении. Очевидно, что через некоторое время все они станут носителями единой системы социальных норм, установок, ценностей (за исключением некоторых особенностей, зависящих от принадлежности к той или иной неформальной категории осужденных).

Мы согласны с точкой зрения Г.Ф. Хохрякова о том, что криминальная субкультура по своим принципам очень близка субкультуре осужденных. По его мнению, разница между осужденными и профессиональными преступниками в том, что первые при помощи нормативной системы пытаются компенсировать утраченные возможности, а вторые – расширить их, паразитируя на обществе. Разница носит чисто номинальный характер, так как и

первые, и вторые добиваются результата за счет других [24].

Все это позволяет нам сделать вывод, что **субкультура осужденных** – разновидность и структурный элемент криминальной субкультуры, которая сформировалась и сохраняется среди осужденных в местах лишения свободы.

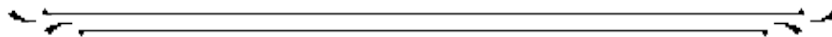
Следовательно, в структуру субкультуры осужденных входят элементы криминальной субкультуры. Но вместе с тем необходимо отметить, что они преломляются через призму специфических условий мест лишения свободы. Более того, в местах лишения свободы возникают особые нормы поведения, не «работающие» в условиях свободы (например, некоторые нормы санитарно-гигиенического характера). В жаргоне осужденных появляются новые слова, отражающие атрибутику исправительных учреждений (например, «вертухай», «дорога», «конь», «шконка», «шнырь» и др.), которые также не употребляются среди преступников на свободе.

Изменения в состоянии субкультуры осужденных можно проследить, проанализировав такие ее основные элементы, как уголовный жаргон, татуировки, клички, невербальные средства общения, клятвы, развлечения и игры, криминальный фольклор («блатные» песни и поэзия). Все элементы субкультуры осужденных взаимосвязаны, взаимодополняют друг друга, способствуют единению криминальной общности, обеспечивают его живучесть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Н.П. Роль подростковой субкультуры в социализации подростков: дисс. ...канд. соц. наук. - Уфа, 1994. - С.14.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Изд. АЗЪ, 1995. - С.766.
3. Словарь иностранных слов. - М., 1979. - С. 488.
4. Краткий словарь по социологии. - М., 1988.- С. 401.
5. Современная западная социология: словарь. - М., 1990. - С. 336.
6. Культурология. - М., 1993. - С.120.
7. Кернер Х.-Ю. Криминология. Словарь-справочник. - М.: Изд. НОРМА, 1998. - С.306.
8. Шнайдер Г.Й. Криминология / пер. с нем. - М., 1994. - С.284.
9. Социология молодежи: учебник / под ред. В.Т. Лисовского. - СПб.: СПбГУ, 1996. - С.332.
10. Культурология: краткий терминологический словарь/ под ред. И.Ф. Кефели. - СПб: ВШ МВД РФ, 1995. - С.49.
11. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике // Социологические исследования. – 1998. - № 11. - С.95.
12. Культурология. XX век: словарь / под ред. А.Я. Левит. - СПб.: Изд. Университетская книга, 1997. - С. 450.

13. Година А.И. Взаимодействие субкультуры и культуры (на примере движения индеанистов) // Молодежные движения и субкультуры Петербурга. -СПб., 1999.
14. Кернер Х.-Ю. Криминология. Словарь-справочник. - М.: Изд. НОРМА, 1998. - С.306.
15. Поздняков В.И., Усс А.В. Особенности неофициальных взаимоотношений в среде осужденных и конфликты между ними // Социальные проблемы исправления и перевоспитания осужденных: сборник научных трудов. - М., 1984. - С.40.
16. См., напр.: Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (Криминальная субкультура). - Тверь: ИПШ «Приз», 1994. - С. 9.
17. См., напр.: Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. -СПб., 2003. - С. 33.
18. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Книга первая: психология подростковой преступности.- М.: Изд. ОСЬ-89, 1998. - С.73.
19. Анисимков В.М. Тюремная община: «вехи» истории. - М., 1993. - С.12.
20. Мамонтов С.П. Основы культурологии. - М.: Изд. РОУ, 1996. - С.6.
21. Антонян Ю.М. Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право.- 1996. -№ 10. - С.72.
22. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. - М., 2001. - С.120.
23. Там же. - С.123-124.
24. Хохряков Г.Ф. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева. - М.: Юристь, 1999. - С.292-293.

Р.Ф. Набиев

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры криминалистики КЮИ МВД России

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ (СС) ИНТЕРНЕТА КАК СРЕДСТВО ПРОВОКАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ И ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

В статье проанализированы общие черты последних «революций», в частности широкое использование социальных интернет-сетей (СС), генеральные рычаги управления которыми располагаются за пределами атакуемых государств. СС позволяют инициировать массовые беспорядки неожиданно для правительств и с большой эффективностью. Часть сетевых революций проявляет следы заинтересованности мировых держав. Угроза существует не только по отношению к правительствам стран СНГ, но и для регионов Российской Федерации. К противодействию технологическим атакам необходимо готовиться.

2009-2010 год предъявил миру новое явление, которое сразу же стало актуальнейшим явлением и привлекло пристальное внимание средств массовой информации и, по всей видимости, аналитических служб большей части планеты.

Многие из аналитиков обратили внимание на волну социальных «революций» в, казалось бы, чрезвычайно стабильных арабских государствах. Безусловно, ряд объективных условий, необходимых для революций в этих странах созрел, и в первую очередь – огромный разрыв между нищенским положением большей части населения и демонстративной роскошью элиты. Однако эти революции обладают рядом черт, определяющих их специфику:

- их «массовость» скорее демонстративна, нежели реальна,
- отсутствовали «классические» признаки, характерные для «типичной» социальной революции, например, длительный процесс назревания революционной ситуации, период ее подготовки и пропаганды в среде радикальных слоев, формирование боевой революционной партии, провозглашенной программы действий и дальнейших преобразований...

Вместе с тем при внимательном сопоставлении с иными подобными революциями и построении ряда аналогий между ними вырисовывается довольно явственная взаимосвязь и преемственность, причем прослеживаются признаки совершенствования методики их организации [1].

Не имея возможности проследить корни всех этих движений достаточно глубоко в рамках статьи, автор предлагает обратить внимание на одну весьма примечательную деталь в этой цепи. Если рассматривать украинскую «оранжевую» революцию как звено в цепи «демократических» революций, то появляется возможность проследить их закулисную сторону.

Согласно работам советского времени, теория «померанчевой революции» отработывалась еще в начале XX в. в ходе взаимодействия германской, польской спецслужб с украинским националистическим движением, имея целью разделение России/СССР по принципу долек апельсина. Современный перевод, предлагаемый СМИ, вуалирует для масс суть этой программы: ее следует переводить на русский язык не «оранжевая», а «апельсиновая». В рамках этой теории Евразийскую державу предполагалось «съесть» как апельсин – отделяя дольки. Название «оранжевая» происходит из неадекватного перемещения термина из англоязычной среды, где оранж и есть апельсин. Успешное воплощение «стратегии апельсина» мы можем проследить на примере Югославии, где в результате многоходовой игры демократическими силами Сербии «сыграли вслепую», а в новых республиках в правительстве оказались представители прогерманских сил, проявившихся еще во II мировой войне (Хорватия).

Другой особенностью большей части «странных» революций является то, что большая часть из них происходит в регионах, ранее не относившихся к сфере безраздельного господства США, в регионах, где транснациональный капитал имел определенные затруднения. В этом отношении характерно, что все эти псевдодемократические революции (в случае успеха) завершаются переделом собственности в первую очередь в сфере энергоносителей (или их транспортировки), а новое правительство, как в случае с Грузией, в трудные времена напрямую оплачивается из США [2]. Примечательно, что в странах-партнерах США (Саудовская Аравия, Эмираты) возмущение «плебса» не вылилось в масштабные массовые беспорядки, особенно учитывая «дипломатическое сопровождение» со стороны госаппарата США и лично президента Обамы [3].

Выстраивание этих революций в цепочку позволяет предполагать с большой степенью уверенности, что интерес международного капитала к сфере влияния Российской Федерации не ослабевает [4].

Газета «Коммерсантъ» привела сведения о прогнозах неизбежных будущих столкновений в киберпространстве. «Парализация систем управления, масштабные блэкауты, хаос в системах контроля за воздушным и наземным транспортом, нарушение работы банков и бирж, отключение интернета и сотовой связи — так, по мнению американских апологетов неизбежности межгосударственного столкновения в киберпространстве, выглядит сценарий применения кибероружия». Далее сообщается, что «в 2011 году США планируют принять новую доктрину кибербезопасности. О её направленности можно судить по опубликованной в сентябре программной статье заместителя главы Пентагона Уильяма Линна с символическим названием "Защищая новое пространство". Её главная мысль: отныне США будут считать киберпространство таким же потенциальным полем боя, как суша, море и воздух [10].

Постпред РФ в НАТО Дмитрий Рогозин не исключает, что в перспективе кибероружие альянса может быть направлено против Российской Федерации [5].

Эти обстоятельства (как и то, что наша республика относится к развитым нефтедобывающим регионам с существенным разрывом в уровне доходов новой элиты и основной массы населения) придает актуальность разработке этой тематики в наших условиях. Особую значимость этой разработке на территории РТ придает нацеленность республики на подготовку к Универсиаде и Олимпиаде.

Организация массовых выступлений молодежи с целью имитации «всенародного протеста» заставляет оценивать «технологические» особенности «странных революций» и возможности предотвращения массовых беспорядков с позиции профессиональных интересов полиции.

Примечательно, что общей чертой последних «революций» явилось широкое использование социальных интернет-сетей (СС), генеральные рычаги управления которыми располагаются за пределами атакуемых государств. Особую значимость этому обстоятельству придают сведения ряда аналитиков, утверждающих, что до 70% молодежи активно участвует в социальных сетях [TV «МИР» 10.02.11], притом что эта активная часть общества, как правило, находится за пределами влияния традиционных СМИ [11].

Не многим известно, что Интернет-система создавалась спецслужбами США и первоначальным мотивом специалистов Пентагона являлось создание резервной военной информационной сети, способной действовать между защищенными пунктами после уничтожения всей инфраструктуры на поверхности [6]. Примечательно, что попытка создания европейского «евронета», альтернативного Интернету, встретила сопротивление «союзника» и не смогла быть реализованной в полной мере.

В этом отношении имеют особое значение размышления специалистов о социальных сетях «Фейсбук» и «Твиттер», послуживших основным средством инициации массовых выступлений недовольных. Учет «собственника» этих сетей и организаторов площадок дает основания для более надежных обобщений по рассматриваемому вопросу.

В. Зазнобин вполне логично рассуждает о том, что «Фейсбук» вполне мог быть основан мальчишкой [7], но «не мальчишки создают СС - ими руководят спецслужбы и корпорации» [TV «МИР» 10.02.11]. Он же одним из первых в нашей стране применил понятие «сетевая революция», связав их не с традиционными центрами власти, а с новой формирующейся надсоциальной и надгосударственной властью властителей информации – «нетократией» [8]. С определением «сетевая революция» нельзя не согласиться (учитывая абсолютно новый в теории революций метод мобилизации масс), и мы используем в данной статье это определение, но оно не раскрывает их сути.

Сайт «regnum» отмечает, в частности, что организатор протестного сообщества египетской фронды В.Гнейм «теорию социального управления усвоил по окончании Американского университета в Каире, а опыт и навыки приобрел, реализовав за последние 10 лет несколько успешных проектов в арабоязычной части интернета. Подобного гения, конечно, быстро заметили и в 2008 г. пригласили на работу в "Гугл". Существенно, что в том же году эта компания вместе с "Фейсбук" выступила спонсором запущенной под патронажем Госдепа США и связанных с ним американских НПО конференции "Альянса молодежных движений" (АМД). Повестка дня, цели и участники заседаний АМД стали известны широкой общественности в конце января с.г. из секретной переписки Посольства США в Каире благодаря сайту "Викиликс" и газете "Дэйли Телеграф"» [12].

Подобного рода сведения имеются в аналитических статьях и по ряду иных активистов «Фейсбука».

Как средство подрыва традиционной государственной власти вообще оценивает действия СС «Викиликс» Д. Гавра. Несомненно, что действия СС «Викиликс» (и его продолжателей) рассчитаны на длительный срок действия, причем долгосрочные последствия подобного рода деятельности в настоящее время трудно прогнозировать.

Оценивая складывающуюся в мировом интеллектуальном сообществе инициативу А. Смирнов полагает, что «традиционные

политические партии уйдут со сцены... усилятся сетевые лидеры...». Он полагает, что СС пока еще не «лаборатория власти» (какими являются традиционные правительства), но могут стать таковыми при определенных условиях. На сегодняшний день автор расценивает подобные прогнозы как креативные версии, т.к. хозяевами информационных полей и потоков становятся, как правило, влиятельные силы предшествующего периода [9]. Однако фактом являются новые реалии в средствах и методах реализации политических проектов.

События последних месяцев свидетельствуют о том, что сетевые революции, кроме всего прочего, являются проявлением продолжающихся перемен в сфере информационных технологий в сфере экономики, политики, культуры и средствах массовой коммуникации. Интерактивность становится основным признаком коммуникаций, всё вокруг меняется... [13].

Существуют ли какие-нибудь признаки постороннего IT-влияния на население РФ?

Не обладая необходимой полнотой информации, автор, тем не менее, обратил внимание на тот факт, что несанкционированное проникновение на личные страницы и почтовые ящики со стороны СС «Фейсбук» и иных СС усилились. Датированная 9.03.2011 г., в Интернете появилась «пошаговая инструкция» по организации массовых беспорядков, исполненная на русском языке и в арабской графике [14].

Еще более значимыми автору видятся внешне безобидные развлечения молодежи типа «флэш-моб». Особенностью этой забавы являются весьма настораживающие черты: участники этой акции могут не знать не только организатора, но и подлинных целей массовой акции. Собираясь по условному сигналу, группа незнакомых молодых людей производит некие «бесмысленные» и «безобидные» организованные действия.

Настораживает не только немотивированная (для исполнителя) социальная активность, но ее сопоставление с традиционными особенностями методики подготовки рядового исполнителя ВС США.

Не будучи в силах противостоять марксистской пропаганде на уровне идеологии, США далее развивали наработки «Ш Рейха» в сфере прикладной военной психологии. Примечательно, что отработка «бессмысленных» бездумных действий является обязательной частью психологической подготовки л/с американских спецподразделений: солдат натаскивается на безусловное исполнение любых команд начальника. Таким образом, канал мобилизации позволяет собрать в любом месте группу активных людей для бездумного взаимодействия.

Что это может означать с точки зрения прикладных задач правоохранительных органов? Например, «исчезновение» традиционного объекта применения средств и методов противодействия. Подлинный организатор может не проявлять явных признаков противоправной деятельности, оставаясь за пределами досягаемости, а исполнители – не осознавать последствий своей деятельности.

Несомненно, что одними традиционными действиями правоохранительных органов не смогут «демократично» предотвратить подобные внезапные и массовые акции. Для эффективного противоборства с ними требуются скоординированные комплексные усилия целого ряда специалистов. «Демократические революции» показывают, что консервативные режимы, в условиях невозможности применения жестких мер подавления бунта, зачастую оказываются неспособными к противоборству. Контролируя традиционные СМИ, правительства оказываются не в состоянии блокировать неудобную информацию традиционных форм протеста [15], но в условиях многовариантного информационного поля зачастую оказываются беспомощными.

Однако непрерывный ряд стереотипных бунтов позволил некоторым странам отработать ряд эффективных мер, которые могут быть изучены и обобщены. Например, обращает на себя внимание, что разъяснительная работа парализовала попытки активации массовых беспорядков в Китае, Армении и ряде иных стран. Отслеживание намерений на ранних этапах подго-

товки позволило пресечь в зародыше «Жасминовую революцию» в Китае путем задержания 18 IT-инициаторов и блокирования подходов к установленным местам сбора.

Автору представляется несомненным, что подготовка к подобной работе должна активно проводиться уже сейчас. Также несомненно, что действия правоохранительных органов на 9/10 должны быть профилактическими:

1. Разъяснительная работа и обучение уже сегодня необходимы среди сотрудников правоохранительных органов и персонала предприятий связи и провайдеров.

2. Безусловно, необходима специальная работа по накоплению знаний о разрабатываемых в мире новейших технических способах воздействия на массы.

3. Необходимо прогнозирование возможных IT-угроз и планирование контрмер.

4. Вполне возможно отслеживание намерений на ранних этапах подготовки. Причем не только узкими специалистами, но и любым рядовым сотрудником при условии знания некоторых характерных признаков подготовки массовых беспорядков.

3. Для прямого противодействия специалисты предлагают создание «информационных войск» для ведения информационно-психологических войн. Так, например, в США действует специальная программа и подразделения, а в СПбГУ создана учебная группа для подготовки специалистов в этом направлении. Но более эффективными, по мнению В. Зазнобина, может оказаться «интернет-ополчение», которое своей численностью способно оказаться более мощной силой, чем любой специальный IT-инструмент.

4. Отключение телефонной связи и электронных сетей, как показывают события, эффективны как предупредительные меры, непосредственно предшествующие массовой рассылке команд. Но такое применение незаконно и маловероятно [16].

ЛИТЕРАТУРА

1. В эту цепь аналогий мы включаем не только собственно «революции», но и акты массовых действий, наиболее явственной серией которых следует считать выступления «антиглобалистов» - движения, которое постепенно стало обретать черты глобального движения без четкой программы, а также массовые атаки «компьютерных авантюристов» на информационные системы государственных и банковских структур различных стран.
2. Понятие «революция роз» также может иметь и иное значение при переводе с картли.
3. Генерал-майор милиции, д.ю.н. В. Овчинников, отмечает, что неправомерно называть «Обаму и его людей» первооткрывателями интернет-революций. «Они вновь выступали интеграторами. В частности, был обобщен опыт первой «цифровой» революции на Филиппинах: 17 января 2001 г., спустя всего два часа после того, как парламент блокировал процедуру импичмента в отношении президента Джозефа Эстрады, граждане страны послали друг другу более 7 млн электронных писем с призывами выйти на улицы и участвовать в акциях протеста. Миллион протестующих на улицах Манилы – и Эстрада лишился президентского кресла. За этим последовала «сетевая» революция в Испании (2004 г.): демонстрации, организованные при помощи электронной почты, вынудили покинуть свой пост премьер-министра Хосе Марию Аснара» [Овчинников В.] .
4. Примером тому могут служить Узбекистан, Киргизия, Молдавия и последние события в Азербайджане. Однако в Азербайджане опыт арабских событий был учтен, а высокие темпы развития экономики республики и низкий уровень охвата страны интернет-сетями не позволили мусаватистам опереться на сколь-нибудь широкую социальную базу. Очевидное сходство неподготовленных (преимущественно) молодежных революций хорошо прослеживается начиная с молдавских событий, когда внезапным бунтом был смещен президент, ориентированный на сотрудничество с Россией. Некоторые сходные черты между событиями в Молдавии и декабрьскими событиями в Москве выявил В. Зазнобин [TV «МИР» 10.02.11].
5. Российская Федерация вот уже несколько лет настаивает на подписании международного договора о неприменении кибероружия. Он запрещал бы странам тайно развигать и применять друг против друга разные виды кибероружия. Например, "логические бомбы", которые могут быть спрятаны в компьютеры, чтобы остановить их в критические моменты или повредить саму систему; "ботнеты", которые могут отключать или шпионить за сайтами и сетями; СВЧ-излучатели, которые могут "сжигать" компьютерные микросхемы на значительных расстояниях и т.д. » [Овчинников В].
6. Публичная лекция Иванова В.В. Задачи и перспективы наук о человеке // <http://webcache.googleusercontent.com>. – Дата обращения: 29.09.2009.
7. 19-летний студент Марк Цукерберг (Джесси Айзенберг) [Капчиц М.].
8. Связанная с этой проблемой теория формирования «надсоциальной власти», «нетократии» остается в пределах нашего внимания, но за рамками данной статьи ввиду ее обширности. (См. [Нетократия – новомодное слово на пару дней//ezhelev.com/?p=321](http://ezhelev.com/?p=321). Дата обращения: 14.03.2011)
9. Часть этих «фантастических» прогнозов может сбыться в случае крушения мировой финансовой системы и крушения власти «мирового правительства», но такие катаклизмы раньше уничтожат само информационное поле.
10. Черненко Е., Габуев А. Оружие к сбою!// Коммерсантъ.- 2011. -15.февраля.
11. Овчинников В. Куда ведут сетевые революции // www.tartaria.ru/Obshestvo/Politika/Set_rev.aspx/ Дата обращения: 14.03.2011.
12. Варов Г. Великая египетская сетевая революция // ebcache.googleusercontent.com/search?q=cache: - ата обращения 15.03.2011.
13. [Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма //fictionbook.ru/...aleksandr/netokratiya_novaya_pravyashaya_yelita_i/](http://fictionbook.ru/...aleksandr/netokratiya_novaya_pravyashaya_yelita_i/) Дата обращения: 14.03.2011.
14. [galitsin_news: Пошаговая инструкция по проведению сетевой революции...// www.galitsin-news.livejournal.com/52913.html](http://www.galitsin-news.livejournal.com/52913.html) /– Дата обращения: 13.03.2011.
15. Бунт шахтеров на экране: информация для ретрообщества // www.ng.ru/editorial/2010-05-19/2_red.html. Дата обращения: 14.03.2011.
16. Добро пожаловать в Египет!// <http://newtimes.ru/articles/detail/34201/> / Дата обращения: 14.03.2011.

М.А. Кадырметов

старший научный сотрудник
филиала ФГУ «ВНИИ МВД России»
по Республике Татарстан

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ
РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА
НЕЗАКОННУЮ ДОБЫЧУ (ВЫЛОВ) ВОДНЫХ
БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ
НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

В настоящее время проблема сохранения природных ресурсов, разнообразия животного мира, поддержания численности редких и исчезающих видов животных, обеспечения экологического равновесия становится все более значимой в связи с негативными тенденциями в данной сфере.

Утрата любого биологического вида дикой природы наносит ущерб интересам общества, ведет к невозможным потерям генофонда, ослабляет защитные функции биосферы. Поэтому обеспечение экологической безопасности сегодня является одной из важнейших составляющих национальной безопасности нашего государства, находясь в одном ряду с такими составляющими, как обеспечение общественной безопасности и безопасности личности [1]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, сформулировавшей основные направления государственной политики страны, указано, что наряду с обеспечением основных приоритетов национальной безопасности Российская Федерация сосредотачивает свои усилия и ресурсы на приоритетах устойчивого развития, среди которых – экология живых систем и рациональное природопользование [2].

Важнейшим компонентом окружающей среды являются водные биологические ресурсы, а их незаконная добыча (вылов) – одним из опасных видов воздействия на окружающую среду и природные ресурсы.

В последние годы в России все большее распространение получают незаконные посяательства на водные биологические ресурсы. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в РФ за последние 10 лет (период 2001-2010 гг.) количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, возросло почти вдвое – с

7900 преступлений в 2001 году до 13644 в 2010 году. При этом преступления, связанные с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, имеют самый большой удельный вес по отношению к общему количеству всех зарегистрированных в стране экологических преступлений – данный показатель варьирует от 35 до 45% [3]. В 2010 году рассматриваемый удельный вес составил 34,8%.

Вместе с тем официальная статистика не отражает фактической распространенности рассматриваемых противоправных посятельств. Следует иметь в виду определенную условность (относительность) статистических данных, которые весьма слабо соотносятся с реальным состоянием охраны окружающей среды [4].

Сегодня браконьерский промысел не только разрушает сырьевую базу рыболовства, но и наносит огромный ущерб видовому разнообразию, поскольку объектом браконьерства являются наиболее ценные виды рыб и морских беспозвоночных. Существенно уменьшились запасы водных биологических ресурсов, пользующихся повышенным спросом на мировом рынке [5].

В ряде регионов России – на Нижней Волге, Северном Каспии, Камчатке, Дальнем Востоке рыбное браконьерство приняло промышленный размах.

Проблема обеспечения правопорядка в области использования и охраны водных биологических ресурсов является актуальной и для других регионов России, например, Приволжского федерального округа и

его субъектов, в частности, Республики Татарстан. Так, по данным Информационного центра МВД по Республике Татарстан, по итогам 2010 года каждое второе зарегистрированное в республике экологическое преступление – это преступление, предусмотренное ст. 256 УК РФ, причем удельный вес рассматриваемых преступлений в 2010 году по сравнению с 2009 годом вырос на треть.

В структуре правового воздействия на незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов значительная роль отведена уголовному закону. Действующая статья 256 Уголовного кодекса РФ «Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов» отвечает современным реалиям борьбы с данным преступлением. Вместе с тем данная норма, на наш взгляд, далека от совершенства. В рассматриваемой статье не в полной мере раскрыт понятийный аппарат, в связи с чем невозможно однозначное толкование употребляемых в ней терминов и, следовательно, обозначенных ими признаков.

Анализ правоприменительной и судебной практики Республики Татарстан показал, что наибольшие трудности при квалификации преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, возникают по вопросам отнесения рыболовных сетей к способам массового истребления водных биологических ресурсов.

Следует отметить, что в Республике Татарстан рыболовные сети являются самым распространенным незаконным орудием добычи (вылова) водных биологических ресурсов. Анализ изучения 280 уголовных дел показал, что в 88,7% случаев уголовные дела возбуждались по фактам незаконной добычи (вылова) водных биоресурсов с использованием рыболовных сетей [6].

Ввиду отсутствия четкого определения понятия «иные способы массового истребления водных животных и растений», изложенного в диспозиции статьи 256 УК РФ, суды Республики Татарстан по-разному квалифицируют использование рыболовных сетей при незаконной добыче (вылове) водных биологических ресурсов.

Так, в Обзорной справке о результатах изучения практики рассмотрения судами Республики Татарстан уголовных дел о незаконной добыче водных животных и растений за 2008 год Верховный суд РТ указал, что в настоящее время суды существенно затрудняются при толковании понятия «иные способы массового истребления водных животных и растений», в связи с чем часто допускают ошибки [7]. Например, приговором мирового судьи судебного участка № 9 Ново-Савиновского района города Казани от 22 июня 2007 года гр. К. был осужден по п. «б» ч. 1 ст. 256 УК РФ к исправительным работам сроком на 6 месяцев с удержанием 15% заработка в доход государства. Судом установлено, что гр. К. 21 марта 2007 г. на реке Казанка в 300 метрах от моста «Миллениум», пробуравив во льду лунки, установил рыболовную сеть длиной 30 метров, высотой 1,2 метра, с ячейей 70x70 мм. Непосредственно после этого он был задержан сотрудниками милиции. Суд первой инстанции указанные действия гр. К. квалифицировал как незаконную добычу (вылов) рыбы, совершенную способом массового истребления водных животных [8].

Однако Верховным судом Республики Татарстан в связи с отсутствием вывода суда о признании сети орудием массового истребления водных животных и растений решения по данному уголовному делу, а также по другим уголовным делам [9] были признаны необоснованными [10].

Также Верховным судом Республики Татарстан указано, что рыболовная сеть сама по себе, без учета всех обстоятельств уголовного дела (ее размера, места применения, способа применения), не может быть признана орудием массового истребления рыбы по смыслу, заложенному в диспозиции ст. 256 УК РФ. Рыболовная сеть может быть признана орудием массового истребления рыбы только в исключительных случаях, способных привести к массовой гибели водных животных и растений. Например, когда она установлена способом полного запруда миграционных путей рыбы к местам нереста либо непосредственно в нерестилище и по своим па-

раметрам способна уничтожить большое количество нерестящейся рыбы. В обоснование своей позиции Верховный суд Республики Татарстан ссылается на статью 25 Правил рыболовства в рыбохозяйственных водоемах Волжско-Камского бассейна, утвержденных приказом Минрыбхоза СССР № 401 от 18 декабря 1968 года (утратили силу), согласно которой сети с размером ячеи полотна более 24 мм при определенных условиях являются разрешенными орудиями для любительского рыболовства [11].

Необходимо отметить, что с 5 апреля 2009 года на территории Республики Татарстан действуют новые Правила рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна, утвержденные приказом Федерального агентства по рыболовству от 13 января 2009 г. № 1. В пункте 29 указанных правил установлен полный запрет на применение при любительском и спортивном рыболовстве сетей всех типов [12].

Анализ статистических данных Республики Татарстан по преступности, связанной с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, показал, что в 2008 году в республике было отмечено резкое снижение как общего количества зарегистрированных экологических преступлений (на 39%), так и преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ (на 86%) [13].

«Причиной резкого снижения количества преступлений, связанных с незаконной добычей (выловом) водных биологических ресурсов, стала реакция органов следствия и дознания, в первую очередь, органов внутренних дел, на представление Председателя Верховного суда Республики Татарстан в адрес министра внутренних дел по Республике Татарстан. Неправильно трактуя на местах представление Председателя Верховного суда РТ, ссылаясь на наличие особых сложностей в доказывании факта использования орудий массового истребления водных биологических ресурсов и опасаясь оправдательных приговоров, органы внутренних дел стали отказывать в возбуждении уголовных дел по ст. 256 УК РФ по любой причине. С начала 2008 года горрайпрокурами все чаще

стали выдвигаться требования к органам предварительного расследования о возбуждении уголовных дел по ст. 256 УК РФ с ущербом не менее 2500 рублей. В Чистопольском и Актанышском районах Республики Татарстан даже при наличии ущерба в сумме 31000 рублей и 9296 рублей органами внутренних дел выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, со ссылкой при этом на малозначительность причиненного ущерба и фактора не отнесения сети к способам массового истребления водных биологических ресурсов» [14].

В конечном счете «декриминализация сетного лова рыбы привела к ухудшению криминогенной обстановки на водоемах республики и их захламлению бесхозными сетями» [15].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 года № 26 также не дает четкого разъяснения понятия отнесения рыболовных сетей к орудиям массового истребления водных биологических ресурсов: «Под иными способами массового истребления водных животных и растений понимаются действия, связанные с применением таких незаконных орудий лова, которые повлекли либо могли повлечь массовую гибель водных биологических ресурсов, отрицательно повлиять на среду их обитания: прекращение доступа кислорода в водный объект посредством уничтожения или перекрытия источников его водоснабжения, спуск воды из водных объектов, перегораживание водоема (например, реки, озера), орудиями лова более чем на две трети его ширины, применение крючковой снасти типа перемета, лов рыбы гонном, багрение, использование запруд, применение огнестрельного оружия, колющих орудий. Решая вопрос о том, совершено ли преступление с применением способов массового истребления водных биологических ресурсов, судам надлежит не только исходить из того, какой запрещенный вид орудия лова или способ вылова был применен, но и устанавливать, может ли их применение с учетом конкретных обстоятельств дела повлечь указанные последствия. В необходимых случаях к исследованию свойств

таких орудий лова или примененных способов добычи (вылова) водных биологических ресурсов надлежит привлекать соответствующих специалистов либо экспертов» [16].

По нашему мнению, незаконное применение сетей при рыболовстве является способом массового истребления рыбы, так как причиняет значительный вред общественным отношениям в сфере рационального использования водных биологических ресурсов, а, следовательно, имеет степень общественной опасности, присущую преступлению.

В связи с изложенным мы считаем, что незаконное применение сетей при рыбо-

ловстве во всех случаях должно квалифицироваться по пункту «б» части 1 статьи 256 УК РФ. Поэтому с целью конкретизации уголовной ответственности за незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов с применением рыболовных сетей нами предлагается внести дополнения в пункт «б» части 1 статьи 256 УК РФ, изложив указанный пункт в следующей редакции: «с применением самоходного транспортного плавающего средства, **рыболовных сетей** или взрывчатых и химических веществ, электротока либо иных способов массового истребления указанных водных животных и растений».

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 2010. 29 декабря.
2. См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
3. См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2007. С. 522.
4. См.: Там же. С. 522.
5. См.: Концепция развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 02 сентября 2003 г. № 1265-р (ред. от 21 июля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 36. Ст. 3557.
6. См.: Обзорная справка о результатах изучения практики рассмотрения судами Республики Татарстан уголовных дел о незаконной добыче водных животных и растений // Архив Верховного суда Республики Татарстан за 2008 г.
7. См.: Обзорная справка ...
8. См.: Уголовное дело № 1-59/07 // Архив судебного участка № 9 Ново-Савиновского района города Казани Республики Татарстан за 2007 г.
9. См., например: уголовные дела №№ 1-138/07, 1-1-55/07, 1-1-76/07, рассмотренные мировым судом судебного участка № 1 Приволжского района города Казани Республики Татарстан; уголовное дело № 1-144/07, рассмотренное Зеленодольским городским судом Республики Татарстан; уголовное дело № 1-204, рассмотренное Нижнекамским городским судом Республики Татарстан.
10. См.: Обзорная справка ...
11. См.: Обзорная справка ...
12. См.: Об утверждении Правил рыболовства для Волжско-Каспийского рыбохозяйственного бассейна: приказ Росрыболовства от 13 января 2009 г. № 1 (ред. от 16 апреля 2009 г.) // Российская газета. 2009. 25 марта.
13. По данным Информационного центра МВД по Республике Татарстан.
14. О практике применения положений ст. 256 УК РФ: указание прокурора Республики Татарстан государственного советника юстиции 2 класса К.Ф. Амирова (исх. № 15-2-467-09 от 16.03.2009 г.) // Архив прокуратуры Республики Татарстан за 2009 г.
15. Информация по проблемным вопросам взаимодействия Управления по борьбе с правонарушениями в области охраны окружающей среды МВД по Республике Татарстан с судебным корпусом Республики Татарстан: аналитическая справка/ Архив УБПООС МВД по РТ за 2009 г.
16. О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (статьи 253, 256 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2010 г. № 26 // Российская газета. 2010. 01 декабря.

по

А.А. Лабутин
старший научный сотрудник
филиала ФГУ «ВНИИ МВД России»
Республике Татарстан

ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОГО ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО РЫНКА

Понятие «потребительский рынок» давно закрепилось в экономике. Поэтому существует немало мнений и суждений по поводу его определения, однако до сих пор нет единой точки зрения по поводу включаемых в данное понятие признаков.

Становление российской рыночной экономики, её совершенствование, глобализация и интеграция в мировой рынок, который основан на «здоровой» конкуренции независимых хозяйствующих субъектов, как производителей (товаров, услуг), так и их продавцов, породили ряд проблем. С одной стороны, эти процессы в определенной степени усложнили правовые отношения, так или иначе связанные со сферой потребительского рынка, а значит, постоянно требуют совершенствования его правового регулирования, установления четких его границ. С другой стороны, в процессе указанных экономических преобразований в России колоссально возросло число хозяйствующих субъектов, имеющих различные организационно-правовые формы собственности, а также граждан, которые прямо или опосредованно связаны с продажей (реализацией) товаров (услуг) на потребительском рынке страны. Именно от четкого правового регулирования их деятельности, в конечном итоге, зависит как благополучие потребителя, так и социально-экономическая ситуация в России.

По данным Министерства экономического развития России за 2009 год, на долю потребительских расходов населения (оборот розничной торговли и платные услуги населению) приходится более 70% всех денежных расходов среднестатистического россиянина. При этом среднегодовой оборот розничной торговли в стране за последние три года составляет около 15 трлн рублей. Ассортиментная структура продаж товаров на сегодняшний день выглядит следующим образом: наибольший

удельный вес в общем объеме продаж занимают мясо (включая мясо домашней птицы и дичи), продукты и консервы из мяса (8,6%), верхняя одежда (7%), легковые автомобили (4,6%), бензины автомобильные (5,2%), фармацевтические, медицинские и ортопедические товары (3,6%), молочная продукция (3,4%) [1].

Наконец, самое важное – составляя более пятой части валового внутреннего продукта, потребительский рынок остается важнейшим фактором его роста, наряду с экспортом и инвестициями [2].

Понятие «потребительский рынок» давно закрепилось в экономике. Поэтому существует немало мнений и суждений по поводу его определения, однако до сих пор нет единой точки зрения по поводу включаемых в данное понятие признаков.

Так, одни полагают, что потребительский рынок следует рассматривать как систему экономических отношений, обеспечивающих взаимосвязь производства с потреблением посредством купли-продажи товаров и услуг [3].

Другие считают, что потребительский рынок включает в себя товары и услуги, предназначенные для личного потребления [4].

Третьи склоняются к определению потребительского рынка как совокупности социально-экономических отношений между неопределенным кругом потребителей и продавцов, осуществляемых на основе договора с целью реализации товара, исходя из его потребительских свойств, обеспечиваемых государством правовой регламентацией, возможностью контроля и применения мер ответственности [5].

Четвертые полагают, что потребительский рынок – рынок, на котором отдельные лица и домохозяйства приобретают товары и услуги для личного потребления [6].

Впрочем, нет единого подхода к определению понятия «потребительский рынок» и среди специалистов в области исследования проблем противодействия преступности на потребительском рынке.

Так, с точки зрения М.М. Хубутя, «потребительский рынок – область экономической деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами с целью получения коммерческой прибыли, связывающей сферу производства со сферой потребления и реализуемой посредством торговли потребительскими товарами и предоставления потребительских услуг населению» [7].

Г.Б. Царева под потребительским рынком понимает систему политических, социально-экономических, правовых, технических, организационных, психологических и иных отношений, возникающих между субъектами потребительского рынка, по поводу соблюдения установленных требований к товарам (работам, услугам), процессу их реализации, а также правового режима деятельности продавцов в связи с реализацией товаров, выполнением работ и оказанием услуг [8].

С позиции Н.А. Резиной, потребительский рынок представляет собой общественные отношения, урегулированные нормами права, возникающие между государством, изготовителем, исполнителем, продавцом и потребителем в процессе изготовления, исполнения, реализации, эксплуатации, утилизации и иных стадий жизненного цикла товаров, работ и услуг [9].

А.П. Алегин определяет потребительский рынок как «сферу экономической деятельности, осуществляемой юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и физическими лицами в установленном законодательством порядке и направленной на торговлю потребительскими товарами и

предоставление потребительских услуг населению с целью получения коммерческой прибыли» [10].

А.М. Субботин считает, что «потребительский рынок – это совокупность общественных отношений, связанных с производством и продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг потребителям (конечным приобретателям товаров, работ, услуг)» [11].

По мнению В.В. Ерофеева, под потребительским рынком следует понимать систему социально-экономических и организационно-правовых отношений, возникающих между участниками по факту купли-продажи товаров или услуг с целью их потребления для удовлетворения повседневных нужд, не связанных с извлечением прибыли [12].

Законодательно термин «потребительский рынок» нигде не закреплён. В ряде законодательных и нормативно-правовых актах упоминается лишь рынок товаров (работ, услуг) [13], товарный рынок [14] и их разновидности.

Вместе с тем в соответствии с государственным стандартом «потребительский рынок рассматривается как сфера обмена товарами или группами товаров и услугами между товаровладельцами, исполнителями услуг и покупателями, сложившаяся на основе разделения труда» [15].

Как видно из большинства приведенных выше определений, субъектами потребительского рынка выступают две основные стороны:

1) продавцы (исполнители), т.е. лица, готовые за определенное вознаграждение предоставить (выполнить) товары (результаты работ, услуг);

2) потребители (покупатели), т.е. лица, которые приобретают предлагаемые им товар (результаты работ, услуг).

В то же время, рассматривая потребительский рынок, не следует забывать о таких не менее важных его участниках, как:

- производители – предприятия, организации, компании, лица, производящие, изготавливающие

продукцию, товары, оказываемые услуги [16];

- контролирующие органы – представители государственных структур, призванные контролировать правомерность деятельности субъектов потребительского рынка, задачами

которых, как правило, являются обеспечение интересов потребителей и охрана установленного порядка производства и реализации товаров и услуг на потребительском рынке.

Структура потребительского рынка схематично представлена на рисунке 1.

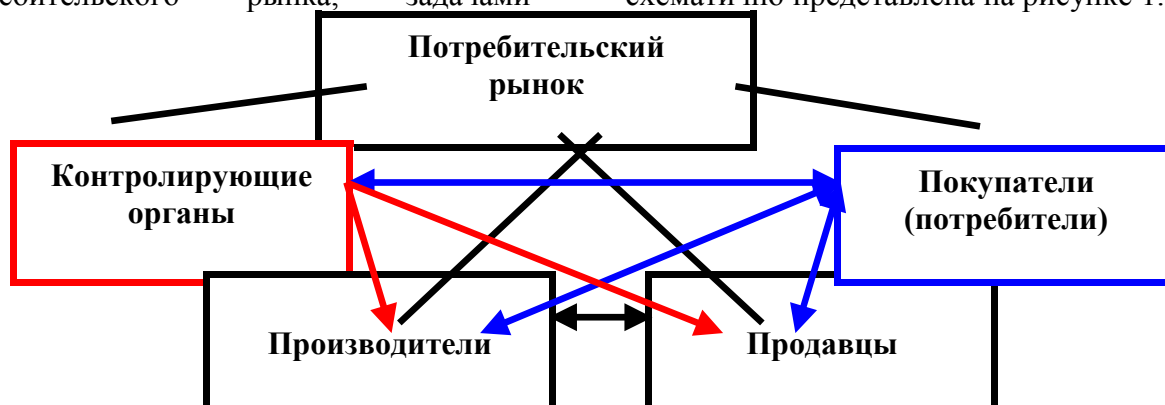

Рис. 1. Структура потребительского рынка.

Перед тем как сформулировать собственное определение потребительского рынка, остановимся на рассмотрении таких экономических и правовых категорий, как «потребление», «потребности», «рынок», «потребитель», при этом также проанализируем этимологию слов «потребитель» и «рынок».

Именно благодаря рассмотрению указанных выше категорий можно понять всю многогранность, многоплановость и усложненность понятия «потребительский рынок».

В советском энциклопедическом словаре сформулировано следующее определение «потребления»: это использование общественного продукта в процессе удовлетворения потребностей, заключительная фаза процесса воспроизводства. Потребление распадается на потребление производственное и потребление непроизводственное. В зависимости от вида потребляемых благ различаются потребление материальных благ, имеющих вещную форму, и потребление услуг. По способу удовлетворения потребностей потребление бывает индивидуальным и коллективным. Потребление органически связано с производством, распределением и обменом. Производство осуществляется для потребления

и определяет его уровень и структуру. В свою очередь, потребление активно воздействует на производство, стимулируя его развитие» [17].

Процесс «потребления» делится на виды: личное, непроизводственное и производственное.

«Потребление личное» – это использование населением потребительских благ в материально-имущественной форме, а также в форме личных услуг для удовлетворения потребностей в пище, одежде, жилище, образовании, культуре, отдыхе и т.п.» [18].

«Потребление непроизводственное» – использование материальных благ и услуг населением (личное потребление), учреждениями и организациями непроизводственной сферы (управление, наука, оборона)» [19].

«Потребление производственное» – потребление средств производства и рабочей силы человека в процессе производства. Результат процесса производства – готовая продукция» [20].

Далее рассмотрим такие понятия, как «потребности», «рынок» и «потребитель».

У термина «потребности» есть несколько интерпретаций.

Так, в советском энциклопедическом словаре «потребности» – это нужда в чем-либо, объективно необходимом для поддержания жизнедеятельности и

развития организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом; внутренний побудитель активности. Потребности делятся на биологические, свойственные животному и человеку, и социальные, которые носят исторический характер, зависят от уровня экономики и культуры. Существуют потребности общества, и прежде всего экономические. Потребности, как основа общественного производства, объективны. Осознанные обществом, классами и индивидами потребности, которые в классовом обществе различны, выступают как их интересы...» [21].

Составители современного экономического словаря дают несколько иную трактовку понятия «потребности». Под «потребностями» они понимают виды продукции, товаров, услуг, вещей, в которых нуждаются люди, которые они желают, стремятся иметь и потреблять, использовать. К потребностям относят не только то, что приносит пользу, крайне необходимо для жизни, но и реальные запросы на предметы, которые могут оказаться вредными для здоровья, но потребляются людьми в силу сложившихся привычек и получаемого удовольствия, удовлетворения. Потребности разделяются на биологические и социальные, последние обусловлены общественной природой человека. Кроме того, различают насыщаемые, имеющие четкий предел, и ненасыщаемые потребности, стремление удовлетворить которые не имеет четко обозначенного предела (например, потребности в знаниях) [22].

Таким образом, основой для развития производства потребительских товаров, совершенствования работ и услуг являлось понятие «потребность», которое имеет глубокие экономические и правовые корни. Всегда будет справедливым суждение К. Маркса, который писал: «Без потребности нет производства» [23].

Перейдем к рассмотрению этимологии слов «потребитель» и «рынок». По С.И. Ожегову и Н.Ю. Шведовой, потребитель - лицо или организация, потребляющие продукты чьего-нибудь производства [24], а рынок - сфера товарного обращения [25].

В.И. Даль указывает на то, что потребитель в народном хозяйстве противостоит производителям, хотя каждый относительно есть и то, и другое [26]. То есть, несмотря на, казалось бы, противоположные интересы продавца и потребителя при купле-продаже, тем не менее, они совпадают: продавец желает получить деньги за продаваемую вещь, а потребитель желает ее приобрести и уплатить определенную цену.

В советской литературе под «рынком» было принято понимать сферу товарного обмена; в политико-экономическом значении – предложение и спрос на товары в масштабе мирового хозяйства (мировой, внешний рынок), страны (национальный, внутренний рынок) и ее отдельного района (местный рынок). Рынком также называлось определенное место, где происходит торговля [27].

Имеются и иные определения рынка.

Так, например, зарубежные экономисты рассматривают понятие «рынок» чисто с позиции экономической теории. В узком смысле слова, по их определению, «рынок» - место встречи спроса и предложения товаров, услуг и капиталов, а в широком – совокупность деловых операций, осуществляемых в определенной сфере экономики или в определенном месте, где происходит товарообмен [28].

В словаре современной экономики понятие «рынок» представлено в другой интерпретации: «пространство, на котором взаимодействуют предложение и спрос на те или иные блага и способ этого взаимодействия» [29].

Следовательно, как верно подмечает И.Е. Чикин, из жизни современного общества невозможно исключить такие понятия, как «рынок», «потребление», «потребительский рынок», «процесс производства» [30].

Отметим, что в советский период потребительский рынок в силу администрирования в плановой экономике был сосредоточен в руках государства, но при этом его правовая сущность в интересующем нас аспекте не менялась. Так, например, В.Я. Белобрагин

подчеркивал, что потребление служит источником информации для управления качеством продукции на стадиях проектирования и производства [31].

Следовательно, побудительным мотивом развития производства, как в советский период, так и на сегодняшний день, является удовлетворение потребностей или насыщение потребительского рынка.

В связи с чем следует согласиться с мнением И.Е. Чикина, который подчеркивает, что «потребительский рынок – понятие не только многогранное, но и многоплановое, включающее в себя не только сферу торговли, выполнения работ, оказания услуг, но и сферу производства товаров на всех стадиях их жизненного цикла, начиная от проектирования и заканчивая утилизацией. Поэтому представляется, что нельзя из понятия потребительского рынка вычленивать такую важную часть, как непосредственно сам процесс производства товаров, так как основная масса недостатков в них, в том числе потенциально опасных для потребителей, возникает именно на стадии производства» [32].

Указанный принцип распространяется также на выполнение работ как на элемент потребительского рынка, который можно разделить на следующие стадии: а) подготовка к выполнению работы, в которую входит составление проектно-сметной документации, подготовка сырья и материалов, объекта работ и др.; б)

непосредственно процесс выполнения работы и получение конечного оштествленного продукта (товара, результата), то есть все те же стадии, что и при производстве товаров. Заключительная стадия процесса производства – продажа (реализация) товара, ибо не бывает производства без потребления, и наоборот. В этой связи правоведы относят к сфере потребительского рынка весь комплекс по выполнению работ. Поэтому было бы совершенно неосновательным и необоснованным исключение из него такого элемента, как производство продукции, поскольку эти элементы отличаются только конечным приобретателем. При выполнении работ – это конкретное лицо, при производстве товара – неопределенный круг лиц [33].

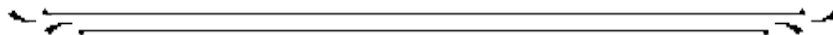
Таким образом, как нам представляется, сегодня под **потребительским рынком** следует понимать **регулируемую государством в лице уполномоченных на то органов (должностных лиц) систему общественных отношений между неопределенным кругом продавцов (производителей, исполнителей) и покупателей (потребителей), связанную с процессом производства и реализации за определенную денежную сумму (цену) товаров (результатов выполненных работ, услуг) и направленную на удовлетворение собственных потребностей.**

ЛИТЕРАТУРА

¹ www.economy.gov.ru

2. См.: Современное состояние потребительского рынка России // Официальный документ Комитета ТПП РФ по развитию потребительского рынка. -М., 2005.
3. См.: Николаев В.А. Экономика муниципального образования: сущность, проблемы развития и технология решения. -М.: Изд-во РАГС, 1998. -С.94; Погодина Т.В. Потребительский рынок и его структура: автореф. дис. ... канд. экон. наук. -Чебоксары, 1995. -С.12.
4. См.: Бойко И.П., Рыбаков Ф.Ф. Экономика для юристов: учебник. -М.: Проспект, 2002.- С.33.
5. См.: Ульянова В.Н. Административная ответственность в сфере потребительского рынка: учебное пособие. -Саратов: СЮИ МВД России, 1998. -С.8.
6. См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь (ИНФРА-М, 2006) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Версия Проф. Последнее обновление 25.02.2011.
7. Хубутя М.М. Предупреждение экономических преступлений на потребительском рынке: дис. ... канд. юрид. наук. -М., 2002. -С.17.

8. См.: Царева Г.Б. Административно-правовая деятельность милиции общественной безопасности по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка: дис. ... канд. юрид. наук. -М., 2003.- С.208.
9. См.: Резина Н.А. Государственный контроль и надзор в сфере потребительского рынка: дис. ... канд. юрид. наук. -Омск, 2003. -С.17.
10. Алегин А.П. Организация деятельности органов внутренних дел по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере потребительского рынка: учебное пособие. -М.: ВНИИ МВД России, 2006. -С.4.
11. Субботин А.М. Уголовно-правовой анализ преступлений в сфере потребительского рынка (гл. 22 УК РФ): теоретико-прикладное исследование: дис. ... канд. юрид. наук.- Н.Новгород, 2007. -С.33.
12. См.: Ерофеев В.В. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика экономических преступлений в сфере потребительского рынка: по материалам Республики Бурятия: дис. ... канд. юрид. наук.- Иркутск, 2008.- С.15.
13. См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 г. №146-ФЗ, статья 40 пункт 5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Последнее обновление 25.02.2011.
14. См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 29.11.2010 г.) // СЗ РФ. -2006. -№31 (1 ч).- Ст. 3434.
15. ГОСТ Р 51303-99. «Торговля. Термины и определения» (утв. Постановлением Госстандарта РФ от 11.08.1999 г. №242-ст). -М.: ИПК Издательство стандартов, 1999.
16. См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Указ. соч.
17. Советский энциклопедический словарь. -Изд. 4-е, испр. и дополн. -М.: Сов. энциклопедия, 1989. -С.1059.
18. Там же. -С.1059.
19. Там же. -С.1059.
20. Там же. -С.1059.
21. Там же.- С.1059.
22. См.: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Указ. соч.
23. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. -Т. 12.- М., 1979. -С.718.
24. См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь.- М., 1999. -С.572.
25. См.: Там же. -С.689.
26. См.: Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. -М., 2002. -С.527.
27. См.: Советский энциклопедический словарь.- Изд. 4-е, испр.и дополн. -М.: Сов. энциклопедия, 1989. -С.1165.
28. См.: Бернар и Колли. Толковый экономический и финансовый словарь.-Т. 11. -М.: Международные отношения, 1994. -С.172-173.
29. Лопатников Л. Словарь современной экономики. -М., 2000. -С.239.
30. См.: Чикин И.Е. Потребительский рынок Российской Федерации: значение и понятие//Юрист. 2005. №12. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Последнее обновление 25.02.2011.
31. См.: Белобрагин В.Я. Управление качеством труда и продукции в территориальном разрезе: системный анализ проблем и опыт внедрения территориального управления. -М., 1976. -С.79.
32. Чикин И.Е. Указ. соч.
33. См.: Там же.

Ф.К. Зиннуров

кандидат психологических наук
начальник КЮИ МВД России

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛАМ, ПО КОТОРЫМ НЕ УСТАНОВЛЕНО ЛИЦО, СОВЕРШИВШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы повышения роли уголовно-процессуального закона в защите конституционных прав и свобод человека. Важное значение при этом имеют вопросы совершенствования уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок приостановления и возобновления уголовных дел в случаях неустановления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Среди научных проблем уголовного процесса, имеющих непосредственное отношение к следственной практике, важное место занимают проблемы организации расследования и совершенствования уголовно-процессуального законодательства, в частности института приостановления предварительного расследования. Данная проблема актуализировалась и в связи с принятием и введением в действие УПК РФ 2001 года.

Исследование института приостановления предварительного расследования представляется актуальным в связи с необходимостью дальнейшего развития и конкретизации положений Конституции Российской Федерации в уголовно-процессуальном законодательстве. В соответствии с Основным законом признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства (ст.2), а их защита гарантируется государством (ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 46).

В уголовном судопроизводстве Российской Федерации указанные конституционные положения должны реализовываться, прежде всего, в охране названных прав и свобод от преступных посягательств как наиболее опасной разновидности правонарушений.

Реальным выражением защиты вышеназванных положений Конституции Российской Федерации на стадии предварительного расследования - одной из наиболее

важных стадий уголовного процесса - является быстрое, полное и всестороннее расследование уголовных дел и направление их в суд. Однако в случае приостановления предварительного расследования назначение уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ) не выполняется.

Это обстоятельство вызывает необходимость дальнейшего совершенствования норм уголовно-процессуального закона, регулирующих институт приостановления предварительного расследования и направленных на уменьшение негативных последствий от приостановления расследования по уголовному делу, а также совершенствования практики его применения.

По действующему уголовно-процессуальному законодательству неустановление виновного лица образует основание для отнесения данного преступления к категории нераскрытых. Именно с этих позиций уголовно-процессуальный закон решает вопрос о приостановлении предварительного следствия. В соответствии со ст. 208 УПК РФ предварительное следствие приостанавливается в четырех случаях:

- а) лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено;
- б) подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;
- в) место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, однако реаль-

ная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;

г) временное тяжелое заболевание подозреваемого или обвиняемого, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях.

Ст. 209 УПК РФ прямо вменяет в обязанность следователя по делам, приостановленным по первому основанию, т.е. по нераскрытому преступлению, принимать меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого. Из УПК РФ очевидно, что такими мерами не должны быть следственные действия, носящие процессуальный характер, поскольку производство следствия по делу приостановлено. С другой стороны, в УПК не перечисляются меры и нет указаний на то, что следует понимать под таковыми мерами. Аналогичная норма содержалась и в ст. 197 УПК РСФСР, в которой также не было указаний на то, что же под этим термином следует понимать. Нет единообразного понимания этих мер, принимаемых следователем по приостановленному уголовному делу, в процессуальной и криминалистической литературе.

Так, М.Ю. Рагинский в содержание понятия «меры» включает действия, непосредственно принимаемые самим следователем, «запросы, проверки и т.п.» и ничего не говорит о даче поручений и указаний органам дознания [1].

А.С. Кобликов писал, что в понятие «меры» входит направление следователем запроса по месту возможного нахождения виновного лица в милицию, в места лишения свободы; использование результатов расследования других дел; дача отдельных поручений органам дознания, а при необходимости производство следственных действий, с возобновлением производства по делу [2].

Иное мнение по рассматриваемому вопросу защищает В.В. Вандышев, который считает, что в понятие «меры» входит «получение справок, проведение проверок, направление запросов и другие действия, являющиеся следственными» [3].

По существу, понятие «меры» не раскрывается и в недавно вышедших научно-практических комментариях к УПК РФ 2002г., и в более поздних изданиях.

Так, П.Е. Кондратьев пишет, что следователь принимает меры организационного и иного характера. Осуществляя эти меры, он, в частности, может поручить органам дознания провести необходимые оперативно-розыскные мероприятия [4].

Б.Т. Безлепкин, комментируя ст. 209 УПК, указывает, что действия следователя в данном случае сводятся, в основном, к наведению различных справок путем рассылки запросов по самым различным каналам связи [5].

А.П. Рыжаков указывает, что меры к установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, – это розыскные действия следователя и органа дознания, а также оперативно-розыскные и иные обусловленные спецификой административно-властных полномочий действия органа дознания [6].

Наиболее удачная трактовка мер, принимаемых следователем по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, дана Н.А. Якубович. «Меры, – пишет Н.А. Якубович, принимаются следователем как непосредственно путем направления запросов, проведения проверок, истребования документов, так и через органы дознания, которым поручается производство ОРД. Весь комплекс мер, предпринимаемых следователем, должен быть направлен на получение необходимой дополнительной или новой информации, позволяющей уточнить проверявшиеся следственные версии и выдвинуть новые» [7].

Анализ литературных источников и практики применения ст. 209 УПК РФ (ст. 197 УПК РСФСР) позволяет сделать вывод, что под мерами, принимаемыми следователем по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, следует понимать непроцессуальные действия следователя, направленные на установление личности виновного. Это беседы с ранее допрошенными потерпевшими, свидетелями с целью получения от них новой информации; повторное уведомление о нераскрытом преступлении других

органов следствия и милиции, оперативных работников исправительных учреждений; организация проверки лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по другим делам на причастность к совершению нераскрытого преступления; организация проверки правдивости показаний ранее допрошенных лиц, как самим следователем, так и через органы дознания; наведение справок, истребование материалов, документов, содержащих необходимые для дела данные; обращение к общественности за содействием в выявлении свидетелей и лиц, причастных к совершению преступления, а также других фактов, представляющих интерес для расследования; изучение однородных дел, получение консультации у специалистов, поручения и указания органам дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий и т.д.

Между тем по уголовно-процессуальному законодательству ряда стран ближнего зарубежья «для установления преступника следователю предоставлено право производства отдельных следственных действий и после приостановления уголовного дела» (УПК Эстонии – ст. 164 ч. 2; Кыргызстана – ч. 1 ст. 222; Армении – ч. 3 ст. 258).

По УПК ФРГ приостановление производства по делу допускается только в стадии судебного разбирательства. В § 205 УПК ФРГ сказано: «Если судебное разбирательство длительное время не может быть проведено вследствие отсутствия обвиняемого или в силу других обстоятельств, связанных с личностью обвиняемого, то суд своим определением вправе временно приостановить производство по делу» [8].

Уголовно-процессуальное законодательство этих стран по приостановленному уголовному делу не предусматривает какого-либо перерыва в предварительном расследовании, а следователь вправе в любой момент выполнить по делу следственные действия, которые считает нужным произвести для установления виновного или с целью его розыска. В данном случае термин «перерыв в предварительном расследовании» употребляется условно, так как приостановление производства по уго-

ловному делу никоим образом не свидетельствует об окончании по нему деятельности лица, производящего следствие или дознание. С приостановлением уголовного дела изменяются лишь формы и методы их работы, направленной на завершение производства по приостановленному делу, но не прекращается сама деятельность уполномоченных на то органов.

В юридической литературе не раз высказывались разные мнения об изменении ч. 3 ст. 209 УПК РФ (п. 3 ст. 195 УПК РСФСР). Так, Б. Коврижных предложил дела о нераскрытых преступлениях не приостанавливать и расследование продолжать в установленном порядке [9]. Заслуживает особого внимания точка зрения профессора В.П. Малкова о том, что срок дознания и предварительного следствия по уголовному делу о нераскрытом преступлении приравнивается к сроку давности привлечения к уголовной ответственности за соответствующее преступление [10]. В.М. Быков и А.М. Попов предлагают дополнить статью 209 УПК РФ частью 4 следующего содержания: «В исключительных случаях допускается проведение следственных действий, носящих длящийся характер и начатых до приостановления предварительного следствия» [11].

Наверное, правы те авторы, которые считают допустимым производство отдельных следственных действий и после приостановления расследования. На наш взгляд, было бы правильным п. 1 ч. 2 ст. 209 УПК РФ изложить в следующей редакции: «В случае, предусмотренном пунктом 1 части первой статьи 208 настоящего Кодекса, принимает меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого, производит в необходимых случаях неотложные следственные действия без вынесения по делу постановления о возобновлении предварительного следствия».

Часть 3 ст. 209 УПК рекомендуется изложить в следующей редакции: «После приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 1 части второй настоящей статьи». В данном случае,

применяя термин «неотложные следственные действия», мы имеем в виду возможность проведения тех следственных действий, проведение которых возможно в отсутствие лица, совершившего преступление, и если по делу будут собраны доказательства, позволяющие возможность предъявления обвинения конкретному лицу, расследование по делу должно быть возобновлено.

Проведенный опрос группы следователей МВД по Республике Татарстан, специализирующихся на расследовании нераскрытых преступлений, по различным аспектам данной проблемы показал, что 54% опрошенных практикуют проведение следственных действий по приостановленным делам без возобновления следствия, с последующей подделкой даты проведения следственного действия. Среди причин нежелания возобновлять следствие опрошенными отмечены следующие:

отсутствие необходимости проведения других следственных действий – 22%;

нежелание составлять постановления о возобновлении, продлении срока расследования и обращаться к руководителю следственного органа – 10%;

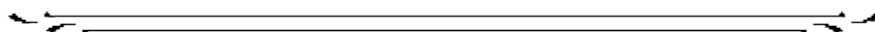
нахождение возобновленного дела на контроле у руководства и наступления нежелательных последствий – 14%.

Запрет на производство следственных действий после приостановления предварительного следствия во многих случаях отрицательно сказывается на оперативности в работе, приводит к утрате необходимых доказательств.

Необходимость активизации деятельности правоохранительных органов по снижению количества приостановленных уголовных дел побуждает ученых и практических работников искать новые пути решения указанной проблемы не только в криминалистическом аспекте, но и в уголовно-процессуальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. -М.: Юрид. лит., 1991. -С. 253.
2. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. -М.: СПАРК, 1995.- С. 279.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. -М.: Юрайт, 1999. -С. 348.
4. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. -М.: Спарк, 2002. -С. 418.
5. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный).- М.: ООО «ВИТРЕМ», 2002. -С. 272.
6. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. -М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2002.-С. 526.
7. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А.Я. Сухарева.- М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2002. - 387; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. и науч. ред. д.ю.н., проф. А.Я. Сухарева. – 2-е изд., перераб.- М.: Норма, 2004.- С. 382.
8. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов.- Изд. 2-е, перераб. и доп. -М.: Зерцало, 1997. -С. 245.
9. Коврижных Б.Н. Расследование отдельных видов преступлений: учебное пособие.- М.: УМЦ при ГУК МВД России, 1995. -С.145-153.
10. Малков В.П., Клюкова М.Е. Приостановление дела по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации. -Казань, 1993. -С. 105.
11. Быков В.М., Попов А.М.. Приостановление и возобновление предварительного расследования: монография. -Челябинск: Изд-во ООО «Полиграф-Мастер», 2006. -С. 147.

А.А. Бабушкин

кандидат юридических наук

научный сотрудник ФГУ «ВНИИ МВД России»

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ СОТРУДНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ИНТЕРПОЛА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются Положения о Национальном центральном бюро Интерпола и Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и представлены сферы взаимодействия правоохранительных органов Российской Федерации с компетентными учреждениями иностранных государств по линии Интерпола.

Взаимодействие правоохранительных органов Российской Федерации с компетентными учреждениями иностранных государств по линии Интерпола на сегодняшний день представляется одним из наиболее актуальных и востребованных направлений международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Работа Интерпола охватывает практически весь криминальный спектр: экономическая преступность, в том числе связанная с хищениями автотранспорта и предметов, представляющих культурную и историческую ценность, незаконный оборот наркотиков и огнестрельного оружия. В его компетенции также обмен информацией по вопросам борьбы с организованной преступностью и терроризмом, киберпреступностью, коррупцией и даже морским пиратством. В Интерполе существует собственный информационный банк данных, который насчитывает более 2 миллионов учетных записей о лицах, организациях, событиях, предметах и документах, связанных с транснациональными преступлениями [1].

Международное взаимодействие осуществляется через Национальное центральное бюро Интерпола (далее – НЦБ Интерпола) в Российской Федерации, которое представляет собой подразделение криминальной милиции (полиции), структурно входящее в систему Министерства внутренних дел. НЦБ Интерпола было создано приказом МВД СССР от 12 октября 1990 г. № 378 «О создании Национального центрального бюро Интерпола в СССР».

Можно сказать, что НЦБ Интерпола является органом по сотрудничеству правоохранительных и иных государственных структур Российской Федерации с соответствующими учреждениями иностранных государств-членов Интерпола и его Генеральным секретариатом. В 1996 г. постановлением Правительства Российской Федерации было принято решение о создании территориальных филиалов в 77 субъектах Российской Федерации, которые являются связующим звеном между НЦБ и территориальными правоохранительными органами, решая задачи по обеспечению эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях.

НЦБ Интерпола в Российской Федерации выполняет следующие задачи:

- обеспечение эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях;

- оказание содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации;

- наблюдение за исполнением международных договоров по вопросам борьбы с преступностью, участником которых является Российская Федерация [2].

Таким образом, основная сфера деятельности НЦБ Интерпола – обеспечение информационного обмена с правоохранительными органами иностранных государств и координация действий компетентных органов Российской Федерации в

процессе международного взаимодействия в вопросах борьбы с общеуголовной преступностью. Возникает вопрос: могут ли сотрудники НЦБ Интерпола, помимо координации и информационного обмена, самостоятельно осуществлять оперативно-розыскные мероприятия и есть ли для этого соответствующая нормативная правовая база?

В Положении о Национальном центральном бюро Интерпола (далее - Положение), утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации от 14 октября 1996 г. № 1190, прямо не предусмотрена возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий его сотрудниками. Вместе с тем отсутствие такого положения вызывает ряд вопросов теоретического и практического характера.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, «оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств».

Указанный Федеральный закон в ст. 13 («Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность») устанавливает, что на территории Российской Федерации право осуществлять оперативно-розыскную деятельность предоставляется оперативным подразделениям:

- органов внутренних дел Российской Федерации;
- органов Федеральной службы безопасности;
- федеральных органов государственной охраны;
- таможенных органов Российской Федерации;
- Службы внешней разведки Российской Федерации;

- Федеральной службы исполнения наказаний;

- органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Приведенный список является исчерпывающим, так как перечень органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, может быть изменен или дополнен только федеральным законом.

Правом на осуществление оперативно-розыскной деятельности, как видно из статьи, наделены только оперативные подразделения перечисленных в ней органов. То есть такое право предоставляется не государственному органу в целом, а только его оперативным подразделениям. Следовательно, должностные лица других подразделений, входящих в структуру перечисленных государственных органов, не вправе самостоятельно проводить оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ), а могут лишь привлекаться для их проведения должностными лицами оперативных подразделений указанных органов [3].

Под оперативными подразделениями понимаются структурные подразделения государственных органов, которые непосредственно выполняют оперативно-розыскные мероприятия в соответствии с ведомственным распределением функций и в пределах установленных полномочий.

В частности, в МВД России правом проведения ОРМ наделены оперативные подразделения криминальной милиции, в которую входят подразделения: уголовного розыска; по борьбе с экономическими преступлениями; по налоговым преступлениям; по борьбе с организованной преступностью; оперативно-поисковые; специальных технических мероприятий; собственной безопасности; оперативно-розыскной информации. В криминальную милицию также входят НЦБ Интерпола и его территориальные подразделения, о чем уже упоминалось выше [4].

Примечателен тот факт, что сотрудники НЦБ Интерпола в Российской Федерации по должности являются именно оперуполномоченными. При этом среди множества функций НЦБ Интерпола, перечисленных в Положении, нет ни одной, прямо преду-

смастривающей проведение оперативно-розыскных мероприятий силами данного подразделения. Другими словами, фактически получается, что сотрудники НЦБ Интерпола – это оперуполномоченные, не уполномоченные проводить оперативно-розыскные мероприятия.

Вместе с тем среди задач НЦБ Интерпола в Российской Федерации обозначена такая, как «оказание содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации». Указанное содействие теоретически может также включать и выполнение определенных ОРМ.

Если внимательно просмотреть все функции НЦБ Интерпола, указанные в Положении, то некоторые из них с некоторой долей сомнения можно увязать с отдельными ОРМ, исчерпывающий перечень которых, как известно, дан в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Так, НЦБ Интерпола, среди прочих, осуществляет следующие функции:

- обеспечивает соблюдение установленного порядка обращения с конфиденциальной информацией, содержащейся в международных запросах, следственных поручениях, сообщениях, принимает меры, исключающие возможность несанкционированной передачи этой информации юридическим и физическим лицам, которым она не предназначена;

- в установленном порядке пользуется базами данных НЦБ Интерпола и Генерального секретариата Интерпола, участвует в их формировании;

- формирует на основе информации, полученной при обработке поступающих международных запросов, следственных поручений и сообщений, собственный банк данных о лицах, организациях, событиях, предметах и документах, связанных с преступлениями международного характера;

- готовит оперативную информацию об осуществленных мероприятиях по линии Интерпола для ее передачи в установленном порядке в НЦБ Интерпола и Дежурную часть МВД России.

Перечисленные функции НЦБ Интерпола, на наш взгляд, имеют отношение к такому оперативно-розыскному мероприятию, как наведение справок (ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»). Напомним, что наведение справок – это оперативно-розыскное мероприятие, основанное на непосредственном изучении документов, содержащих сведения, представляющие оперативный интерес, а также направления запросов о предоставлении таких сведений в государственные органы, предприятия, учреждения и организации, имеющие информационные системы [5].

Вторая часть данного определения как раз соответствует характеру перечисленных выше функций НЦБ Интерпола, которое уполномочено направлять соответствующие запросы в правоохранительные и иные государственные органы Российской Федерации (по просьбе НЦБ иностранных государств) и соответственно в НЦБ иностранных государств и Генеральный секретариат Интерпола по запросам российских компетентных органов.

Вместе с тем в законе содержится перечень, включающий четырнадцать оперативно-розыскных мероприятий, лишь одно из которых соотносится с функциями НЦБ Интерпола, указанными в Положении. Мы считаем, что с учетом специфики оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в рамках международного сотрудничества по линии Интерпола, имеет смысл внести соответствующее дополнение в Положение и нормативно закрепить возможность непосредственного участия сотрудников НЦБ в осуществлении ОРМ по запросам правоохранительных органов иностранных государств. В этой связи представляется целесообразным установить в Положении дополнительную функцию НЦБ, сформулировав ее примерно следующим образом:

«В случае необходимости проводит совместно с территориальными правоохранительными органами оперативно-розыскные мероприятия по запросам НЦБ Интерпола иностранных государств и Генерального секретариата Интерпола».

Данная норма существенно расширит компетенцию НЦБ Интерпола в Российской Федерации и создаст условия для более тесного и эффективного взаимодействия с другими оперативными подразделениями. Хотелось бы подчеркнуть формулировку «проводит совместно», так как она в данном случае наиболее точно под-

ходит для смыслового выражения предлагаемой функции. Не стоит забывать, что НЦБ Интерпола все же в первую очередь информационный и координирующий механизм и его оперативно-розыскные функции целесообразно реализовывать в тесной связке с соответствующими территориальными правоохранительными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лахонин Т. Главное оружие Интерпола – оперативность обмена информацией // Профессионал.- 2010.- № 5. - С. 2-4.
2. Овчинский В.С. Интерпол в вопросах и ответах: учеб. пособие. -М.: ИНФРА-М, 2008.- С. 261.
3. Вагин О.А., Исиченко А.П., Четин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». -М.: «Деловой двор», 2009. -С. 217.
4. См. Структура криминальной милиции, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 7 декабря 2000 г. №925.
5. Вагин О.А., Исиченко А.П., Четин А.Е. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». -М.: «Деловой двор», 2009.- С. 92.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Зиннуров Ф.К. Специфика межличностных отношений в группе с повышенной опасностью функционирования: монография. – Казань: КЮИ МВД РФ, 2010. – 134 с.

Данная монография посвящена специфике межличностных отношений, определяющих успешное взаимодействие групп с повышенной опасностью функционирования.

Автором разработаны практические рекомендации по развитию межличностных отношений в группах с повышенной опасностью функционирования, которые были внедрены в практику подготовки специалистов органов внутренних дел Республики Татарстан.

С.В. Ненароков
преподаватель кафедры ОРД
КЮИ МВД России

ПУТИ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предлагаемые в статье пути развития системы информационно-аналитического обеспечения охватывают объекты и процессы как самой преступной деятельности, так и деятельности правоохранительных органов по ее расследованию, а также имеют объективно выраженную предметную область, структуру и методологическую базу, используемую в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности.

Выделяя информационно-аналитическое обеспечение как самостоятельный вид деятельности, необходимо раскрыть его содержание и структуру. По нашему мнению, информационно-аналитическое обеспечение представляет собой совокупность мероприятий, позволяющих снизить степень внезапности совершения преступлений, а также создать благоприятные условия и существенно повысить эффективность их раскрытия и последующего расследования. Вот почему так важно развитие криминалистики как области научных знаний, которая, постоянно совершенствуясь, значительно повышает эффективность деятельности, связанной с профилактикой и расследованием преступлений. При этом многие научные достижения с течением времени переросли рамки обеспечивающих мероприятий и включались в самостоятельные отрасли криминалистики. Так, например, было с криминалистической фотографией, эволюция развития которой перешла от вида обеспечения в отдельный раздел криминалистической техники.

Некоторые виды обеспечения по мере своего развития сближались с другими и, обогащаясь новым содержанием, выражались в новое направление обеспечения. Так происходило развитие технико-криминалистического обеспечения.

В современных условиях развития науки возникновение нового научного направления, учения или отдельного теоретического построения, неизбежно связано с обоснованием необходимости и целесообразности решения выдвинутых

задач. Решение научных проблемы принято разделять на уровни глобальных (фундаментальных) научных проблем и прикладных научных задач. Отсюда исходное «членение» науки - выделение ее в структуре фундаментальных и прикладных исследований, фундаментальных и прикладных наук [1]. Фундаментальная наука сосредотачивает свои усилия на выяснении основных законов, основных принципов природы. Наука прикладная ставит перед собой задачу решения узкой конкретной проблемы в непосредственной связи с материальными интересами общества.

На этом фоне фундаментальные и прикладные исследования различаются по своим целям и задачам. Фундаментальные науки дают нам общее знание и понимание принципов строения и эволюции мира. Они вырабатывают базовые модели познания разнообразных и обширных областей действительности. Обуславливая разработку исследований в достаточно широкой области явлений, фундаментальная наука определяет тем самым общие особенности постановки и методы решения обширного класса исследовательских задач. Разработка же прикладных наук всегда связана с решением практических задач. Прикладные науки лежат на пути от фундаментальных наук к прямому практическим приложениям.

Система информационно-аналитического обеспечения в целях раскрытия преступлений - это, по нашему мнению, элемент криминалистики, касающийся

такой ее отрасли, как криминалистическая техника, а конкретно - разделы дактилоскопии, криминалистического оружейоведения, системно связанных с оперативно-розыскной деятельностью.

Главным содержанием предлагаемого вида обеспечения должна стать информация, систематизированная для анализа широкого круга событий и данных, тем или иным образом касающихся преступной деятельности. В перечень таких данных могут входить данные о разных группах лиц и организаций, оружии и взрывчатых веществах, технологиях и транспорте, сведения о финансовой деятельности и многие другие данные.

История знает подобные прецеденты сосредоточения информационно-аналитических усилий и ресурсов в борьбе с преступностью. Так, в начале XIX века Россию захлестнула волна террористических актов, организуемых анархистами, эсерами и другими революционно настроенными партиями и организациями. В рамках политического сыска были созданы аналитические отделы. Они занимались анализом информации, поступающей из самых различных источников. По воспоминаниям современников тех событий, аналитические отделы больше напоминали читальные залы, где в тишине залов умудренные мужи пересматривали газеты революционных издательств, а также европейскую прессу, изучали финансовую деятельность отдельных организаций, издательств и банков и многое другое.

Различия между фундаментальными и прикладными исследованиями лежат в особенностях выбора направлений и объектов исследования. В фундаментальной науке выбор проблем определяется, прежде всего, внутренней логикой ее развития и возможностями ее осуществления на современном этапе развития общества. В прикладных науках выбор проблем и объектов исследования определяется воздействием запросов общества - технических, экономических и социальных задач. Вне всяких сомнений, что существование предлагаемой системы регистрации оперативно и криминалистически значимой информации по такого рода запросам стала

очевидная необходимость эффективного обеспечения раскрытия преступлений. Для этого необходимо объединить знания в самых различных областях, прямо или косвенно касающихся организации преступной деятельности, в том числе и в сфере экономики.

В наше время, нам кажется, можно говорить о расцвете особой стадии в научно-исследовательской цепи, промежуточной между фундаментальной наукой и прямым внедрением. В прикладных научных исследованиях центр тяжести все же лежит на понятии «наука», а не на понятии «приложения». Результаты прикладных наук предваряют собой разработку приложений, но не наоборот [2]. Следует отдельно выделить проблемы, обусловившие необходимость интеграции различных областей знаний в отдельное теоретическое построение - обоснование новой формы информационно-аналитического обеспечения.

Во-первых, это значительное количество преступлений, которые наблюдаются в России в последнее десятилетие.

Во-вторых, на сегодняшний день в правоохранительных органах учеты лиц, объектов и событий не решают задач анализа преступной активности, закономерностей проявления той или иной преступной деятельности как системы.

В-третьих, в настоящее время в правоохранительных органах отсутствует аналитическая форма работы с объектами, вовлеченными в орбиту преступной деятельности как информационного канала обеспечения правоохранительной деятельности.

С одной стороны, являясь элементами криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, предлагаемая система отражает ее «синтетический, интегральный» [3] характер, объединяя в себе разнообразные области естественных и технических наук. С другой стороны, рассматривая ее предназначение и правовую базу, сферу предмета и объектов криминалистического знания, а также приспособленность средств и методов естественных и технических наук к условиям уголовно-процессуальной деятельности, предлагаемый вид аналитического учета

рассматривается как правовая область знаний. При кажущейся отдаленности определенной группы закономерностей возникновения информации о событии преступления, от сферы правовых явлений (технические и тактико-специальные вопросы), все же они порождены правовой сутью и реализуются в сфере правовых отношений.

Предлагаемая система информационно-аналитического обеспечения охватывает объекты и процессы как преступной деятельности, так и деятельности правоохранительных органов по их расследованию. Поэтому рассматриваемые в рамках представленной системы закономерности органически связаны с юридической, правовой сферой их отражения.

Вопрос о сущности любого теоретического построения связан с оценкой его служебных функций. Для разрабатываемой системы информационно-аналитического обеспечения такими функциями являются разработка методов и средств получения, переработки, анализа и реализации информации, способствующей раскрытию преступлений. Теоретическая часть информационно-аналитического обеспечения аккумулирует в себе широкую область естественных и правовых наук, опираясь при этом на нормы уголовного, уголовно-процессуального и других законов. В связи с этим использование приемов, средств и методов сбора информации, ее переработки и получения новой информации прямо или опосредованно приобретают функциональный характер.

Правовой базой создаваемой информационно-аналитической базы служат Закон об ОРД, Уголовно-процессуальный кодекс, закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также нормативные акты, касающиеся ведения криминалистических и оперативно-справочных учетов.

Любая отрасль или элемент научных знаний представляет собой систему, которая может быть рассмотрена в двух основных аспектах - как область научных знаний и как научная деятельность. В качестве системы научных знаний она характеризуется относительно однородным и объединенным тематической и проблемной общностью научных разработок. Такие разработки в

отношении предлагаемой концепции, касаются теоретических основ формирования и использования любых массивов баз данных с одной стороны, и вопросов знания тактики и организации преступной деятельности, - с другой. В плане же научной деятельности отдельная отрасль научных знаний представляет собой социальную систему применительно к сложившемуся научному сообществу, в разной степени касающемуся данной проблемы и состоящему из различных групп специалистов, ученых и организаций. Именно на пересечении этих взаимосвязанных систем и рождается новое теоретическое, научно обоснованное построение.

Конструирование новой теории как элемента сложившейся системы криминалистики есть возникновение нового знания, поэтому предлагаемая концепция информационно-аналитической базы как целостная система научных взглядов нуждается в анализе ее генезиса и структуры. Системно-структурный анализ является существенным (постановочным) элементом общей теории и предметной части представленной области научных знаний.

Разработка любой научной теории, в том числе и рассматриваемой нами в отношении информационно-аналитической системы, неизбежно связана с анализом ее методологии, ее мировоззренческой сущностью. По мнению многих ученых, методология науки может быть общей и частной. Общая методология охватывает принципы материалистической диалектики, теории научного познания. Частная методология основывается на законах отдельных наук. Методология конкретной научной дисциплины обладает системой основополагающих идей, взглядов и подходов в определенной или нескольких областях знаний. Частное теоретическое построение, как правило, не имеет самостоятельно выраженной методологии. Здесь используется принятая методология, обслуживающая выделенную отрасль знаний.

В нашем случае такой областью знаний является криминалистика и оперативно-розыскная деятельность. В то же время

следует выделить мысль о том, что для решения своих задач даже отдельное научное построение выражается через систему теоретических обобщений, принципов, специфических методов и методик исследований. Эта теория объединяет методологические подходы криминалистики, оперативно-розыскной деятельности и наук, связанных с теорией и информационными технологиями создания и обработки массивов баз данных.

Комплекс принципов и подходов, заимствованных из правовых дисциплин, объединяет: объект познаний - преступная деятельность, событие преступления и лицо его совершившее; согласованность процесса познания с законными его формами; цель исследований - установление фактов, событий, лиц и объектов; субъект познания - процессуально уполномоченное лицо; осуществление процесса познания в условиях противодействия или в условиях риска.

Область знаний в сфере информационных технологий в предлагаемой нами системе реализует закономерности сбора, накопления и обработки массивов баз данных. Это касается системы реализации математического анализа, правил и порядка исследования исходных данных их структурирования, вычленение информационных пиков (сопоставление совпадающих или близких однородных данных) и формулирование выводов.

В ходе сбора и анализа информации относительно преступной деятельности решаются следующие основные задачи:

- построение логической схемы, связывающей отдельные информационные блоки;
- конструирование отдельных моделей преступной деятельности;

- прогнозирование преступной деятельности;
- обоснование потребности в недостающей информации;
- определение приоритетных направлений поиска новой информации.

Таким образом, вполне допустимо говорить о конкретном информационном обеспечении с применением технико-криминалистических средств и методов в решении следующих вопросов:

- выбор субъектов сбора информации, их компетенции;
- определение сроков, порядка и способов получения, фиксации, обработки и систематизации получаемой информации;
- анализ информации в рамках определенной процедуры с применением типовых методик и привлечением соответствующих специалистов;
- организация использования результатов анализа информации в практической деятельности правоохранительных органов в рамках оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

Таким образом, предлагаемая система информационно-аналитического обеспечения раскрытия преступлений имеет объективно выраженную предметную область, структуру и методическую базу, использует принятые в криминалистике (криминалистической регистрации) и оперативно-розыскной деятельности методологические основы и принципы. Предлагаемое теоретическое построение охватывает широкую область, связанную с теориями криминалистики, криминалистической регистрации, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизы и информатики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горохов В.Г. Концепция современного естествознания и техники: учебное пособие. - М.: ИНФРА-М, 2000. - С. 25.
2. Там же.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики. - М., 1977. - Т.1- С.168.

Е.В. Березовская

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры государственно-правовых дисциплин
КЮИ МВД России

**ПРИНЦИПЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**

В данной статье рассматриваются основные подходы к проблеме принципов юридической ответственности, т.к. они отражают ее содержание, сущность, функции и формы реализации, а также предопределяют поведение граждан, деятельность законодателя и правоприменителя.

Проблематика принципов юридической ответственности в настоящее время представляет значительный интерес, как в теоретическом, так и в практическом отношении.

В российском обществе еще не в полной мере утверждены общечеловеческие ценности, сохраняются тенденции роста преступности. Не последняя роль в борьбе с правонарушениями отводится юридической ответственности. Принципы юридической ответственности отражают ее глубинное содержание, сущность, функции, формы реализации, они предопределяют поведение граждан, деятельность законодателя и правоприменителя. Это своеобразный фундамент, на котором базируется юридическая ответственность.

Точное определение принципов юридической ответственности, выявление их содержания и взаимодействия является предпосылкой согласованности законодательства, единообразия правоприменительной деятельности, т.к. деятельность законодателя, правоприменителя зависит и от результатов деятельности юридической науки.

В настоящее время правоприменителем и законодателем нарушаются принципы юридической ответственности, в связи с чем актуальным представляется выявление этих нарушений, разработка

рекомендаций по их устранению, что в конечном итоге будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Современный этап развития правовой теории и законодательства характеризуется изменениями в содержании принципов права, принципов юридической ответственности, их законодательным закреплением, которые происходят в связи с изменением общественной жизни. В силу этого правовая теория нуждается в исследованиях, раскрывающих и систематизирующих эти явления.

Принципы юридической ответственности имеют объективные и субъективные свойства. В них отражено научное и общественное мировоззрение. Принципы не являются абсолютно неизменными, каждому периоду времени соответствуют определенные принципы. Согласно принципам юридической ответственности должна строиться деятельность правоохранительных органов, законодателя. Кроме того, граждане должны соизмерять свое поведение с принципами ответственности.

Содержание и перечень принципов юридической ответственности есть результат общественного и правового развития. Идеи справедливости, гуманизма, неотвратимости, законности формировались в процессе развития общества, государства и права. Они

складывались в результате эволюции научных воззрений, а уже затем постепенно находили свое отражение в тех или иных формах в действующем законодательстве.

Содержание принципов юридической ответственности обусловлено господствующими в обществе представлениями (идеями) о праве, сущности права, правах человека, роли государства и т.д. В принципах юридической ответственности отражаются ее сущность и социокультурная реальность общества и отдельных его составляющих.

В юридической литературе принципы права определяют как: первооснову, руководящую идею [1]; основополагающую идею [2]; обобщенные нормы права [3]; начала, отправные идеи, являющиеся однопорядковыми с сущностью права [4]. Следует особо обратить внимание на определение принципов права, разработанное М.И. Байтиным, который отмечает, что принципы права – «это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права» [5]. Понятие принципов юридической ответственности должно опираться на общее понятие принципов права.

В свою очередь, под принципами юридической ответственности понимают: основополагающие и руководящие идеи, в соответствии с которыми строится деятельность правоохранительных органов [6]; основополагающие идеи, выражающие сущность, природу и назначение ответственности; идеи, закрепленные в системе норм материального права, составляющих институт юридической ответственности [7]; отправные идеи, представляющие собой интеллектуальные, духовные положения, характеризующие содержание, социальное назначение, функционирование и развитие юридической ответственности [8].

Расхождения в определении принципов юридической ответственности

обусловлены многообразием научного правосознания, направлений исследования, научных школ. Кроме того, в последнее десятилетие в России существенно изменилось представление о сущности права, о приоритетах правового регулирования, о соотношении естественного и позитивного права. Принцип не является статически «застывшей» категорией. Его понимание и содержание изменяются одновременно с изменением общества и научных мировоззрений.

Принципы определяют функциональное функционирование юридической ответственности. В демократическом правовом государстве цель, задачи и функции не могут не соответствовать принципам юридической ответственности. Такое противоречие приводит к негативным последствиям, таким, например, как распространение правового нигилизма в обществе, неуважение и несоблюдение требований законодательных актов, снижение авторитета государственной власти и правоохранительных органов и т.д. Связь между принципами юридической ответственности, с одной стороны, и целью, задачами и функциями - с другой, в демократическом правовом государстве носит взаимосвязанный и двусторонний характер. Принципы систематизируют и упорядочивают функционирование института юридической ответственности.

Принципы юридической ответственности наряду с ее функциями и целями выражают природу и назначение юридической ответственности. Они обладают наивысшей обобщенностью и в концентрированном виде характеризуют юридическую ответственность в целом. Принципы отражают характеристики действующего законодательства, определяют тенденции его развития и влияют на формирование правоприменительной практики и законодательной деятельности.

Система принципов основывается на цивилизованности общества, действующем законодательстве, научном

мировоззрении, правовой культуре. На принципы юридической ответственности оказывает воздействие само право как элемент культуры.

Многие принципы юридической ответственности закреплены в современных конституциях, законодательстве, в международных правовых актах. Вытекающие из Конституции Российской Федерации общие принципы юридической ответственности по своему существу относятся к основам правопорядка и оказывают непосредственное влияние на конституционно-правовой статус физических и юридических лиц в Российской Федерации (статьи 49, 50, 54 и 64). Политический опыт нашего времени убедительно показывает, что ослабление правоохранительной функции государства, даже частичное отступление от принципов юридической ответственности вызывает возрождение самосудов, частных преследований и расправ, нелегитимных форм принуждения - иначе говоря, всего того, что государство по природе своей призвано устранять из общественной жизни.

Принципы юридической ответственности должны исследоваться не как простая совокупность, а как система. Система принципов юридической ответственности характеризуется определенной иерархией, единством, цельностью, внутренней согласованностью и взаимодействием образующих ее элементов. Составляющие систему принципы действуют не обособленно, изолированно друг от друга, а комплексно. Они тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. Каждый входящий в систему принцип должен толковаться и осуществляться с учетом других основополагающих идей.

В правовой науке различают следующие принципы юридической ответственности: законность основания, справедливость, персонализированность (индивидуализация) возложения, неотвратимость наступления,

целесообразность, ответственность за вину. Все указанные принципы юридической ответственности отражают устойчивые закономерности юридической ответственности и практики ее применения, обусловлены современным уровнем правовой культуры и развития нашего общества. Принципы юридической ответственности взаимосвязаны друг с другом и взаимозависимы. Наличие одного принципа юридической ответственности, в свою очередь, предполагает наличие другого принципа юридической ответственности, так и нарушение одного принципа ведет к нарушению другого.

Законность основания. Законность - явление многогранное. Она выступает принципом права, принципом юридической ответственности, режимом государственного руководства обществом, принципом деятельности должностных лиц поведения граждан. Проблемам законности посвящена обширная юридическая литература, что не удивительно ввиду многогранности и многофункциональности этого явления [9].

В действующем законодательстве, предусматривающем уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую и др. виды ответственности, получили практически повсеместное закрепление основные требования принципа законности юридической ответственности: равенство перед юридической ответственностью; обязанность соблюдать предписания правовых норм; единство законности; освобождение от ответственности должно происходить на законных основаниях; закон, ухудшающий положение субъекта ответственности, не имеет обратной силы; закон, устраняющий ответственность или улучшающий положение субъекта ответственности, имеет обратную силу; верховенство Конституции и т.д.

Под основанием юридической ответственности принято понимать те правовые и фактические факторы, при осуществлении которых государство

применяет к субъектам права те или иные принудительные меры. Правовым основанием юридической ответственности является норма права. Фактическим основанием юридической ответственности выступает правонарушение. Если из состава правонарушения исключается какой-либо необходимый компонент, то нет целого – правонарушения, нет законного основания юридической ответственности. Но наличие нормы права и факт ее нарушения автоматически не влекут юридической ответственности. Юридическая ответственность может наступить лишь на основе акта применения нормы права к данному конкретному случаю. Вот почему полным законным основанием юридической ответственности выступают: состав правонарушения и акт применения о назначении той или иной меры юридической ответственности. Лишь та ответственность может быть назначена правонарушителю, которая определена в юридической норме. Назначение за конкретное правонарушение меры юридической ответственности, не предусмотренной правом, представляет собой нарушение законности.

Способы закрепления вида и пределов юридической ответственности в нормах права различны.

Если принцип законности находит свое непосредственное выражение в конкретной статье нормативно-правового акта, то он приобретает особое значение. В Основном Законе РФ отражено, что граждане обязаны соблюдать Конституцию. В ст. 11 УИК РФ закреплено: «Осужденные должны исполнять установленные законодательством обязанности граждан РФ, они обязаны соблюдать требования федеральных законов, определяющих порядок отбывания наказаний, а также принятых в соответствии с ними нормативных актов».

В одних нормативных актах виды и размеры ответственности определяются вслед за описанием состава правонарушения. Такой прием

используется в уголовном праве, в административном праве.

Иногда состав правонарушения формируется как нарушение обязанностей, а затем следует перечень возможных мер ответственности. Это имеет место в трудовом праве. В некоторых случаях ответственность за правонарушения предусматривается специальным актом, который выступает в качестве дополнения к акту, устанавливающему юридические обязанности [10].

В судебной, административной и дисциплинарной практике факты неосновательного привлечения к ответственности встречаются отнюдь не редко, что особенно опасно для становления правового государства.

Справедливость. Справедливость – философская, нравственная, общесоциальная и одновременно юридическая категория. Идеи справедливости, воплотившись в правосознании законодателя, правоприменителя, граждан, затем находят свое выражение в действующем законодательстве и практике его применения, а также реализуются в правомерном поведении субъектов юридической ответственности.

Основанное на требованиях законности наказание виновного должно быть проникнуто идеей социальной справедливости. Она является принципом права, основой правосудия. А.Ф. Кони подчеркивал, что «справедливость должна находить свое выражение в законодательстве, которое тем выше, чем глубже оно всматривается в правду людских потребностей и возможностей, и в правосудии, осуществляемом судом, который тем выше, чем больше в нем живого, а не формального отношения к личности человека. [11]. Сказанное в полной мере относится и к юридической ответственности.

Установление юридической ответственности должно быть справедливым и соответствовать всем критериям справедливости. За общественно опасные деяния необходимо

неизбежно устанавливать меры государственного принуждения (наказания, взыскания). А за общественно полезные деяния - поощрения. Установление юридической ответственности должно быть своевременным. Несвоевременное установление юридической ответственности ведет к дестабилизации общественных отношений и выступает одним из условий совершения правонарушений.

Регулирование общественных отношений должно происходить на основе и в рамках законности. Отступление от принципа законности означает одновременно и нарушение принципа справедливости, т. к. этот принцип является системообразующим. Установление юридической ответственности должно соответствовать утвержденной Конституцией иерархии ценностей: права человека - интересы общества - интересы государства. Регулирование общественных отношений необходимо осуществлять из данных концептуальных основ.

Справедливость юридической ответственности не абстрактное нравственное либо психологическое понятие. Она проявляется в следующей системе формальных требований:

- 1) нельзя назначать уголовное наказание за проступки;
- 2) если вред, причиненный нарушением, имеет обратимый характер, юридическая ответственность должна обеспечить его восполнение;
- 3) за одно нарушение возможно лишь одно наказание;
- 4) необходимость соответствия правовых норм моральным, категориям разумности и добросовестности;
- 5) вид и мера наказания зависят от тяжести правонарушения.

При установлении ответственности учитываются как отягчающие, так смягчающие вину обстоятельства.

Индивидуализация наказания. Принцип индивидуализации юридической ответственности - это отправная идея, заключающаяся в классификации

законодателем правонарушений в зависимости от типовой общественной опасности правонарушения, а также обязанности правоприменителя при определении мер юридической ответственности учитывать общественную опасность (вредоносность) конкретного правонарушения и общественную опасность личности конкретного правонарушителя.

Ответственность за совершенное правонарушение виновный должен нести сам. Недопустимо перенесение ее с виновного на другого субъекта за исключением случаев, предусмотренных в законе (например, в гражданском праве за правонарушения малолетних часто к ответственности привлекаются родители).

Обязанности, запреты, предписания, которые закрепляет юридическая ответственность, не могут быть одинаковыми для всех субъектов: они зависят от правового статуса субъекта [12].

Ярко проявляет себя принцип индивидуализации, когда определяется индивидуальный и специальный статусы субъектов. Общими для всех субъектов могут быть лишь обязанности, характеризующие связь гражданина и государства. Обязанности, которые характерны для специального и индивидуального правового статуса, не могут быть одинаковыми, как не может быть одинаковой для всех субъектов мера свободы и ответственности. В юридической литературе выделяют отраслевые статусы: гражданско-правовой, административно-правовой, уголовно-правовой и т.д.; статус лиц, работающих в различных экстремальных ситуациях, и т.д. [13].

А.А. Иванов рассматривает индивидуализацию юридической ответственности на стадии возникновения охранительного правоотношения, на стадии определения меры и объема ответственности и на стадии реализации [14]. Индивидуализация начинается не со стадии возникновения охранительного правоотношения ответственности, а с

момента установления юридической ответственности.

Отсутствие необходимых социально-экономических условий для реализации таких уголовных наказаний, как арест, обязательные работы, ограничение свободы, ведет к нарушению принципа индивидуализации, т. к. суды вынужденно назначают наказание в виде лишения свободы.

Соблюдение принципа индивидуализации ведет к соответствию характера воздействия карательной функции конкретным обстоятельствам дела и личности правонарушителя.

Неотвратимость наступления наказания означает, что если за то или иное деяние должны последовать меры государственного принуждения, то без законных оснований никто не может быть освобожден от ответственности и наказания ни под каким предлогом (общественное положение, партийная принадлежность, родственные связи и т.д.).

Принцип неотвратимости юридической ответственности - это основополагающая идея, заключающаяся в обязательной реакции уполномоченных органов на правонарушение (выявление, раскрытие, пресечение) и привлечении к ответственности правонарушителя при отсутствии оснований освобождения от нее; проявления неотвратимости весьма многообразны и зависят от вида юридической ответственности, они могут заключаться: в обязанности государства реагировать на правонарушения; обязанности государства привлекать правонарушителя к ответственности; обязанности правонарушителя претерпеть неблагоприятное воздействие в виде осуждения, лишений личного и имущественного характера [15]; в обязанности субъекта ответственности соблюдать предписания правовых норм.

Любое правонарушение должно влечь реакцию со стороны государства. Эта реакция выражается в неотвратимой каре правонарушителя и в восстановлении общественных отношений. Кара как

неотвратимая реакция осуществляется не ради себя самой, а ради другого аспекта неотвратимости – чтобы в будущем субъект не нарушал возложенных на него обязанностей. Этому способствуют также осуществляемые одновременно с карательной и восстановительной функциями воспитательная и частнопревентивная функции, так как одна кара не может обеспечить неотвратимость юридической ответственности.

Содержание принципа неотвратимости необходимо раскрывать в его взаимосвязи с другими принципами юридической ответственности, т.к. нарушение одного принципа ведет к нарушению другого принципа юридической ответственности. Так, можно ли назвать ответственность соответствующей принципу неотвратимости, если она декларативна и не снабжена механизмами реализации, или когда за правонарушение назначается мера ответственности, не соответствующая его характеру и степени тяжести. Декларативную, несправедливую, неиндивидуализированную ответственность нельзя назвать соответствующей принципу неотвратимости.

Если совершено правонарушение, а ответственность не наступила, это наносит моральный урон авторитету закона, подрывает идею законности в сознании граждан и должностных лиц. Внедрение в общественное сознание представления о неизбежности связи правонарушения и наказания – важный фактор снижения уровня правонарушений.

Целесообразность. Неотвратимость ответственности предполагает ее целесообразность. Ответственность наступает неотвратимо, потому что она целесообразна. Недопустимо освобождение нарушителя от ответственности без законных оснований под предлогом тяжести, целесообразности, эффективности, политических, идеологических и иных неправовых мотивов.

Вместе с тем следует отличать целесообразность ответственности как юридического явления и учет целесообразности в процессе правоприменения, в ходе привлечения лица к ответственности, при определении ему меры наказания. В этом случае целесообразность заключается в соответствии избранной в отношении нарушителя меры воздействия целям юридической ответственности. Она предполагает строгую индивидуализацию карательных мер в зависимости не только от тяжести нарушения, но и от особенностей личности нарушителя, обстоятельств совершения деяния и т.д. Если цели ответственности могут быть достигнуты без ее реализации, закон допускает освобождение виновного от ответственности.

Вынесение наиболее целесообразного в каждом конкретном случае решения обеспечивается тем, что: санкции правоохранительных норм права имеют, как правило, относительно-определенный или альтернативный характер, то есть оставляют свободу выбора; в законодательстве установлены обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность (УК РФ, КоАП РФ, ТК РФ); в законодательстве установлены основания освобождения от ответственности, наиболее тщательно этот институт разработан в уголовном праве [16].

Ответственность за вину. Данный принцип - это отправная идея, заключающаяся в обязанности законодателя, правоприменителя устанавливать и реализовывать юридическую ответственность за личные осознанные и волевые деяния деликтоспособного субъекта, в которых проявилось отрицательное психическое отношение к правовым предписаниям в различных формах.

Общим принципом для добровольной и государственно-принудительной формы реализации ответственности является наличие свободы воли и осознания своих действий. Вне сознания нет ответственности. Отсутствие

осознанности своих действий, отсутствие воли исключает формы реализации ответственности;

Если же лицо невиновно, то, несмотря на тяжесть деяния, оно не может быть привлечено к ответственности. Вместе с тем в исключительных случаях нормы гражданского права допускают ответственность без вины, то есть за сам факт совершения противоправного, асоциального поведения. В частности, организация или гражданин – владелец источника повышенной опасности обязаны возместить ущерб, причиненный этим источником (например, движущимся автомобилем), и тогда, когда не виновны в причинении ущерба (ст. 1079 ГК РФ).

В последние годы ряд ученых стали обосновывать ответственность без вины в отраслях публичного права. Так, П.Н. Позняков отмечает, что «говорить о вине как обязательном условии конституционной ответственности неверно ... конституционная ответственность совсем не обязательно связана с противоправным и даже аморальным поведением» [17], вместе с тем, по мнению автора, «сказанное не означает, что в случаях безвиной конституционной ответственности субъективная сторона деяния отсутствует» [18]. Получается, что вина существует, но имеется специфика ее проявления. Например, не предусмотрел все обстоятельства, не предпринял всех необходимых мер и т.п. В.О. Лучин верно отмечает, что «только при наличии состава конституционного деликта лицо, его совершившее, может быть привлечено к конституционной ответственности» [19].

В уголовном праве при привлечении лица к уголовной ответственности действует презумпция невиновности. Лицо предполагается невиновным до тех пор, пока не будет доказано обратное. Вина обвиняемого доказывается государственным органом, сам же он освобождается от необходимости доказывать свою невиновность. В гражданском праве действует другая презумпция – виновности причинителя вреда: лицо при наличии объективной

стороны правонарушения предполагается виновным до тех пор, пока не докажет обратное. Обе презумпции служат средством защиты интересов личности, ее личных и имущественных прав. В первом случае речь идет о личности правонарушителя, во втором – об интересах лица, понесшего ущерб от правонарушения.

Законы будут уважать и соблюдать только тогда, когда они будут соответствовать общечеловеческим принципам гуманизма, справедливости, когда они будут рассчитаны на волевое и осознанное поведение дееспособного субъекта.

Принцип виновности деяния наполняет карательную функцию справедливостью и соразмерностью, так как потенциал карательного воздействия зависит от степени и характера вины [20].

Данный принцип предписывает, что юридическая ответственность должна осуществляться только в отношении тех лиц, в чьих действиях имеется вина. Это требование, касающееся применения ответственности, обращено к правоприменителю. Однако принцип виновности деяния влияет и на деятельность законодателя. Это выражается в том, что в правовых нормах, предусматривающих юридическую ответственность, должны закрепляться составы правонарушений, обязательным признаком которых является вина.

Итак, принципы юридической ответственности – это отправные идеи, закрепленные в действующем

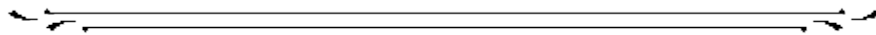
законодательстве, характеризующие сущность и содержание юридической ответственности и определяющие ее законодательное развитие и практику применения. Принципы юридической ответственности взаимосвязаны друг с другом и взаимозависимы. Они обладают свойствами официальности, обязательности и в императивной форме предписывают законодателю, правоприменителю, субъекту юридической ответственности определенный вариант поведения. В них в сжатой форме отражена сущность юридической ответственности.

Принципы определяют качественное функционирование юридической ответственности. В демократическом правовом государстве цель, задачи и функции не могут не соответствовать принципам юридической ответственности. Такое противоречие приводит к негативным последствиям, таким, например, как распространение правового нигилизма в обществе, неуважение и несоблюдение требований законодательных актов, снижение авторитета государственной власти и правоохранительных органов и т.д. Связь между принципами юридической ответственности, с одной стороны, и целью, задачами и функциями - с другой, в демократическом правовом государстве носит взаимосвязанный и двусторонний характер. Принципы систематизируют и упорядочивают функционирование института юридической ответственности

ЛИТЕРАТУРА

1. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР. – Воронеж, 1970. – С. 141.
2. Мельникова Ю.Б. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания. – Красноярск, 1989. – С. 73.
3. Гордиенко А.А. Сущность советского права и его роль в социалистическом обществе. – Ташкент, 1967. – С. 50.
4. Явич Л.С. Сущность права. - Л., 1985. – С. 111.
5. Байтин М.И. Сущность права. – Саратов, 2001. – С. 121.
6. Галаган И.А. Указ. соч.

7. Чураков А.Н. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Волгоград, 2000. – С. 12.
8. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: дис. канд. юрид. наук. – Самара, 2001. – С. 52.
9. Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. - Тольятти, 2000; Зиновьева М.Ю. Специально-юридические гарантии законности в условиях формирования правового государства: автореф. дис...канд. юрид. наук. – Саратов, 1999.
10. Ломакина В.Ф., Хаманева Н.Ю. Юридическая ответственность государственных служащих: правовое регулирование дисциплинарной ответственности// Государство и право.-2008.- №9.-С. 27.
11. Кони А.Ф. Собр. соч. - М., 1968.
12. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – С. 17.
13. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 1987. – С. 40-71.
14. Иванов А.А. Принцип индивидуализации юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.
15. Малаш Т.А. Принцип неотвратимости юридической ответственности. – Волгоград, 1998. – С. 25.
16. Проблемы общей теории государства и права: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М., 2002. – С. 498.
17. Позняков П.Н. Об ответственности субъектов публичной власти. //Вестник ВУиТ. Вып. 22. – Тольятти, 2002. – С. 13.
18. Позняков П.Н. Там же. С. 14.
19. Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. – 2000. - № 1. – С. 14.
20. Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: дис. ... док. юрид. наук. – Самара, 2004. – С. 144.

С.С. Курникова

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры права и экономики
ЮПФ КЮИ МВД России

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИСПОЛНИТЕЛЬНО-
РАСПОРЯДИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного нормативно-правового регулирования ответственности органов местного самоуправления. Отмечается возрастающая роль органов государственной власти в оценке деятельности органов местного самоуправления.

Согласно ст. 15 Конституции РФ органы и должностные лица местного самоуправления обязаны соблюдать Конституцию и законы. На этот счет существует и постановление Конституционного Суда РФ, который устанавливает, что для того чтобы обеспечить реализацию конституционных положений, а также защитить права граждан от возможных злоупотреблений своими полномочиями со стороны органов и должностных лиц местного самоуправления, федеральный законодатель вправе предусмотреть адекватные меры ответственности, в том числе досрочное прекращение полномочий органов и выборных должностных лиц местного самоуправления [1].

В настоящее время существуют различные мнения ученых относительно формулировки определения «ответственность органов местного самоуправления».

Так, О.Е. Кутафин, В.И. Фадеев под ответственностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления понимают неблагоприятные правовые последствия за принятые ими противоправные решения, ненадлежащее осуществление задач и функций [2].

Подобное определение дает Е.А. Кольцова, рассматривая ответственность органов местного самоуправления как претерпевание органами местного самоуправления неблагоприятных последствий, предусмотренных санкцией правовой нормы, как результат совершения правонарушения. Она считает, что

говорить об отношениях ответственности можно с момента вступления в силу решения уполномоченного субъекта, устанавливающего факт совершения правонарушения, субъекта ответственности и меры ответственности, то есть с момента, когда лицо признано совершившим правонарушение и в отношении него, вследствие этого, реализованы санкции правовой нормы [3].

По мнению Е.С. Шугриной, ответственность- это реагирование государства в лице должностных лиц или органов на правонарушение и обязанность правонарушителя претерпевать неблагоприятные последствия [4].

Почти во всех определениях ответственность органов местного самоуправления (в том числе исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления) отождествляют с применением определенных санкций за невыполнение органами местного самоуправления и их должностных лиц своих юридических обязанностей. Ответственность исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления также связана с оценкой государством совершенного правонарушения и выражает всегда осуждение самого деяния и лица, которое его совершило. Ответственность неразрывно связана с государством, нормами права, обязанностью и противоправным поведением граждан и их объединений [5]. Издавая нормы права, государство определяет ответственность исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления независимо от их

воли и желания, которая носит государственно-принудительный характер.

Ответственность органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, а также контроль за их деятельностью служат обеспечению функционирования местного самоуправления в интересах населения, граждан, общества в целом, а также защите интересов государства, населения, граждан, предприятий, учреждений и организаций, расположенных на территории муниципального образования, независимо от организационно-правовых форм собственности [6].

Ответственность также рассматривают в позитивном (перспективном) и негативном (ретроспективном) аспектах. В настоящее время ученые-юристы разделились на сторонников только негативной ответственности и на сторонников, которые в ответственность включают как негативный, так и позитивный аспект. По мнению Е.С. Шугриной, позитивная ответственность наступает за будущее поведение, негативная - за уже совершенное [7].

Позитивная ответственность есть осознание и воспроизведение личностью в своем поведении необходимости выполнения долга [8]. Позитивная ответственность представляет собой ответственную деятельность по решению вопросов местного значения, которая реализуется в форме различных отчетов о работе перед избирателями выборных органов и должностных лиц или, например, отчет исполнительного органа перед представительным органом.

Сущность негативной ответственности заключается в применении мер государственного воздействия в случае нарушения правовых предписаний, содержащихся в нормативных актах вышестоящего уровня [9]. Р.Л. Хачатуров, Р.Г. Ягутян считают, что негативная ответственность это временное явление, поскольку возникает в связи с нарушением требований социальных норм [10]. Основанием негативной ответственности является правонарушение, наличие которого в некоторых случаях должно

быть подтверждено юрисдикционным органом.

Федеральный закон 2003г. № 131, в ст.70 установил ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления перед:

- населением (в результате утраты его доверия);
- государством (в случае нарушения ими Конституции РФ, конституции, устава субъекта РФ, федеральных законов, законов субъекта Федерации, устава муниципального образования, а также в случае ненадлежащего осуществления органами и должностными лицами местного самоуправления переданных им отдельных государственных полномочий;
- физическими и юридическими лицами в порядке, установленном действующим законодательством.

Таким образом, федеральное законодательство устанавливает круг субъектов, перед которыми органы местного самоуправления и их должностные лица несут ответственность. К числу таких субъектов относятся население, физические и юридические лица и государство.

Ст. 72 Федерального закона 2003г. № 131 содержит нормы, регулирующие особенности привлечения к ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц перед государством. Закон устанавливает два основания ответственности органов местного самоуправления и их должностных лиц:

- нарушение органами местного самоуправления и их должностными лицами Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, конституции (устава), законов субъекта РФ, устава муниципального образования;
- ненадлежащее осуществление указанными органами и должностными лицами переданных им отдельных государственных полномочий.

Нужно отметить, что данная норма регулирует общие принципы ответственности обязательных органов,

поэтому применяется только к представительным органам, главе муниципального образования и главе администрации. Ответственность органов, которые создаются в соответствии с уставом, должна регулироваться этим уставом муниципального образования.

Федеральное законодательство устанавливает круг субъектов и основания ответственности перед государством, а дальнейшая детализация осуществляется законодательством субъекта РФ.

В качестве меры ответственности к главе муниципального образования и главе администрации применяют отрешение их от должности. Решение об отрешении главы муниципального образования и главы администрации принимается высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, который издает правовой акт об их отрешении.

Согласно ст.74 Федерального закона от 2003 г. № 131 основанием отрешения от должности является:

1) издание указанным должностным лицом местного самоуправления нормативного правового акта, противоречащего Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования, если такие противоречия установлены соответствующим судом, а это должностное лицо в течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда;

2) совершение указанным должностным лицом местного управления действий, в том числе издания им правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности

Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации, нецелевое расходование субвенций из федерального бюджета или бюджета субъекта Российской Федерации, если это установлено соответствующим судом, а указанное должностное лицо не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда.

Правовой акт, издаваемый высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, об отрешении от должности главы муниципального образования или главы местной администрации не может быть принят в течение менее одного месяца со дня вступления в силу последнего решения суда, необходимого для издания указанного акта, и срок его принятия не может превышать шесть месяцев со дня вступления в силу этого решения суда. Хотя в Федеральном законе от 2003 г. № 131 не установлен вид правового акта, но, по всей видимости, он имеет нормативный характер и глава муниципального образования или глава администрации по аналогии с Федеральным законом от 1995 г. отрешается указом или постановлением.

Процедура отрешения от должности, как мы уже отметили, должна совершаться в определенные сроки. Таким образом, главе муниципального образования или главе администрации дается достаточный срок, для того чтобы отменить свой акт и исправить совершенные ошибки. И как нам кажется, вся процедура отрешения от должности становится нереальной, так как она становится возможной лишь в случае нежелания главы муниципального образования или главы местной администрации занимать свою должность, либо открытого противодействие судебным решениям или вследствие противоборства с руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Нельзя не согласиться с мнением Н. М. Конины, который считает, что процедура отрешения главы муниципального

образования или главы местной администрации от должности не производит на них устрашающего воздействия. Издавая даже заведомо противоречащие законодательству акты, глава муниципального образования или глава администрации могут не бояться внезапного привлечения к ответственности, поскольку у них всегда в запасе достаточно времени, чтобы изменить или отменить незаконный акт, при этом большая вероятность того, что на данный незаконный акт не среагируют соответствующие органы прокуратуры, а если среагируют, то не сразу [11].

На наш взгляд, необходимо принять нормы, которые будут устанавливать ответственность глав муниципального образования или глав администрации за издание актов, противоречащих федеральному законодательству и законодательству субъектов Российской Федерации непосредственно не ставя, их в зависимость от того, отменен или нет изданный акт, признанный судом незаконным. Кроме этого, нужно расширить перечень оснований отрешения от должности, например, предусмотреть ее наступление за любые действия (бездействия), которые приводят к негативным последствиям. Думается, такие меры могли бы положительно сказаться на работе глав муниципального образования или глав администрации и они стали бы более ответственно подходить к своим решениям.

Ст. 75 Федерального закона от 2003 г. № 131 устанавливает исчерпывающий перечень оснований временной передачи отдельных полномочий органов местного самоуправления органам государственной власти субъекта Российской Федерации:

1) если в связи со стихийным бедствием, с катастрофой, иной чрезвычайной ситуацией представительный орган муниципального образования и местная администрация отсутствуют и (или) не могут быть сформированы в соответствии с федеральным законодательством;

2) если вследствие решений, действий (бездействия) органов местного

самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих долговых и (или) бюджетных обязательств, определенная в порядке, установленном Бюджетным кодексом РФ, превышающая 30% собственных доходов бюджетов муниципальных образований в отчетном финансовом году, и (или) просроченная задолженность муниципальных образований по исполнению своих бюджетных обязательств, превышающая 40% бюджетных ассигнований в отчетном финансовом году, при условии выполнения бюджетных обязательств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в отношении бюджетов указанных муниципальных образований;

3) если при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам органами местного самоуправления было допущено нецелевое расходование бюджетных средств либо нарушение Конституции РФ, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленные соответствующим судом.

Первое основание не связано с действиями органов местного самоуправления и возникает в силу чрезвычайных обстоятельств. Остальные основания связаны с ненадлежащими действиями органов местного самоуправления. В случае значительной задолженности, предусмотренной в п.2 ч.1 ст. 75 Федерального закона от 2003 г. в соответствующем муниципальном образовании вводится временная финансовая администрация на срок до одного года. Решение об этом принимается по ходатайству высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) и (или) представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования арбитражным судом субъекта РФ.

В соответствии с ч.3 ст. 20 Федерального закона от 2003 г. органы местного самоуправления несут ответственность за осуществление отдельных государственных полномочий в пределах выделенных муниципальным образованиям на эти цели материальных ресурсов и финансовых средств. В случае если при осуществлении отдельных переданных государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам органами местного самоуправления было допущено нецелевое расходование бюджетных средств либо нарушение Конституции РФ, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленные соответствующим судом, в качестве меры ответственности предусматривается возможность временного осуществления отдельных полномочий органов местного самоуправления органами государственной власти субъектов РФ.

Другие меры ответственности могут устанавливаться законодательством субъектов Федерации. Так, Закон Иркутской области «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Иркутской области» [12] устанавливает в качестве санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение государственных полномочий, которые могут быть применены к органам местного самоуправления органами государственной власти, возмещение ущерба органами местного самоуправления, причиненного в результате нецелевого использования объектов областной собственности и переданных финансовых средств (ст. 17). Однако, на наш взгляд, возможность применения государственных органами или должностными лицами мер дисциплинарной ответственности к должностным лицам местного самоуправления является явно неконституционной, так как в соответствии со ст. 12 Конституции РФ органы местного самоуправления не входят в единую систему органов государственной власти

Законодательство некоторых субъектов предусматривает в качестве санкции изъятие из компетенции органов местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Такое положение содержится, например, в ст. 15 Закона Пермской области «О порядке наделения органов местного самоуправления Пермской области отдельными государственными полномочиями» от 14 сентября 1998 г. N 219-22 [13]. Действенность этой санкции представляется сомнительной, учитывая, что отдельные государственные полномочия передаются органам местного самоуправления без их согласия.

В качестве меры ответственности можно отнести расторжение контракта с главой администрации [14]. Ответственность предусмотрена за неисполнение условий контракта. При отсутствии взаимного согласия сторон контракт может быть расторгнут только в судебном порядке. Основанием для расторжения контракта являются заявления представительного органа муниципального образования или главы муниципального образования - в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся решения вопросов местного значения; высшего должностного лица субъекта Российской Федерации - в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Однако интересы главы администрации тоже защищаются. Так, контракт может быть расторгнут в связи с нарушениями условий контракта органами местного самоуправления или органами государственной власти субъекта Российской Федерации.

Так, в ч. 2 ст. 45 Устава муниципального образования г. Казани контракт с Руководителем Исполнительного комитета первого созыва может быть расторгнут по соглашению сторон или в судебном порядке на основании заявления:

1) Городской Думы или Мэра города Казани - в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся решения вопросов местного значения;

2) Президента Республики Татарстан - в связи с нарушением условий контракта в части, касающейся осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления города Казани федеральными законами и законами Республики Татарстан;

3) Руководителя Исполнительного комитета - в связи с нарушениями условий контракта органами местного самоуправления города Казани и (или) органами государственной власти Республики Татарстан.

Ответственность исполнительно-распорядительных органов муниципального образования перед населением и ее должностных лиц наступает в результате утраты доверия населения. Согласно Федеральному закону от 2003 г. № 131 основания, порядок и условия ответственности указанных органов и должностных лиц определяются уставом муниципального образования в соответствии федеральным законом и законом субъекта Федерации. Но, как правило, определяя ответственность исполнительно-распорядительных органов муниципального образования перед населением и их должностных лиц, в уставах делается отсылка к федеральному законодательству. Согласно ст. 62 устава муниципального образования «Зеленодольского муниципального района» органы и должностные лица местного самоуправления района несут ответственность перед жителями района, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.

Ответственность выборных должностных лиц перед населением может наступать в виде отзыва. Н.М. Конин под отзывом понимает специально назначенное уполномоченным на это органом голосование по досрочному прекращению полномочий выборных должностных лиц [15]. Муниципальное

образование с учетом законодательства субъектов РФ определяет процессуальный механизм отзыва данных выборных лиц муниципального образования. Как показывает практика, в некоторых субъектах РФ есть законы, которые регулируют процедуру отзыва выборных должностных лиц (в Томской, Тамбовской, Белгородской, Владимирской, Вологодской области, Алтайском крае и др.). В некоторых субъектах РФ нет законов, регулирующих эту область общественных отношений, нет их и в уставах муниципальных образований. Как нам кажется, на уровне субъектов РФ необходимы законы, которые бы устанавливали основания отзыва выборных должностных лиц; процедуру; условия, при которых процедура отзыва невозможна. Это дало бы возможность муниципальным образованиям делать отсылки к регулирующему данную процедуру закону субъекта РФ, однако при этом муниципальные образования не должны лишаться возможности самостоятельно устанавливать процедуры отзывов.

От имени населения муниципального образования может выступать представительный орган местного самоуправления, избранный непосредственно населением. В данном случае ответственность наступает не перед населением, а перед органом или лицом, которых население уполномочило выражать и защищать свои интересы [16]. Например, ст. 273 Бюджетного кодекса РФ закреплено, что в случае отклонения отчета об исполнении бюджета по мотивам несоответствия, указанных в нем операций с бюджетными средствами правилам, установленным в законе, ином нормативном акте о бюджете на предстоящий год, представительный орган местного самоуправления в соответствии с законодательством субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования вправе привлекать органы местного самоуправления, выборных должностных лиц, ответственных за исполнение бюджета к различным формам ответственности, вплоть до отстранения от

занимаемой должности при удовлетворении вотума недоверия.

Кроме того, институт недоверия в соответствии с уставом муниципального образования, может быть использован в практике представительного органа местного самоуправления для выражения недоверия избранному ими должностному лицу (например, мэру города, если он был избран не населением, а представительным органом из своего состава) [17]. Так, в Уставе города Пскова [18] предусмотрена возможность выражения недоверия должностным лицам администрации города. Группа депутатов городской Думы, насчитывающая не менее одной третьей от установленного числа депутатов городской Думы, вправе вынести на заседание городской Думы мотивированное предложение о выражении недоверия должностным лицам администрации города. Решение о выражении недоверия должностным лицам администрации принимается на сессии городской Думы двумя третьими голосов от установленного числа депутатов городской Думы. Это решение является основанием для их освобождения от занимаемой должности мэром города в порядке.

В Республике Татарстан в соответствии с Законом «О порядке рассмотрения обращений граждан в Республике Татарстан» [19] граждане могут подать жалобы в органы и должностным лицам, на решения и действия (бездействия) органов и должностных лиц, которые непосредственно подчинены им, или в суд.

Порядок обращения граждан в Республике Татарстан регулируются также постановлениями Кабинета Министров РТ. Например, постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 12 апреля 2004 г. № 175 «О работе министерств, ведомств и Аппарата Кабинета Министров Республики Татарстан по исполнению Закона Республики Татарстан «О порядке рассмотрения обращений граждан в Республике Татарстан» в 2003 году» возложена персональная ответственность за организацию приема и рассмотрения обращений граждан на министров и руководителей ведомств Республики Татарстан.

Ответственность исполнительно-распорядительных органов и их должностных лиц перед физическими и юридическими лицами, как правило, вытекает из гражданско-правовых отношений и регулируется Гражданским кодексом РФ.

Основанием данной ответственности являются действия этих субъектов, нарушающие права и свободы граждан, причиняющие имущественный ущерб и иной ущерб физическим и юридическим лицам [20]. Ответственность в этом случае наступает в судебном порядке. Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод. Решения и действия (бездействие) органов и должностных лиц местной администрации могут быть обжалованы в суде. Порядок обжалования в суде действий и решений, нарушающих права и свободы граждан, закреплен в Законе от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» [21].

Можно выделить три наиболее важных случая наступления такой

ответственности органов местного самоуправления.

1. Это принятие исполнительно-распорядительными органами местного самоуправления и их должностными лицами местного незаконных правовых актов, нарушающих права и свободы граждан. Такие правовые акты могут быть обжалованы любым гражданином, который считает, что его права были нарушены. Порядок обжалования регулируется гл. 24 и 25 ГПК РФ и Законом РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан».

В суде могут быть обжалованы как нормативные акты, так и акты индивидуального характера. С жалобой на действия (решения), нарушающие его права и свободы гражданин может обратиться либо непосредственно в суд, либо к вышестоящему в порядке подчиненности государственному органу, органу местного самоуправления, учреждению, предприятию или объединению, общественному объединению, должностному лицу, государственному служащему. При этом гражданину предоставляется право выбора, в какой суд обратиться: по месту своего жительства или по месту нахождения органа местного самоуправления.

Суд устанавливает обоснованность жалобы, признает обжалуемое действие (решение) незаконным, обязывает удовлетворить требование гражданина, отменяет примененные к нему меры ответственности либо иным путем восстанавливает его нарушенные права и свободы.

В практике еще очень мало судебных дел, связанных с обжалованием актов и действий исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления и их должностных лиц. Это связано с недостаточной осведомленностью граждан о возможности судебной защиты нарушенных прав. Мы предлагаем в законах субъектов РФ обязать органы местного самоуправления и их должностных лиц информировать

население о судебных решениях о признании актов, принятых этими органами незаконными.

2. Исполнительно-распорядительные органы и их должностные лица местного самоуправления несут ответственность, если своими противоправными действиями они причинили имущественный или иной (например, моральный) вред. На них в таком случае ложится обязанность возместить причиненный ущерб.

Возмещение ущерба физическому и юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействий) исполнительно-распорядительными органами и их должностными лицами регулируется ст. 1069 ГК РФ. В ней предусмотрены особенности, отличающие ее от общих правил деликтной ответственности. Они выражаются, во-первых, во властно-административном, т.е. юридически обязательном, одностороннем характере действий органов местного самоуправления, а также их должностных лиц; во-вторых, в том, что причинение вреда вызвано противоправными действиями указанных субъектов [22].

В соответствии со ст. 1069 ГК незаконными признаются действия не любого работника органа местного самоуправления, а лишь его должностных лиц. Понятие должностного лица дано в ст. 285 УК РФ, под ним признаются лица, постоянно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ.

Необходимо обратить внимание, что возмещение вреда производится не за счет самих должностных лиц, чьи действия или бездействие и вызвали, собственно, причинение ущерба, а за счет казны муниципального образования. Это связано с тем, что должностные лица органов

местного самоуправления не являются субъектами гражданского права. В этих случаях должностные лица местного самоуправления несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность [23]. В сфере гражданского оборота при незаконных действиях должностных лиц органов местного самоуправления за причиненные ими убытки несет ответственность орган местного самоуправления (ст.16 ГК), а сам его чиновник может быть привлечен к материальной ответственности на основании ст.122 ТК РФ.

Таким образом, гражданско-правовую ответственность перед физическими и юридическими лицами во всех случаях несут органы местного самоуправления, а должностные лица ответственны перед органами[24].

3. Ответственность может наступить вследствие причинения вреда исполнительно-распорядительными органами и их должностными лицами местного самоуправления не только в сфере властно-административных отношений, а в результате хозяйственной и технической деятельности. Органы местного самоуправления в соответствии со ст. 41 Федерального закона от 2003 г. № 131 являются юридическими лицами. Это значит, что они самостоятельно выступают в гражданском обороте и несут ответственность за совершаемые ими действия.

Ответственность исполнительно-распорядительных и должностных лиц органов местного самоуправления может наступать, например, в результате невыполнения ими условий гражданско-правовых договоров с физическими и юридическими лицами. Ответственность в таком случае наступает в общем порядке (ст. 1064 ГК РФ).

Исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления, являясь юридическими лицами, также несут административную ответственность в случае совершения ими при исполнении служебных обязанностей правонарушений, предусмотренных Кодексом Российской

Федерации об административных правонарушениях [25].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит понятия «юридическое лицо», поэтому при его определении многие научные исследователи руководствуются гражданско-правовой категорией. Однако в административном праве выделяют некоторые свойства юридического лица, которые присущи только субъектам административной ответственности. Л.Л. Попов и Ю.Ю. Колесниченко выделяют такие признаки юридического лица как субъекта административной ответственности: обладание административной правоспособностью; отсутствие возможности осуществлять властно-управленческие функции в отношении не подчиненных им третьих лиц[26].

В Кодексе об административных правонарушениях содержатся конкретные составы правонарушений. Так, например, действия должностных лиц органов местного самоуправления, направленные на незаконное ограничение свободы торговли, то есть недопущение на местные рынки товаров из других регионов Российской Федерации либо запрещение вывоза местных товаров в другие регионы Российской Федерации, влекут наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей. (ст.14.9 КоАП РФ). Хотя нужно отметить, что основание привлечения к ответственности исполнительных органов как юридических лиц несколько иное, так как за некоторые поступки они несут ответственность независимо от вины [27].

В некоторых субъектах Российской Федерации принимаются законы, которые устанавливают административную ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц. Так, например в Ульяновской области был принят Закон «Об административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства Ульяновской области» [28].

В ст. 112, ст.113 Бюджетного кодекса Республики Татарстан [29] содержатся основания

ответственности должностных лиц. Так, должностные лица несут ответственность за недостоверность и неполноту сведений, содержащихся в заключениях и документах, представляемых в Государственный Совет Республики Татарстан для принятия решения по отчету об исполнении бюджета Республики Татарстан. Неисполнение либо ненадлежащее исполнение установленного Бюджетным кодексом РТ порядка составления и рассмотрения проектов бюджетов, утверждения бюджетов, исполнения и контроля за исполнением бюджетов всех уровней бюджетной системы Республики Татарстан признается нарушением бюджетного законодательства. Однако, устанавливая меры ответственности, Закон субъекта делает отсылку к федеральному законодательству.

Уголовная ответственность должностных лиц исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления наступает в случае совершения ими деяний, содержащих все признаки состава преступления и предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации [30]. Перечень этих деяний содержится в главе 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Применительно к должностным лицам исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления данная глава содержит такие составы преступлений, как злоупотребление должностными полномочиями (ст.285); превышение должностных полномочий (ст.286); отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации (ст.287); незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст.289); получение взятки (ст.290); служебный подлог (ст.292); халатность (ст.293). Нужно отметить, что к данному виду ответственности могут привлекаться только должностные лица исполнительно-распорядительного органа

муниципального образования, так как данный вид ответственности носит личный характер.

В соответствии с ч. 1 ст. 448 Уголовно-процессуального кодекса РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении выборного должностного лица органа местного самоуправления либо о его привлечении в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается прокурором субъекта Российской Федерации.

Дисциплинарная ответственность должностных лиц исполнительно-распорядительных органов муниципального образования представляет собой одну из форм принуждения, применяемого уполномоченными лицами к лицам, совершившим дисциплинарное правонарушение, и влекущее неблагоприятные последствия для нарушителя. В отличие от других видов ответственности дисциплинарная ответственность направлена на обеспечение дисциплины в основном в рамках служебного подчинения. Основанием привлечения муниципального служащего исполнительно-распорядительных органов муниципального образования к дисциплинарной ответственности является совершение им должностного проступка.

В Федеральном законе «О муниципальной службе в Российской Федерации» [31] установлено, что за неисполнение или ненадлежащее исполнение муниципальным служащим возложенных на него обязанностей (должностной поступок) на муниципального служащего могут налагаться дисциплинарные взыскания, предусмотренные нормативными правовыми актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации.

Законы субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты обычно предусматривают

возможность применения в отношении муниципальных служащих три вида дисциплинарных взысканий: замечания; выговоры; увольнения, в соответствии со ст. 192 ТК РФ. Некоторые законы субъектов Российской Федерации дополняют этот перечень взысканий. Ст. 26 Закона Республики Татарстан «О муниципальной службе в Республике Татарстан» [32], кроме этих трех видов взысканий, предусматривает временное (но не более чем на один месяц) отстранение от исполнения должностных обязанностей с сохранением денежного содержания.

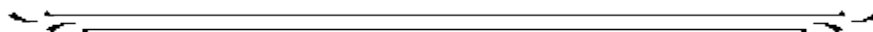
Таким образом, ответственность исполнительно-распорядительного органа

муниципального образования и их должностных лиц может быть классифицирована по разным основаниям. В зависимости от вида юридической ответственности можно выделять уголовную, административную, дисциплинарную, гражданско-правовую, материальную, конституционно-правовую. В зависимости от того перед кем наступает ответственность, – перед гражданами и юридическими лицами (гражданско-правовая), перед населением (конституционно-правовая в форме отзыва) или перед государством (уголовная, административная, конституционно-правовая в форме досрочного прекращения полномочий).

ЛИТЕРАТУРА

1. По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 49 Федерального закона от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 1997 г. № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997.- № 42. - Ст. 4902.
2. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Изд-во Проспект, 2010. – С. 645.
3. Кольцова Е.Г. Юридическая ответственность коллегиальных органов местного самоуправления (вопросы теории и практики): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – С. 7.
4. Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009. – С. 272.
5. Муниципальное право / под ред. проф. Н.М. Конины. – М.: Норма, 2007. – С. 341.
6. Модин Н. Ответственность органов местного самоуправления за неправомерные действия. // Российская юстиция. - №1. – 2000. // www.garant.ru
7. Шугрина Е.С. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб и доп. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2009. – С. 272.
8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. - М., 1997. – С.361.
9. Далабаев А.А. Конституционная ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления в Российской Федерации: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 12.
10. Хачатуров Р.Л., Ягугян Р.Г. Юридическая ответственность. - Тольятти, 1995. – С. 18.
11. Муниципальное право / под ред. проф. Н.М. Конины. – М.: Норма, 2006. – С. 360.
12. О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями Иркутской области: закон Иркутской области от 9 сентября 1998 г. № 42-03// www.garant.ru
13. О порядке наделения органов местного самоуправления Пермской области отдельными государственными полномочиями: закон Пермской области от 14 сентября 1998 г. N 219-22// www.garant.ru
14. Ч.11 ст. 37 Федерального закона от 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
15. Муниципальное право / под ред. проф. Н.М. Конины. – М.: Норма, 2006. – С. 348.
16. Соловьев С.Г. Эволюция механизма муниципально-правовой ответственности глав муниципальных образований // Конституционное и муниципальное право. - №5. – 2005.
17. Борисов А.С. Ответственность местного самоуправления и ее виды. // Государственная власть и местное самоуправление. - 2005.- №2. – С.14.
18. Устав г. Пскова от 6 марта 1997 г. № 132// www.garant.ru
19. О порядке рассмотрения обращений граждан в Республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 12 мая 2003 г. № 16 – ЗРТ// www.garant.ru
20. Моисеенко В.И. Муниципальное право Российской Федерации. – Кемерово, 2004. – С.271.

21. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: закон от 27 апреля 1993 года//Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета РФ. -1993.- № 19. -Ст. 685.
22. Модин Н. Ответственность органов местного самоуправления за неправомерные действия // Российская юстиция. -2000. - № 1.
23. Сивицкий В.А. Регулирование ответственности в сфере местного самоуправления// Конституционные и законодательные основы местного самоуправления в РФ: сборник научных трудов; под ред. А.В.Иванченко. – М., 2004. – С.291.
24. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / рук. авт. кол. и отв. ред. Ю.А. Тихомиров. – С. 224.
25. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях// www.garant.ru
26. Попов. Л.Л., Колесниченко Ю.Ю. Административная ответственность юридических лиц // Административная ответственность.- М., 2001. –С. 43.
27. Муниципальное право / под ред. проф. Н.М. Кониная. – М.: Норма, 2006. – С. 345.
28. Об административной ответственности за нарушение бюджетного законодательства Ульяновской области: закон Ульяновской области от 24 февраля 2005 г. № 014 - ОЗ// www.garant.ru
29. Бюджетный кодекс Республики Татарстан от 29 мая 2004 г. № 35 – ЗРТ// www.garant.ru
30. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. -1996. -№ 25.- Ст. 2954
31. Федеральный закон РФ от 2 марта 2007 года №25-ФЗ// www.garant.ru.
32. О муниципальной службе в Республике Татарстан: закон Республики Татарстан от 17 января 2008 г. № 18 – ЗРТ// www.garant.ru

Р.Х. Галиуллина
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых
дисциплин КЮИ МВД России

РАССМОТРЕНИЕ КОМИССИЕЙ ПО ТРУДОВЫМ СПОРАМ ДЕЛ О НЕЗАКОННО ВЫНЕСЕННЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЯХ

Согласно трудовому законодательству Комиссия по трудовым спорам (КТС) является досудебным органом рассмотрения индивидуальных трудовых споров. Дисциплинарные взыскания (замечания, выговоры) могут быть объектом рассмотрения КТС, если с инициативой как сторона спора выступает работник. В статье рассматриваются особенности рассмотрения подобного рода споров в КТС.

Комиссия по трудовым спорам (далее - КТС) по-прежнему является досудебным органом, разрешающим индивидуальные трудовые споры. Однако порядок ее формирования, компетенция, процедура рассмотрения спора претерпели существенные изменения. В последних публикациях по трудовому праву звучит мнение (в частности В.И. Миронова), что КТС – это тот же третейский суд, только с ограниченной сферой действия [1].

КТС образуется по инициативе работников и (или) работодателя (в том числе и индивидуального предпринимателя)[2], а также представительного органа работников. Это значит, что в случае, если ни одна из сторон не проявила инициативы по созданию КТС, комиссия в организации может отсутствовать. Юридическая ответственность за отсутствие КТС в организации не предусмотрена.

Инициатива должна быть оформлена в письменном виде. Игнорировать инициативу формирования КТС в организации не вправе ни одна из сторон. Работодатель должен назначить своих представителей в КТС, а работники должны на общем собрании (конференции) избрать своих представителей в десятидневный срок [3].

По решению общего собрания работников КТС могут быть образованы и в отдельных структурных подразделениях. Такие комиссии формируются и действуют

на тех же основаниях, что и комиссии по трудовым спорам организации. Порядок образования и работы структурных КТС аналогичен тому, по которому создается и функционирует КТС организации в целом. Однако компетенция КТС структурного подразделения ограничена разрешением индивидуальных трудовых споров в пределах полномочий этих подразделений[4].

Под компетенцией КТС понимается совокупность ее полномочий по принятию подведомственного ей спора: правомочия принимать заявления работников; рассматривать их; выносить решения, имеющие обязательную силу для сторон спора; выдавать удостоверения, имеющие силу исполнительного документа, на принудительное исполнение решения (в случае, если они не выполняются в установленный законом срок добровольно); восстановить пропущенный срок исковой давности в случаях, предусмотренных законом[5].

По наблюдению В.И. Миронова, КТС рассматривает все трудовые споры, за исключением споров, которые отнесены к исключительному ведению федеральных судов[6]. Таким образом, в самом законе компетенция КТС четко не установлена, в отличие от компетенции судов.

Следует отметить, что со вступлением в силу Трудового кодекса от 30 декабря 2001 года (далее - ТК РФ) компетенция КТС несколько изменилась. В соответствии с

требованием ст.391 ТК РФ споры о незаконном переводе работника на другую работу отнесены теперь к исключительной подведомственности суда.

А.И. Ставцева приводит список основных споров, рассматриваемых КТС:

- признание недействительными условий, включенных в содержание трудового договора;

- об оплате труда;

- о правомерности изменения работодателем определенных сторонами условий трудового договора;

- выплата премий, доплата за совмещение профессий (должностей), расширение зоны обслуживания или увеличение объема выполняемых работ, оплата труда за работу в сверхурочное и ночное время и в других случаях, предусмотренных ТК РФ;

- о праве на основной и дополнительный отпуск и их оплате;

- выплата ежемесячных и ежегодных надбавок за выслугу лет при наличии к тому оснований;

- о законности применения дисциплинарных взысканий;

- об установлении неполного рабочего времени и другие споры о рабочем времени и времени отдыха;

- о допуске к работе лиц, незаконно отстраненных от работы (должности) с приостановлением выплаты заработка;

- о предоставлении работнику гарантированных законом, коллективным или трудовым договором льгот и преимуществ[7].

Итак, дисциплинарные взыскания относятся к компетенции КТС. Они также могут быть предметом Федеральной инспекции труда, ее территориального органа, в которую может обратиться работник. Но ее действия носят характер надзора и контроля за применением работодателем трудового законодательства в организации, и ее постановления носят административный характер, а не характер разбирательства.

К дисциплинарным взысканиям ТК РФ относит: 1) замечание, 2) выговор, 3) увольнение по соответствующим основаниям (часть 1 ст. 192 Трудового

кодекса РФ). Споры об увольнении относятся к исключительной компетенции районных судов, следовательно, быть предметом рассмотрения КТС не могут в силу прямого указания в законе.

Есть и другой нюанс компетенции КТС.

Трудовое законодательство не устанавливает досудебную стадию разрешения индивидуального трудового спора, стороной которого является работодатель – физическое лицо, не являющееся индивидуальным предпринимателем, или религиозная организация. Все индивидуальные трудовые споры, возникающие с данной категорией работодателей, подлежат разрешению непосредственно в суде[8], в том числе и исследуемые нами дисциплинарные взыскания работника.

Право обращения в КТС с соответствующим заявлением о разрешении индивидуального трудового спора принадлежит только работнику. Работодатель не вправе обратиться в КТС с заявлением о разрешении трудового спора. Трудовой кодекс не содержит норм, регламентирующих право КТС на вынесение решения об отказе в принятии заявления в случае, если разрешение спора не относится к ее компетенции. Однако, исходя из общего смысла ст.385 ТК РФ, комиссия обязана отказать работнику в разрешении спора по существу, если законодательством установлен иной порядок рассмотрения спора, разъяснив ему порядок его разрешения.

Трудовым законодательством определены сроки обращения в КТС за защитой нарушенного трудового права или законного интереса. Они по существу являются «исковыми», или «давностными», сроками. В соответствии с ч.1 ст.386 ТК РФ установлен 3-месячный срок для обращения работника в КТС за восстановлением нарушенного права со дня, когда работник узнал или должен узнать о нарушении своего права, к коим можно отнести и незаконно вынесенные дисциплинарные взыскания (замечание и выговор).

В соответствии с уточненной редакцией ч.2 ст. 392 работодатель имеет право

обратиться в районный суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба[9].

В силу ч.3 ст.14 ТК РФ сроки, исчисляемые месяцами, истекают в соответствующее число последнего месяца, при этом в указанный срок включаются и нерабочие дни. Тем не менее, КТС не вправе отказать работнику и работодателю в принятии заявления о восстановлении нарушенных прав по причине пропуска им срока исковой давности. Приняв заявление, КТС обязана рассмотреть индивидуальный трудовой спор по существу, одновременно разрешив вопрос о возможности восстановления срока исковой давности. Право восстановить пропущенный срок исковой давности принадлежит КТС[10].

Срок исковой давности подлежит восстановлению, если причина пропуска указанного срока является уважительной. Критерии определения понятия «уважительная причина» законом не обозначены. Отсутствует даже приблизительный перечень обстоятельств, наступление которых следовало бы рассматривать в качестве уважительной причины. Это понятие является по своей сущности оценочным.

Форма обращения в КТС законом не определена, следовательно, работник имеет право непосредственно подать заявление в КТС, а также направить заявление по почте или факсу[11]. Следует отметить, что трудовое законодательство не устанавливает жестких требований к заявлению работника, направляемому в КТС.

В части 2 ст.387 ТК РФ установлен срок рассмотрения заявления КТС (10 дней со дня поступления заявления работника в комиссию). Указанный срок исчисляется в календарных днях со дня, следующего за днем подачи заявления. Он является процессуальным сроком и установлен не для работника, а для КТС.

В течение 10 дней КТС необходимо провести работу по рассмотрению спора: истребовать у руководителя организации

необходимые для разрешения спора документы, решить вопрос о целесообразности участия в заседании КТС свидетелей, взять у них подписку о том, что они уведомлены об ответственности за ложные показания, о привлечении специалистов[12]. Законом не предусмотрена обязанность вызванных лиц явиться на заседание КТС[13]. Тем не менее, в ряде случаев участие специалистов и свидетелей в рассмотрении существа разногласий между участниками спора необходимо. В соответствии с нормами гражданского процессуального законодательства свидетели дают показания (а специалисты – пояснения, разъяснения), за достоверность которых несут уголовную ответственность в установленном порядке. Вместе с тем такая ответственность указанных участников процесса не установлена при рассмотрении индивидуального трудового спора в КТС.

В отличие от КЗоТ РФ ч.4 ст.387 ТК РФ регламентирует обязанность руководителя организации по требованию КТС представить ей документы в установленный срок. По делам о незаконно вынесенных дисциплинарных взысканиях это могут быть следующие документы: докладная записка должностного лица (руководителя структурного подразделения) о факте нарушения трудовой или производственной дисциплины; объяснение работника или акт должностных лиц по факту нарушения производственной дисциплины, составленный в случае отказа работника написать объяснение; приказ руководителя о вынесенном взыскании.

КТС при подготовке своего заседания должна определить круг вопросов, подлежащих выяснению. Комиссия должна исходить из того, что дисциплинарным проступком является противоправное, виновное неисполнение работником его трудовых обязанностей. При этом противоправными признаются такие действия (или бездействия), которые не соответствуют требованиям трудового законодательства. Принятию решения о

привлечении к дисциплинарной ответственности предшествует служебное разбирательство или квалификация нарушения (дисциплинарного проступка). Под квалификацией дисциплинарного проступка понимается установление тождества между обстоятельствами деяния, его содержанием и признаками состава дисциплинарного проступка. В свою очередь, под составом проступка понимается совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих деяние как нарушение трудовых обязанностей.

Одним из важнейших признаков проступка является наличие вины. Государственно-правовая теория и практика в России и других странах исходит из того, что не всякое противоправное деяние следует считать правонарушением, в частности, проступком, а лишь то, которое совершается умышленно или по неосторожности. Взыскания должны применяться в зависимости от вины работника, уважительных или не уважительных причин неправомерного поведения.

Под замечанием понимается осуждение поведения работника в трудовых отношениях, высказывание работодателем в отношении него критики. Выговор представляет собой явно выраженную со стороны представителя работодателя или работодателя - физического лица официальную отрицательную оценку поведения работника, сообщаемую работнику[14].

В части пятой ст. 192 ТК РФ установлено, что при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть совершенного проступка и обстоятельства, при которых он был совершен.

Право выбора дисциплинарного взыскания принадлежит работодателю. При этом он не связан с необходимостью применять взыскания лишь в той последовательности, в какой они указаны в ТК РФ, других федеральных законах, уставах о дисциплине.

Порядок применения дисциплинарных взысканий определен статьей 193 ТК РФ. Работодатель должен затребовать от работника до применения дисциплинарного взыскания письменное объяснение (составляется работником в течение двух рабочих дней, в ином случае составляется акт). Оно необходимо для того, чтобы выяснить все имевшее место обстоятельства совершенного работником дисциплинарного проступка, установить степень вины работника. Если письменное объяснение не истребовано, то примененное к работнику дисциплинарное взыскание считается неправомерным.

Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения проступка, не считая времени болезни работника, пребывания его в отпуске, а также времени, необходимого на учет мнения представительного органа работников. Дисциплинарное взыскание не может быть применено позднее шести месяцев со дня совершения проступка, а по результатам ревизии, проверки финансово-хозяйственной деятельности или аудиторской проверки – не позднее двух лет со дня его совершения. В указанные сроки не включается время производства по уголовному делу (часть третья ст. 193 ТК РФ).

Приказ работодателя о применении дисциплинарного взыскания объявляется работнику под роспись в течение трех рабочих дней со дня его издания, не считая времени отсутствия работника на работе. Если работник отказывается ознакомиться с указанным приказом под роспись, то составляется соответствующий акт.

Таким образом, вынесение дисциплинарных взысканий имеет сложную материальную и процессуальную правовую природу, что нередко приводит к различного рода нарушениям.

КТС должна известить о времени и месте слушания трудового дела заинтересованного работника (его представителя) и работодателя в разумный срок[15]. Форма уведомления о назначении времени и места заседания комиссии может быть различной (в форме

расписки на заявлении; в форме уведомления определенной формы, копия которого должна храниться в трудовом деле работника, аналогичное уведомление должно быть вручено руководителю организации).

Процедура проведения заседания комиссии по трудовым спорам не регламентирована законом. И, тем не менее, для того, чтобы вынести правомочное решение, председательствующий в КТС придерживается определенного регламента (явка членов КТС на заседание; в противном случае любое решение, принятое комиссией, может оказаться незаконным в связи с отсутствием кворума; определение правомочности заседания, если на нем присутствует не менее половины членов КТС, представляющих работников, и не менее половины членов, представляющих работодателя (часть 5 ст.387 Трудового кодекса)[16]; возможность рассмотрения дела в присутствии явившихся). Индивидуальный трудовой спор может быть рассмотрен КТС в отсутствие заинтересованного работника, о чем мы уже сообщали выше. Если на заседании будет установлено, что работник или уполномоченный им представитель вторично не явился на заседание КТС без уважительных причин, КТС вправе вынести решение о снятии данного заявления с рассмотрения, о чем работник (его представитель) должен быть извещен надлежащим образом. Решение о снятии заявления с рассмотрения должно быть принято именно на начальном этапе рассмотрения спора. Такое решение не лишает работника права повторно обратиться в КТС с заявлением о рассмотрении спора в пределах установленного законом срока или обратиться непосредственно в суд, минуя КТС.

Рассмотрение заявления комиссией в отсутствие работника или его представителя возможно только при наличии письменного заявления работника (его представителя).

В случае, когда представитель работодателя изъявил желание участвовать в процессе рассмотрения спора, но не явился на заседание по уважительной причине, о чем своевременно и надлежащим образом известил комиссию, она должна обсудить вопрос об отложении рассмотрения спора в связи с неявкой представителя работодателя.

Отсутствие вызванных на заседание КТС свидетелей и специалистов не является основанием для отложения рассмотрения спора по существу. Однако, если КТС с учетом мнения присутствующих сторон спора признает возможным повторить вызов свидетелей и специалистов на другое заседание, такое решение нельзя считать незаконным. В этом случае вызов сторон свидетелей и специалистов на заседание КТС необходимо повторить.

Аналогичное положение складывается в том случае, если руководитель организации не представил в установленный комиссией срок запрошенные документы, необходимые для рассмотрения спора.

Если комиссия правомочным составом приняла решение о возможности рассмотрения дела в присутствии явившихся сторон, ей необходимо также определить возможность рассмотрения спора по существу с учетом своей компетенции. Для этого председательствующий должен изложить существо спора (предмет разногласий).

В это же время КТС может определить, является ли уважительной причина пропуска работником срока обращения с заявлением за восстановлением нарушенных прав, если заявление подано работником по истечении 3-месячного срока со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Для этого председательствующий обязан доложить дату обращения работника с заявлением в КТС; время нарушения его субъективных прав; время, когда он узнал о нарушении своих прав (или должен был узнать об их нарушении), а также о том, какие обстоятельства послужили препятствием для своевременного обращения в КТС.

От результатов обсуждения данного вопроса и выводов комиссии зависит, будут ли удовлетворены заявленные работником требования. Так, если КТС придет к выводу, что обстоятельства, по которым работник пропустил установленный законом срок, не могут быть признаны уважительными, то, несмотря на наличие оснований для удовлетворения заявленных работником требований, комиссия вправе отказать в восстановлении нарушенных прав по причине пропуска работником установленного для обращения в КТС 3-месячного срока без уважительной причины.

Трудовой кодекс не предусматривает права работника заявлять отвод членам комиссии. Это обусловлено тем, что заявление отвода – это право участников судебного процесса, предусмотренное правилами гражданского процессуального законодательства. В случае, если работник обратится в комиссию с заявлением об отводе тому или иному члену КТС, ему должно быть отказано в рассмотрении такого заявления и разъяснено, что заявление отвода в процессе досудебного разбирательства индивидуального трудового спора не предусмотрено нормами трудового законодательства[17].

После подготовительного этапа заседания комиссия по трудовым спорам переходит к следующему этапу – разрешению индивидуального трудового спора по существу. Как правило, о требованиях работника, а также о существе спора докладывает председательствующий, одновременно сообщив о том, какие документы по данному делу собраны. После этого следует выслушать требования самого работника, его доводы и соображения, а также возражения представителя работодателя. Очередность изложения своих доводов сторонами, дачи ими пояснений по существу спора определяет председательствующий.

После заслушивания участников заседания следует перейти к изучению письменных материалов дела. В нем, помимо членов КТС, имеют право

принимать активное участие работник (его представитель) и представитель работодателя. Они вправе задавать вопросы по существу положений, содержащихся в письменных материалах дела, давать по ним соответствующие пояснения, возражать против тех или иных доводов, изложенных участниками процесса.

В соответствии с ч.6 ст.387 ТК РФ на каждом заседании комиссии по трудовым спорам ведется протокол, который подписывается председателем или его заместителем и заверяется печатью. Требования к его форме ТК РФ не установлены. Тем не менее, в протоколе целесообразно отразить весь ход проводимого заседания: доводы и соображения сторон спора, показания свидетелей, мнение специалистов.

В трудовом деле по рассмотрению индивидуального трудового спора к протоколу заседания КТС должны быть приложены следующие документы:

- бюллетени для тайного голосования;
- протокол работы счетной комиссии.

После изучения обстоятельств дела комиссия по трудовым спорам переходит к заключительному этапу – вынесению решения.

Принятие решения по существу и порядок принятия решения имеют большое правовое значение.

Во-первых, КТС при установлении нарушений, допущенных работодателем, может признать применение дисциплинарного наказания неправомерным. Если не будет установлено, что при выборе дисциплинарного взыскания работодатель не учел тяжесть дисциплинарного проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, предшествующее поведение работника, его отношение к труду, то КТС, в которую обратился работник, не вправе заменить наложенное на работника взыскание на другое взыскание, так как применение дисциплинарных взысканий является компетенцией работодателя.

Во-вторых, решение считается принятым, если за него проголосовало

более половины присутствующих членов комиссии. При этом не имеет значения, представители какой стороны (работников или работодателя) оказались в большинстве, чью сторону поддержал председатель КТС.

В том случае, если решение КТС не было принято, работнику необходимо вручить выписку из протокола заседания, подписанную председателем (заместителем председателя) комиссии и заверенную печатью.

В целях достижения максимальной объективности и непредвзятости при вынесении решения законодатель установил форму тайного голосования (ч. 1. ст. 388 ТК РФ). Такая форма предполагает наличие бюллетеней для голосования. Для проведения тайного голосования необходимо избрать счетную комиссию, которая должна выполнить подсчет голосов. Результаты ее работы должны найти свое отражение в протоколе заседания КТС.

Следует обратить внимание, что КТС может проголосовать за конкретное подготовленное решение. Вместе с тем решение комиссии является важным процессуальным документом, поэтому закон предъявляет к нему довольно жесткие требования (ч. 2. ст. 388 ТК РФ). Решение готовится в письменной форме.

Подготовленный проект решения обсуждается всеми членами КТС. Окончательно доработанный вариант проекта решения ставится на голосование. Решение КТС является обязательным для исполнения сторонами, поэтому оно должно содержать четкие, юридически правильные формулировки, чтобы избежать затруднений в его исполнении[18].

В соответствии с ч.3 ст.388 ТК РФ надлежаще заверенные копии решения КТС в течение трех дней со дня его принятия вручаются работнику и работодателю. Закон не конкретизирует порядок исчисления этого срока, не оговаривая, например, что в течение трех рабочих дней должно быть выполнено установленное требование.

Итак, подведем итоги исследования.

КТС создается по инициативе работников (представительного органа) и (или) работодателя (организации и индивидуального предпринимателя) из равного количества представителей. Это значит, что в случае, если ни одна из сторон не проявила инициативы по созданию КТС, комиссия в организации может отсутствовать. Юридическая ответственность за отсутствие КТС в организации не предусмотрена. Не могут создавать КТС работодатели – физические лица или религиозные организации. В КТС рассматриваются на предмет их законного вынесения такие дисциплинарные взыскания, как замечание и выговор, увольнение – компетенция судов. Если срок исковой давности в КТС, в том числе и по незаконно вынесенным дисциплинарным взысканиям, – 3 месяца, то в районном суде срок исковой давности по делам об увольнении – 1 месяц. Считаю, что подобное отличие в сроках обращения является прямым нарушением прав работника, а потому, поскольку речь идет о нарушении дисциплины как материальном предмете спора, необходимо установить единый срок исковой давности – 3 месяца, в том числе и по делам о незаконном увольнении работника.

Рассмотрение индивидуальных трудовых споров в КТС, в том числе и по дисциплинарным взысканиям, имеет ряд преимуществ. Для работника первое преимущество связано с исключительным правом обращения в КТС с заявлением о разрешении спора с удобными сроками исковыми (3 месяца) и процессуальными сроками рассмотрения заявления по существу (10 дней) и сроками обжалования (10 дней). Второе - связано с возможностью решения спора «миром». Для работодателя главное преимущество состоит в том, что деятельность КТС не попадает под сферу надзора и контроля органов Федеральной инспекции труда и прокуратуры (решение КТС может быть объектом проверки прокуратуры – часть 1 ст. 391 Трудового кодекса).

Заметим, что решение КТС не является окончательным: и работник, и работодатель могут обратиться в суд,

чтобы повторно рассмотреть существо
дело. В данном случае решение КТС не
обжалуется, а рассматривается как

доказательство по делу, рассматриваемому
заново в районном суде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миронов В.И. Увольнения, сокращения, переводы, новые трудовые договоры, заработная плата: трудовые споры в условиях кризиса // Трудовое право. – 2009. - №5. – С. 7.
2. В.Р. Захарьин считает «единственным существенным изменением» ст. 387 ТК РФ в редакции Федерального закона от 30 июня 2006 года № 90-ФЗ «Порядок рассмотрения индивидуального трудового спора в комиссии по трудовым спорам» распространение действия норм о порядке рассмотрения индивидуальных трудовых споров КТС на индивидуальных предпринимателей. См.: Захарьин В.Р. Комментарий к изменениям в Трудовом кодексе Российской Федерации: для работодателей и работников. – М.: Юнорус, 2007. – С.110.
3. Там же. -С. 8.
4. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. - М.: Проспект, 2007. – С.564.
5. Костян И.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров // Справочник кадровика. - 2001. - № 2. – С.12.
6. Миронов В.И. Практическое пособие по урегулированию трудовых разногласий, споров, конфликтов // Трудовое право. – 2008. - №4. – С. 9.
7. Ставцева А.И. Рассмотрение индивидуальных трудовых споров// Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю.П. Орловский. – М., 2002. - С.792-793.
8. См.: Захарьин В.Р. Комментарий к изменениям в Трудовом кодексе Российской Федерации: для работодателей и работников. – С.111-112.
9. Индивидуальные и коллективные споры: новое в законодательстве/ [Гл. ред. В. Павленко] // Труд и право. – 2007. - №2. – С. 27.
10. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. - М.: Проспект, 2007. – С.565.
11. Костян И.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров // Справочник кадровика. - 2001. № 2. – С.20.
12. Костян И.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров. – С.15.
13. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. – С.566.
14. Дубровин А.В. Дисциплинарная ответственность в трудовых отношениях как вид юридической ответственности // Трудовое право. – 2008. - №8. – С.96.
15. Костян И.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров. – С.16.
16. Там же. С.18.
17. Там же. С.17.
18. Комментарий к Трудовому кодексу РФ / под ред. К.Н. Гусова. – С.567.

Е.А. Белов

кандидат социологических наук, доцент
доцент кафедры административного права, административной
деятельности и управления ОВД КЮИ МВД России

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В статье раскрывается внутренняя структура теневой занятости населения, дан социально-экономический анализ этого феномена. Предлагаются результаты социологического исследования, выполненного автором.

Понятие неформальной занятости населения является чрезвычайно сложным и неоднозначным. При этом анализ последних публикаций, посвященных данному вопросу, указывает на частое использование терминов «неформальный» и «теневой» в качестве синонимов. В то же время ряд авторов различают эти понятия по количественному признаку. Так, под неформальную занятость подпадает незарегистрированная самозанятость, занятость на мелких предприятиях (численность работников до 10 человек) и занятость в рамках домашних хозяйств, а под теневую занятость - на средних (численность работников от 50 человек) и крупных предприятиях. В отдельных публикациях неформальная занятость выступает в качестве дополнения к понятию теневой занятости.

В рамках выполненного исследования нами было предложено свое определение понятий неформальной и теневой занятости [1]. Исходя из самого процесса занятости, в нем можно выделить следующие составные элементы: производитель (субъект деятельности); сама деятельность; орудия производства (оборудование, инструменты, приспособления и т.п.); продукт труда (товар или услуга); потребитель.

Соответственно под неформальной занятостью мы будем понимать деятельность, в которой нелегальным является только первый элемент. Теневая занятость подразумевает не только нелегальность субъекта деятельности, но и нелегальность

иных компонентов. При этом возможна ситуация, в которой производитель является легальным, а сама деятельность и (или) орудия производства, продукт труда, потребитель – нелегальными. Понятие теневой занятости имеет свою специфику, и при его использовании желательно отмечать элементы нелегальности.

В то же время должное внимание необходимо уделить объемам производства. Так, если речь идет о деятельности в сфере малого и среднего предпринимательства, то при отсутствии регистрации субъекта деятельности она является неформальной, в то время как деятельность аналогичного субъекта на крупном предприятии будет теневой.

Таким образом, теневая занятость включает в себя всю нелегальную деятельность, а неформальная занятость является ее составляющей. Криминальная занятость так же является сегментом теневой занятости населения. При этом отличительным фактом является то, что она по всем позициям: производитель, деятельность, орудия производства, продукт труда – незаконна. Так, А. Нестеров и А. Вакурин в это понятие включают деяния в экономической сфере, подпадающие под определенные статьи законодательства, то есть экономические преступления, организованную преступность, коррупцию, лоббирование выгодных преступному миру законопроектов и т.п. [4].

Вопрос, касающийся раскрытия самой проблемы изучаемого феномена, достаточно сложен. Если под проблемой

понимать несоответствие между тем, что есть, и тем, что должно быть [5], то для многих проблема теневого рынка труда отсутствует. При этом нелегитимные отношения на различных уровнях рассматриваются как способствующие функционированию общественных институтов. Неформальные экономические отношения рассматриваются как вполне естественные и зачастую даже не рефлексированы их участниками. В то же время даже на интуитивном уровне мы понимаем, что неформальные отношения размывают устои государственности. Прежде всего, это обусловлено тем, что «государство существует там, где есть политический аппарат, управляющий определенной территорией, чья власть опирается на законодательную систему...» [3]. Несомненно, что кроме несоответствия законодательству, теневой рынок труда вступает в конфликт с социальной, экономической, моральной подсистемами общественных отношений, лежащих в основе государственного устройства. Таким образом, проблема недополучения государством разнообразных ресурсов (материальные средства, полезные ископаемые, власть и т.п.) является ключевой в нашей работе.

Неформальный сектор является неотъемлемым атрибутом любой рыночной экономики. При этом в развитых странах его удельный вес невелик, а слабо развитые экономические условия создают предпосылки для занятости в неформальном секторе экономики значительного числа работников. Переходные экономики в целом занимают по доле занятых в неформальном секторе промежуточное положение. Неформальный сектор, как правило, крайне неоднороден по своему составу и выполняет различные функции, среди которых обеспечение простого выживания людей (уличная торговля), с одной стороны, и развитие предпринимательства, с другой.

Для значительной части молодежи, пенсионеров, женщин единственно возможной представляется работа на

теневом рынке труда. При этом данная занятость выгодна как для работодателя (нет необходимости для предоставления дополнительных льгот), так и для данных социальных групп (более высокая заработная плата, чем на государственных предприятиях, возможность выбрать удобный режим работы и т.п.).

В масштабах государства наличие неформальной занятости может быть рассмотрено как позитивное явление, т.к. снижается степень агрессии и возможность разрушения социальной среды занятыми в неформальном секторе экономики. Теневая занятость выступает в качестве своеобразной буферной зоны.

Вместе с тем в неформальном секторе занятости практически отсутствуют социальные гарантии, государство недополучает в виде налогов значительные средства. Теневая занятость приводит к образованию и воспроизводству параллельных социально-экономических структур, зачастую криминальной ориентации, способных подчинить себе большую часть ресурсов страны и стать серьезной угрозой устоям государственности.

Характерной особенностью российского теневого рынка труда является размывание границ между формальной и неформальной занятостью. С одной стороны, происходит отток занятых из формального сектора в неформальный, с другой – занятость в формальном секторе все больше приобретает такие черты, как массовое сокрытие доходов и несоблюдение трудового законодательства в части социальных гарантий работников. Значительная часть занятых в неформальном секторе поддерживает тесную связь с формальным сектором.

Как показывают результаты исследования, неформальная занятость сконцентрирована в таких сферах, как торговля и ремонт бытовых изделий, строительство и ремонт жилья. Прежде всего, это обусловлено тем, что данные отрасли являются доминирующими по численности занятых в экономике. Помимо этого в данных отраслях большой объем работы приходится на специалистов средней и

низкой квалификации, которые в наибольшей степени задействованы на неформальном рынке труда [2].

В частном секторе неформально занятые трудятся преимущественно на предприятиях с численностью работников менее 20 человек. Причем при увеличении численности работающих на предприятии сокращается доля тех работников, с которыми не заключаются трудовые договоры. Характерным является тот факт, что ключевой сферой неформальной занятости является торговля. При этом особое внимание следует уделить ее рыночному сегменту. Городские вещевые и продуктовые потребительские рынки представляют собой крупнейшую составляющую современной неформальной экономики везде в мире, являясь средоточием не только юридически не оформленных отношений найма, но и местами концентрации нелегальных мигрантов и теневого предпринимательства.

Несколько отличается распределение работников по сферам деятельности среди вторично неформально занятых. Исходя из результатов исследования, основная часть лиц, имеющих дополнительную незарегистрированную занятость, трудятся в сфере строительства. На втором месте стоит торговля. В то же время при анализе первичной неформальной занятости мы наблюдали обратную картину. Возможно, это говорит о том, что в торговле приоритет отдается постоянному работнику, пусть и неформально занятому, в то время как в строительстве выгодно привлекать разовых работников.

Основное количество неформально занятых (более 40%) позволяют обеспечить себе средний уровень потребления. Это еще раз подтверждает тот факт, что главной причиной неоформления трудового договора является стремление увеличить свой доход. Кроме того, привлекательность неформального рынка труда для большинства участников заключается в возможности неполной занятости. Более высокий доход и свободный график работы на сегодняшний

день являются основополагающими при выборе работником форм трудоустройства.

Исходя из результатов исследования, получается, что в сфере неформальной занятости работают не из-за безысходности, а в силу ее привлекательности для работника в плане оплаты труда. Зачастую сами работники предпочитают не оформлять трудовые отношения, т.к. это не дает им никакой защищенности и гарантий, а получать более высокое вознаграждение за свой труд.

Порядка 30% активной части населения имеют в качестве дополнительной незарегистрированную занятость. Причем прослеживается достаточно четкая связь между возрастом и наличием занятости не по основному месту работы. Так, если в возрастной группе 45-59 лет доля лиц, имеющих регулярную дополнительную работу, составила 4,5%, то в группе 18-24 года - 15,4%. Что касается лиц, имеющих случайные приработки, то наблюдается аналогичная закономерность.

Дополнительная занятость преимущественно носит неформальный характер. При этом для большинства она является эпизодической или случайной. Так, согласно опросу, более 60% вторично занятых занимаются дополнительной работой время от времени, без оформления трудового договора. Это выгодно работодателю, т.к. позволяет уйти от уплаты ряда налогов. Работник, в свою очередь, приобретает возможность более полного удовлетворения своих потребностей, т.к. зарплата по основному месту работы не позволяет этого сделать.

В среднем загруженность вторично занятых на неформальном рынке труда составляет 2-4 часа в сутки. Причем одна треть из них работают не более двух дней в неделю. Данная продолжительность занятости наиболее характерна для возрастной группы 25-34 года. В то же время треть представителей возрастной группы 18-24 года дополнительно заняты на неформальном рынке труда пять дней и более.

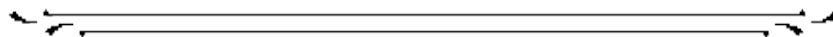
Основная работа стала утрачивать свои приоритеты с точки зрения приложения основных затрат труда и получения базового дохода, большая часть тех, кто был занят на основной работе в государственном секторе и имел дополнительную работу, отдавал последней свыше 28 часов в неделю. Наряду со вторичной занятостью достаточно большое количество граждан нашло применение своему труду в сфере самозанятости. Основное их количество работают в сфере услуг, причем большая их часть являются неформально занятыми.

В рамках выполненного исследования мы рассмотрели отдельные аспекты неформальной занятости населения. Считаем, что полученные результаты

позволят более конструктивно оценить этот феномен. Отчасти, сужение неформального рынка труда, снижение значимости неформальной занятости, как для индивида, так и для государства, позволит осуществить профилактику криминализации современного общества. Неоднократно заявлялось, что на профилактику того или иного социально-опасного явления требуется средств гораздо меньше, нежели на решение уже сформировавшейся проблемы. Соответственно целесообразно акцентировать внимание на выработке программ по переводу различных форм неформальной занятости в формальную. Это позволит предотвратить ее переход в сферу криминальной активности граждан.

ЛИТЕРАТУРА

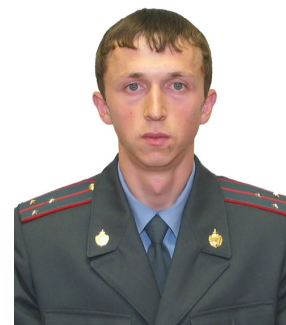
1. Белов Е.А. Рынок труда и отдельные виды занятости: вопросы теории и методологии: монография.- Казань: КЮИ МВД России, 2008.- 135 с.
2. Белов Е.А. Население в сфере теневой занятости: социально-правовой аспект исследования: монография.- Казань: КЮИ МВД России, 2008.- 197 с.
3. Гидденс Э. Социология.- М., 1999.- С. 325.
4. Комлев Ю.Ю., Краснова О.М. Исследование неформальной занятости методом выборочного социологического опроса // Экономический вестник Республики Татарстан.- 2002.- №3.- С. 37-43.
5. Нестеров А., Вакурин А. Криминализация экономики и проблемы безопасности // Вопросы экономики.- 1999.- №1.- С. 33.
6. Олимпиева И. Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования.- СПб.: ЦНСИ, 2003.- С. 7-18.
7. Почему Россия не Америка // Аргументы и факты.- 2009.- №15.- С. 8.
8. «Серый» рынок труда. Динамика изменения: сборник информационно-аналитических материалов.- Казань, 2010.- №3.
9. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология.- М.: Шк. культ. политики, 1997.- С. 306-307.

Р.М. Ахмадуллин

кандидат экономических наук,

преподаватель кафедры административного права, административной
деятельности и управления в ОВД КЮИ МВД России

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

В современной науке в рамках экономики общественного сектора исследуются сущность и формы государственного регулирования экономики, а также способы определения эффективности вмешательства государственных органов в экономические процессы. Особое внимание уделяется влиянию государства на поведение частных фирм и домашних хозяйств, на уровень благосостояния общества и его отдельных индивидов.

Представители неоклассического направления рассматривали неэффективность распределения ресурсов как ситуацию, не соответствующую критерию Парето, и в связи с этим формулировали аргументы необходимости корректирующего воздействия государства, состоящие в:

1) идентификации условия неэффективности рынка и его несовершенства (market failure);

2) определении при этом характера государственного вмешательства и его целесообразности.

В соответствии с подходом, предложенным Ф. Бейтором [1], в качестве основных форм проявления несовершенства рынка в рассматриваемой нами плоскости выделялось два обстоятельства:

1) экстерналии собственности (ownership externality);

2) экстерналии общественных благ (public good externality).

В труде Р. Масгрейва «Теория общественных финансов» [2] были рассмотрены факторы, обуславливающие государственное вмешательство в экономику, а именно:

- размещение (allocation) ресурсов в ситуациях, когда несовершенство рыночного механизма распределения этих ресурсов ведет к неэффективности по Парето;

- распределение (distribution) ресурсов в ситуациях, когда результаты на отдельных рынках оставляют некоторых людей с неприемлемо низкой долей доходов от продукта экономики в целом;

- стабилизация рыночного равновесия, когда в результате действий на частных рынках некоторые ресурсы недо- или перепроизводятся, причем издержки могут ложиться на третьих лиц, а выгоды - потребляться теми, для кого они не предназначены и кем они не оплачиваются (случай экстерналий).

Определение форм и масштабов государственного вмешательства для преодоления неэффективности рынка исходит из понимания характера общественных благ и их принадлежности к той или иной группе в рассмотренной нами классификации.

Эффективность рыночного механизма повышается в случае интернализации экстерналий, порождаемых общественными благами. В этом случае исключается возможность для субъектов экономических отношений, не участвующих непосредственно в процессе воспроизводства общественных благ, получать выгоду.

В экономической теории имеется целый ряд моделей, в которых делается попытка предложить механизм для решения проблемы «зайцев». Любой из этих механизмов следует оценивать с точки зрения трех критериев: общественное благо должно предоставляться в Парето-оптимальном объеме, выявление истинных предпочтений должно быть в интересах самих индивидов и, наконец, затраты на предоставление общественного блага должны быть равны совокупным выплатам индивидов на эти цели.

В модели Линдаля индивиды договариваются о расходах на предоставление общественного блага и о доле каждого в этих расходах. В условиях равновесия (его в свою очередь называют равновесием по Линдалю) цены устанавливаются на таких уровнях, что все индивиды предъявляют спрос на одно и то же количество общественного блага, которое и является оптимальным объемом его предоставления. Речь, по сути, идет об имитации действия рыночного механизма, но цены Линдаля (так называемые налоговые цены), конечно же, не являются ценами реального рынка - они представляют собой доли от общей величины налогового сбора на финансирование общественного блага, которую должны внести отдельные индивиды.

Рассмотрим простейший вариант модели Линдаля (рис.1) [3], когда общественное благо потребляется только двумя индивидами. Надо сказать, что сам Линдаль рассматривал не случай двух индивидов, а более близкую к реальной жизни ситуацию: в условиях парламентской демократии действуют две политические партии, представляющие два однородных класса (две однородные группы населения). Необходимое условие достижения равновесия по Линдалю - равная сила партий (индивидов) в процессе переговоров. На рис.1 по оси ординат (Y) отложена общая величина общественных расходов, по оси абсцисс - доля от этой суммы, которую платят индивид А и индивид В.

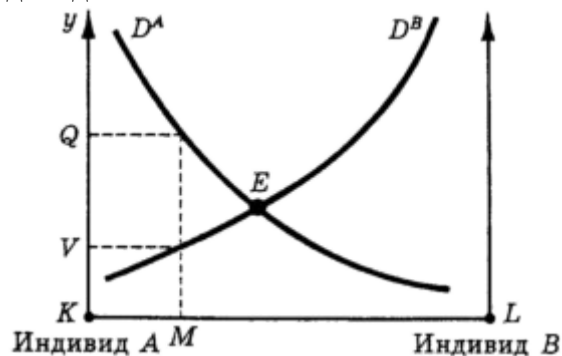

Рис. 1 Модель Линдаля

В точке К индивид А не несет никаких расходов, 100 % необходимой суммы

вносит индивид В. По мере движения к точке L доля индивида А растет, а индивид В пользуется общественным благом бесплатно.

Предположив снижение предельной полезности от потребления общественного блага, построим обычные линии спроса с отрицательным наклоном D^A для индивида А и D^B для индивида В. Точка E, находящаяся на пересечении двух линий спроса, представляет точку равновесия по Линдалю. Именно в этой точке полезность от потребления последней единицы общественного блага равна налоговой цене одновременно для двух индивидов.

Положим, первоначальное распределение долей затрат между индивидами в точке M не соответствует равновесному и уровень общественных расходов, о котором договорились индивиды, равен V. Внося долю KM от общей суммы расходов, индивид А предпочел бы более высокий уровень общественных расходов, а именно Q, но на рост расходов при сохранении существующих долей не согласится индивид В. Более высокий уровень расходов может быть достигнут только при взаимном согласии увеличить долю А и уменьшить долю В. Отметим, что движение может происходить только в сторону равновесия - уровень расходов V в любом случае более предпочтителен для обоих индивидов, чем меньшая величина расходов. В этом смысле равновесие по Линдалю устойчиво.

Модель Линдаля показывает, каким образом добровольный обмен и система цен (в специфической форме налоговых цен) приводят к принятию решений об оптимальном объеме предоставления общественного блага. Свою модель Линдаль формулировал как нормативную, а равновесие называл фискальным оптимумом. Далее он сравнивал реальную политическую систему с моделью, определяя природу и направление отклонений от фискального оптимума.

Следует признать, что модель Линдаля не решает проблему «зайцев». В модели предполагается, что, сталкиваясь с определенной налоговой ставкой, индивид выявит свои истинные предпочтения, но

сущность проблемы «зайцев» как раз и состоит в том, что для потребителя может быть выгодно дезинформировать общество о своих предпочтениях. Кроме того, нет никакой гарантии, что даже при соблюдении очень жесткой предпосылки о равной силе индивидов в процессе переговоров переговоры будут продуктивными и стороны придут к какому-то решению.

Модель Линдаля была предложена в 1919 г., а ее значение для экономики благосостояния было показано более чем через 40 лет после формулировки самой модели, когда было доказано, что равновесие Линдаля является эффективным по Парето. В современной формулировке равновесие Линдаля играет ту же роль при рассмотрении экономики с общественными благами, внешними эффектами и правительственным вмешательством, какую играет равновесие Вальраса при изучении экономики, в которой эти факторы отсутствуют. С оптимумом Линдаля сопоставляется, например, кто и сколько платит налогов. В то же время модель Линдаля уже не имеет того значения при изучении реальных политических систем и процессов принятия решений, которое предполагалось ее автором. Это предопределило необходимость построения альтернативных моделей, среди которых, на наш взгляд, наибольший интерес вызывает модель Кларка.

Налог Кларка представляет собой попытку построения механизма, который делает поведение «зайца» невыгодным и заставляет индивидов выявлять истинные предпочтения [4]. Однако и в этом случае возникает ряд проблем, а именно:

1. Индивиды в ходе голосования могут формировать коалиции, что будет препятствовать или даже сделает невозможным выявление истинных предпочтений. Более того, мы опирались на предположение о желании всех индивидов принять участие в голосовании. Однако при наличии большого числа голосующих часть индивидов сочтет, что их личные выгоды от участия в голосовании несоизмеримы с затратами на

участие в нем (например, на получение подробной информации об альтернативах и т. п.), и вообще откажется голосовать (более подробно о процедурах голосования, влиянии коалиций на его результаты, а также о «рациональном неведении»).

2. Предположение, что решения относительно потребления частных и общественных благ можно рассматривать как независимые, не соблюдается на практике.

3. Нет никаких гарантий, что индивиды имеют материальную возможность заплатить налог Кларка, если он будет на них возложен.

4. И, наконец, главный, как теоретический, так и практический, аргумент против использования налога Кларка. Выше были сформулированы три критерия, которым должны отвечать механизмы решения проблемы «зайцев». Первым двум из них - общественное благо должно предоставляться в Парето-эффективном объеме и выявление истинных предпочтений должно быть в интересах самих индивидов - схема действия налога Кларка соответствует (если, конечно, не принимать во внимание три предыдущих пункта). Но налог Кларка не согласуется с критерием сбалансированности расходов на общественное благо с уровнем налоговых изъятий. Собственно расходы покрываются за счет подушного налога, равного стоимости предоставления общественного блага, деленной на число жителей. Сборы по налогу Кларка создают бюджетный профицит, причем эти «лишние» деньги нельзя вернуть индивидам - это может привести к изменению их поведения.

Таким образом, и в модели Линдаля, и при взимании налога Кларка общественное благо предоставляется в Парето-эффективном объеме. В ситуации равновесия по Линдалю бюджет сбалансирован (затраты на предоставление общественного блага равны налоговым сборам на эти цели), но индивиды не имеют стимулов к выявлению своих истинных предпочтений. Механизм

действия налога Кларка решает проблему стимулирования, но приводит к постоянному бюджетному профициту. Как в отношении модели Линдаля, так и относительно налога Кларка может быть высказано и много других практических возражений.

Принципиальная невозможность «избавления» от «зайцев» приводит нас к выводу о необходимости вмешательства государства в предоставление и финансирование общественных благ. Принудительный характер налогообложения может быть оправдан выгодой индивидов от потребления общественного блага, которую они не могли бы получить при отсутствии государственного вмешательства.

Рассмотренная нами проблема «бесплатного проезда» имеет непосредственное отношение к чистым локальным и национальным общественным благам (обороне, общегосударственным программам вакцинации населения от болезней, правоохранительным органам, диспетчерской службе авиалиний и т.д.). При этом необходимо отметить, что принудительное налогообложение в целях формирования средств на их производство сочетается с государственными и общественными формами организации предоставления и использования этих благ.

Формы государственного воздействия в целях интернализации внешнего эффекта зависят от объема и интенсивности экстерналии, а также от степени делимости, исключаемости, свободы выбора потребителя, возможности количественного измерения.

При незначительном объеме внешнего эффекта, четком определении прав собственности и небольшой численности субъектов экономических отношений, на который распространяется внешний эффект, непосредственные участники экономической сделки или самоуправляемая общественная организация в состоянии самостоятельно без государственного вмешательства обеспечить его интернализацию.

Исключаемые общественные блага перегружаемого характера (мосты, туннели, шоссейные дороги), являющиеся источником внешнего эффекта, могут стать объектом налогообложения. Мостовые, дорожные и туннельные пошлины в этом случае выполняют функцию цены, так как взимаются с тех субъектов рынка, которые при наличии альтернативы в форме пользования окружной дорогой или бесплатным мостом избирают платную услугу.

При потреблении коллективных (клубных) благ происходит добровольная кооперация денежных средств их участников. В рамках подобных институтов общественного сектора действует механизм общественного принуждения, который позволяет соотнести размер и наличие платы с возможностью потребления данного вида смешанного общественного блага.

Смешанные общественные блага с признаками частного блага, обладающие одновременно значительным внешним эффектом (положительным или отрицательным) подвластны действию рыночного механизма производства, распределения, обмена и потребления. В то же время государство, учитывая указанные особенности, использует налоговые регуляторы (в случае отрицательных экстерналий) или субсидии и дотации (в случае положительных экстерналий) для интернализации внешнего эффекта в цену такого рода благ.

В отношении благ отраслей естественной монополии государство устанавливает временные границы действия (в случае с правом на интеллектуальную собственность), регламентирует объем их эксплуатации (в случае с природными ресурсами) или контролирует процесс ценообразования (в случае с сетевыми благами - с природными ресурсами) или контролирует процесс ценообразования (в случае с сетевыми благами – услугами железнодорожного транспорта, телекоммуникационной связи, коммунальных служб снабжения населения электроэнергией, водой, газом, теплом, предоставления благ

государственными и частными монопольными структурами).

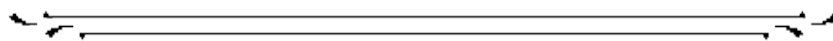
Воспроизводство социально значимых общественных благ смешанного характера (услуг образования, здравоохранения, культуры) связано с невозможностью объективной оценки огромного по масштабам положительного внешнего эффекта и роли отдельного человека в его создании. Это порождает проблему «бесплатного» проезда, которая может быть преодолена путем обязательного налогообложения и государственных институтов принудительного потребления. Однако в отличие от чистых общественных благ особенности благ коллективного пользования смешанного характера создают условия для функционирования не только государственного, но и рыночного начала. Сочетание методов государственного и рыночного регулирования достигается различными путями. Например, государство устанавливает общественно необходимый объем потребления данного блага, как правило, закрепленный в нормативных документах (например, образовательный минимум, закрепленный в Конституции). Негосударственная форма предоставления данных благ может быть использована относительно того объема, который превышает указанный минимальный уровень. При этом в полной мере могут использоваться рыночные механизмы ценообразования. Кроме того,

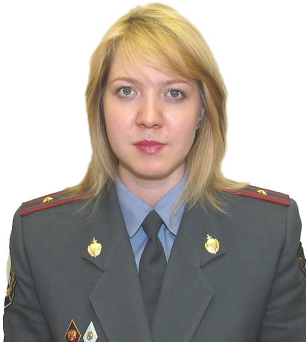
для производства социально значимых благ могут использоваться средства обязательных фондов (например, фонда социального страхования), которые создаются в принудительном порядке через механизм налогообложения. При этом указанные средства предоставляются конкретному субъекту экономических отношений с учетом его вклада в формирование соответствующего фонда, что находит отражение в соответствующих документах (например, страховое свидетельство). Наконец, социально значимые блага смешанного характера могут производиться и на основе контрактации, что подразумевает выполнение некоторых функций государственного сектора частными предприятиями за определенную плату, оговоренную контрактом [5].

Исследование сущности и форм общественных благ позволяет сделать вывод, что государство воспроизводит как исключаемые, так и чистые общественные блага. Тот факт, что смешанные общественные блага возможно (в той или иной степени) обеспечивать как общественным, так и частным образом, позволяет говорить о сотрудничестве государства с рыночными структурами, поскольку предоставление таких благ государством не требует их непосредственного производства при прямом участии правительства или тотального огосударствления экономики [6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Bator F.M. The Anatomy of Market Failure // The Quarterly Journal of Economics. - 1958. - Vol. 72. - August. - № 3. - Pp. 351 - 380.
2. Musgrave R.A. A Brief History of Fiscal Doctrine // Handbook of Public Economics. Ed. by Man J. Auerbach, M. Feldstein. - Amsterdam: Elsevier, 1985. - Vol. 1. - Pp. 1 -59.
3. Lindahl E. Die Gerechtigkeit der Besteuerung. Lund: Gleerup und H. Ohlsson, 1919.
4. Clark P. B. and J.Q. Wilson. Incentive Systems: a Theory of Organizations // Administrative Science Quarterly. -1961. - Vol. 6 (September). - Pp. 129 - 166.
- ⁵ Samuelson P. Foundations of Economic Analysis. Enlarged ed. // Cambridge, Mass.: - Harvard Economic Studies. - Vol. 80. - 1983.
6. Там же.

Л.И. Файзрахманова
преподаватель КЮИ МВД России

КУПЕЧЕСТВО ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX: К ВОПРОСУ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка характеристики некоторых аспектов социокультурного облика вятского купечества: условия развития сословия, его образ и стиль жизни, ценностные ориентации, этические и деловые традиции, отношение к образованию.

В настоящее время все больший интерес исследователей привлекают проблемы, стоящие на стыке различных наук: истории, социологии, экономики, культурологии, психологии и др. К разряду таковых можно отнести рассмотрение социокультурного облика городов [1] и отдельных сословий [2].

В рамках настоящей статьи предпринимается попытка характеристики некоторых аспектов социокультурного облика вятского купечества: условия развития сословия, его образ и стиль жизни, ценностные ориентации, этические и деловые традиции, отношение к образованию.

Историки Поволжья, анализируя условия, оказавшие влияние на развитие купеческого сословия России, и Вятского края, в частности, выделяют две основные группы: объективные и субъективные [3]. Природно-географические, исторические, социально-экономические условия, этнический состав населения - эти объективные факторы обуславливали специфику развития края и влияли на развитие купечества региона. Особенности природно-географической среды (климат, длинные зимы, затяжная весенне-осенняя распутица), сильная государственная власть, жесткая сословная политика, отсутствие стабильных круглогодичных средств связи, крепостничество, патриархальность быта сдерживали развитие экономики в целом и торгово-промышленное развитие Вятско-Камского региона, замедляли процесс формирования самосознания купеческого сословия [4].

По нашему мнению, субъективные факторы играли существенную роль для формирования менталитета и культуры предпринимательства рассматриваемого

периода, добавляя новые черты к портрету вятского купца.

Эту группу составляют религиозный фактор и личностные качества (сила воли, стойкость, самообладание, трудолюбие, расчетливость), тесно увязанные между собой, а также культура предпринимательства (осторожность в ведении предпринимательских дел, деловой опыт и репутация, стандарты делового поведения), уровень образования [5].

Несомненно, фактором, влиявшим на становление российского купечества и формирование традиционной предпринимательской культуры, являлся религиозный фактор [6]. Православная этика способствовала развитию таких качеств, как сострадание к окружающим, трудолюбие, терпение, чем зачастую объяснялась широкая благотворительная деятельность купечества. Неслучайно, одним из ранних видов купеческой благотворительности в России являлось попечение о церкви, выражавшееся в выделении крупных средств на строительство храмов, их ремонт, приобретение необходимых для служб принадлежностей. В Вятской губернии, без преувеличения, ни один храм, ни один монастырь не остался без внимания рассматриваемого сословия [7].

По свидетельству современника, купцы г. Котельнич Вятской губернии всячески помогали церкви: «В настоящее время Николаевская церковь много облагодетельствована своими прихожанами - богатыми купцами, из которых особенной благодарности в этом отношении заслуживают: Михаил Иванович Кардаков, братья Кардаковы, Семен Сергеич Зырин.

Отец братьев Кардаковых...много помог устройству иконостаса в холодном храме и взял на свой счет всю позолоту этого иконостаса, которая при его жизни была только начата, а окончена уже сыновьями его. Позолота иконостаса и сени над престолом...стоит братьям Кардаковым 4000 руб. сер. Иконы для иконостаса, в числе 40, заказаны М.И. Кардаковым за 4000 руб.сер. в Дивьевской обители, в которой, как известно, искусство иконописания стоит на довольно высокой степени. Купцы Зырины, особенно Семен Сергеич, приобрели для всей церкви немало утвари довольно ценной; так в последнее время он пожертвовал еще богатое паникадило, стоящее до 600 руб.сер.» [8].

Купцы довольно часто назначались церковными старостами, в их обязанности входило «попечение» о церкви. Так, Н.В.Смагин, сарапульский 1-й гильдии купец, «служба в Покровской церкви более 15 лет, затратил на внутреннее и внешнее ее переустройство 100 тыс. руб. из собственных средств...» [9].

Религиозные взгляды купечества влияли и на развитие благотворительности и милосердия в социальной сфере: устройство домов призрения, детских приютов, богаделен, больниц, госпиталей на нужды Красного Креста и др. Весомый вклад в этой сфере сделан купеческими династиями края Александровыми, Булычевыми, Ончуковыми, Прозоровыми, Синцовыми, Стахеевыми, Тырышкиными, Ушковыми, Черновым и многими другими. Не отставали от них и купцы-старообрядцы: Зоновы, Лаптевы, Колчины, Курбатовы и др.

Секрет предпринимательского успеха купцов-старообрядцев многие исследователи видят в своеобразной старообрядческой этике, основанной на трудолюбии, целеустремленности, добросовестности, взаимовыручке и взаимопомощи [10]. Старообрядчеством пропагандировалась концепция «труда благого и богоугодного», таким образом, богатство стало признанием их молитвы перед Богом, выражением личной ответственности каждого перед Господом,

это порождало предпринимательскую активность купчества из этой среды [11].

Менталитет купцов-мусульман также имел конфессиональную окраску. Ислам способствовал развитию деловой активности предпринимателей: «Кто зарабатывает деньги, угоден Аллаху», «купец равно блажен в сем мире и в будущем» и характеризовался уважительным отношением к торговле [12]. Купцов-мусульман отличала торговая сноровка, проницательность, бережливость, они не забывали заповеди Корана о помощи ближнему. Все эти качества были характерны для предпринимательской деятельности не-многочисленных купцов-мусульман Вятской губернии [13]: Альмухаметовых, Арслановых, Балтиных, Зайтовых, Массажутовых, Мухамедзяновых, Утямышевых и др.[14].

Низкий уровень предпринимательской культуры в XVIII - первой половине XIX века отмечает Судовиков М.С.[15]. Причину этого он видит в том, что купеческий статус не являлся наследственным, и утрата его влекла за собой лишение всех привилегий, поэтому купцы готовы были использовать любые методы и формы ведения предпринимательских дел, часто забывая о моральной стороне дела. К тому же в этот период для купцов характерно частое банкротство, одной из причин которого, по мнению Обуховой Г.И. являлось то обстоятельство, что купцы рассматривали свою недвижимость (дом, торговые лавки, амбары) только в качестве необходимого для залогов по казенным подрядам и поставкам. Аналогичное отношение было и к ценным бумагам, облигациям, билетам сохранной казны. Помещение денежных средств в банки было довольно редким явлением [16]. И потому в случае финансовой неудачи купцы были обречены на банкротство.

В 50-60 гг. XIX века среди судебных разбирательств о банкротстве все чаще встречаются дела, связанные с неуплатой в срок денежных кредитов, взятых в различных банках. Банкротство купца, по мнению Обуховой Г.И, могло быть также следствием целого ряда неблагоприятных факторов: неурожая хлеба или плохих

погодных условий для уборки урожая в предполагаемом месте закупки; резкого повышения закупочных цен или понижения сбытовых цен; конкуренции со стороны оптовых торговцев, комиссионеров и казенных подрядчиков; транспортных убытков или аварий при перевозке грузов сухопутным или водным путем; отсутствия денежных кредитов; несоблюдения условий контрагентами и т.д. [17].

Хотя в этом Обухова Г.И. видит и положительную сторону: из сословия уходили мелкие купцы, оставались крупные, конкурентоспособные, постепенно осознававшие необходимость занятия не только продажей товаров, но и их производством.

Во второй половине XIX века ситуация меняется: на смену страху потерять статус купца приходит понимание, что «гарантией делового успеха является уже не их сословные привилегии, а собственное доброе имя, деловая репутация, хорошее образование, умение проявлять свои способности» [18].

Для этого периода характерно увеличение количества предприятий, вятские купцы начинают больше внимания уделять совмещению закупки сырья и его переработки, а также самостоятельной реализации продукции, справедливо полагая, что это экономически выгоднее. Представители слободской династии Александровых, владевшие сетью вино-водочных и пиво-медоваренных промышленных производств и оптовых складов, сумели выстроить успешную тактику предпринимательства, с учетом новых тенденций. В частности, производимые на заводах Александровых искусственные минеральные воды, пиво и алкогольная продукция реализовывалась в собственных ресторанах в г.Вятке и Котельниче [19], пивных лавках и трактирных заведениях в г. Ижевске и пос. Воткинске, деревнях и селах Сарапульского уезда [20]. Для успешной предпринимательской деятельности, по их мнению представителей этой династии, необходимо было следить за развитием обрабатывающей промышленности за границей путем литературы, а также личными поездками и команди-

ровками специалистов на местах развития изучаемой отрасли производства» [21].

Получив скромное образование в елабужской городской школе, Петр Капитонович Ушков, владелец химических заводов, дополнил его поездками по России и за границей (Германия, Англия), много общался с выдающимися деятелями своего времени в области науки и техники, в том числе с известным ученым-химиком Д.И.Менделеевым. Многие предприниматели, имевшие производства, вербовали специалистов с других заводов и выписывали из-за границы. Так, на пивоваренном заводе сарапульских купцов Бахтияровых в качестве ответственного пивовара работал немец Фон Деринг Мориц О Марович, 39-летний дворянин из Германии, винокур Степанов М.С был родом из Тамбовской губернии, мастер «очистки вина» Ощепков С.К. и «доверенный при дворах Бахтияровых» Лунегов И.П. из Пермской губернии [22], пивовар Ф.К. Шубберт был приглашен елабужским купцом И.Г. Стахеевым из Австрии [23]. Посылка специалистов для учебы за границу также была нередким явлением.

В мемуарах Александра Александровича Прозорова, племянника 1-й гильдии вятского купца Я.А. Прозорова, содержатся интересные зарисовки повседневной жизни, позволяющие добавить новые штрихи к портрету предпринимателя той эпохи, его мировоззрению, деловой этике. Яков Прозоров, живя в огромном доме, который считали за честь посещать «все лица выдающиеся в городе или приезжие и принадлежащие к высшему служебному миру», устраивал у себя парадные завтраки, обеды и ужины [24]. В один из таких дней Александр застал дядю в кабинете, сидящим за письменным столом. «Вот, ты видел, - сказал Прозоров, - от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик. Вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их работы – реальная польза. А те, в тех комнатах, что гудят и веселятся, – это одна вывеска. Вот смотри: у меня лакей Михайло – франт, в течение дня раз пять

переменяет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторым» [25].

Подобное отношение к своим служащим проявляли многие успешные предприниматели губернии. Н.М. Валеев в своей статье «Династия Стахеевых – милосердие и меценатство» приводит фрагмент воспоминаний Е.К. Платонова, служившего в 1913 году в стахеевском магазине. Приказчики Стахеевых могли брать в лавке или в магазине продукты под запись в специальной книге. «На святочной неделе доверенный Стахеевых подводил итоги, т.е. производил учет товаров, приход-расход и делал выводы. После этого он с ведома хозяев фирмы подзывал задолжавшего служащего и, поблагодарив за хорошую работу, ставил крест на долге, т.е. прощал долг» [26]. В «Волжском Вестнике» имеется заметка, что только три фирмы в г. Елабуге предоставляют приказчикам право отдыха в праздничные дни: «Григория Стахеева сыновья», «Товарищество П.К. Ушкова» и «Ф.П. Гирбасов с сыновьями и К^о» [27]. Аналогичные сведения содержатся в воспоминаниях И. Хохлова, служившего у орловского купца Т.Ф. Булычева, первогильдейского купца, владельца пароходства. «В бухгалтерии работали с 8 до 4-х часов дня, в праздники не работали, а в административном отделе – с 8 до 14 часов и с 18 до 20 часов вечера, в праздники тоже приходили ненадолго. Рождество и Пасху праздновали по 3,5 дня, масленицу – 2 дня, тогда как у других капиталистов таких льгот не было» [28].

Опыт предпринимателей, выработавшийся столетиями, был сконцентрирован в 45 этических нормах, опубликованных в 1881 г. И.Е.Зегимилем в книге «Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом», не потерявших актуальность и по сей день. «Работайте сами то, что вы можете сделать сами, не давайте делать другим. Если же необходимо, чтобы это сделали другие, то, по крайней мере –

наблюдайте за ними. Нанимайте таких служащих, которые безбедно могут существовать на назначенное им вами жалование. Держите всегда данное слово. Относитесь к вашему делу с полным усердием, чем бы вы не занимались. Трезвость и воздержанность. Всякое дело основано на доверии, поэтому вы должны всеми силами снискать себе полное доверие тех, с которыми приходится иметь дело. Главное - честность и добросовестность. Соблюдайте экономию в ваших личных расходах, живите лучше ниже ваших средств, чем выше. Любезность и вежливость. Деловой человек должен быть в высшей степени вежлив...»[29]. Многочисленные исследования подтверждают справедливость и эффективность подобных этических норм.

В воспоминаниях В. Ратькова-Рожнова содержится портрет Якова Алексеевича Прозорова, вятского купца, известного своей широкой благотворительностью. «... Прозоров принадлежал к тем русским самородкам, которые своим здравым умом и практичностью умели и нажить деньги, и главное сохранить их, зная детально хорошо дело, которому себя отдавали. Яков Алексеевич отличался такой твердой памятью, что всегда знал, что делали на местах его приказчики, получая от них срочные сообщения, а также никогда не ошибался в количестве закупленного ими хлеба, прочитавши раз полученные от них сведения, и нередко случалось, что при личных с ними разговорах впоследствии и разноречиях с их стороны без всяких справок с книгами, он тотчас же их поправлял, объясняя, что говорят неладно. И, конечно, у такого распорядителя дела приказчики и другие агенты вряд ли будут злоупотреблять доверием, да и нелегко вообще провести плутнями подобного хозяина...» [30].

Показателен пример бережливости, данный владельцем пароходства Т.Ф. Булычевым своему слуге при растопке печи: «хозяин учил меня не трать зря спички, а разжигать от свечки»[31]. При этом жертвовал дома, приусадебные участки и капитал Вятскому благотворительному обществу, в том числе для

открытия и содержания приюта для сирот-младенцев.

Интересны многочисленные факты, свидетельствующие о том, что собственных детей купцы приобщали к делам с раннего детства. Так, из писем сарапульчанки Елизаветы Ехлаковой, купеческой жены, следует, что сын Коля с семи лет ходил с отцом в лавку, а Дмитрий Стахеев с пятнадцати лет самостоятельно вел обширную меновую чайную торговлю с Китаем в Кяхте, сумма торгового оборота доходила до восьмисот тысяч рублей [32]. Двенадцатилетнего Сашу Прозорова отец послал из г. Слободского к дяде в Вятку получить несколько тысяч рублей. «Получив от Алексея Яковлевича пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут десять спустя он просит деньги ему возвратить, я вынул и отдал. Считает деньги – недостача, явление для меня непонятное. Доведа меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты»[33].

Помимо обучения деловым нормам и азам ведения дел, во второй половине XIX-начале XX вятские купцы, за редким исключением, стремились давать своим детям и внукам хорошее образование. В «Книге о числе купцов Вятской губернии на 1905, 1906, 1907 годы» все чаще

встречаются записи об исключении из сословия «за окончанием курса наук в высшем учебном заведении». В одном только Сарапуле в 1905 году по этой причине утратили статус купеческий сын Маклецов Д.П. «за окончанием Курельского политехнического института», купеческий внук Бодалев А., в 1906 году купеческий сын Бодалев И.И. «за получением звания инженер-механик, по окончании Московского технического училища»[34]. Представители купеческой династии Стахеевых осваивали профессии юристов, инженеров, экономистов.

В рамках статьи нами были рассмотрены лишь отдельные черты социокультурного облика вятского купечества. На протяжении второй половины XIX-начала XX века происходило развитие и трансформация образа жизни, мировоззрения, кругозора, деловых качеств и этических норм предпринимательства. Для этого периода характерна активизация вятского купечества в освоении и применении новых направлений деятельности, достижений науки и техники, оптимизации и рационализации производства, забота о достойном образовании собственных детей и служащих. Хотя необходимо заметить, что развитие регионального купеческого сословия заметно сдерживалось объективными и субъективными условиями развития края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухарова Ю.А. Социокультурный облик уездных городов Саратовской губернии в конце XIX-начале XX вв.: автореф. дисс. к.и.н. - Волгоград, 2006; Пюрияйнен Д.М. Население уездного города Сарапула во второй половине XIX-начале XX в.: социокультурный аспект: автореф. дисс. к.и.н. - Ижевск, 2009 и др.
2. Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII-первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. - М., 2002; Кошкиенко Г.Н. Социокультурный облик московского дворянства второй четверти XIX века: автореф. дисс. к.и.н. - М., 2004; Матвеева А.Ф. Крестьянство Тобольской губернии 1775- 1860 гг.: хозяйственный уклад и социокультурный облик: автореф. дисс. к.и.н.- М., 2007 и др.
3. Гончаренко Л.Н. Формирование условий для предпринимательской деятельности в Поволжье во второй половине XIX в. Предпринимательство Поволжья. - Чебоксары.1998. -С.50-66; Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века: монография.- Ижевск. 2001. С. 19-28; Судовиков М.С. Купеческое сословие Вятско-Камского региона в конце XVIII- начале XIX века.- Киров, 2009. - С.30-52.
4. Лигенко Н.П. Указ.раб. - С. 28; Судовиков М.С. Указ.раб. - С.46.
5. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. - М., 1997.- С.10; История предпринимательства в России. Кн.1. От средневековья до середины XIX в. - М., 2000.- С.286; 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов.- М.,1995.- С.6. Судовиков М.С. Указ.соч. - С. 46-51.
6. См. Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1991; Лигенко Н.П. Указ.соч.; Судовиков М.С. Деловые качества Российского купечества: источники формирования, особенности//Третьи Стахеевские чтения: материалы междунар.научной конференции, 28-29 июня 2007г. - Елабуга, 2008.

7. История предпринимательства в России. Кн.1. От средневековья до середины XIX в. - М., 2000. - С. 437; Перхавко В.Б. Первые купцы российские. - М., 2004. - С.101-103, 174-185; Власова А.В. Благотворительность на Урале во второй половине XIX - начале XX вв. - Челябинск, 2004. - С.92-94 и др.
8. Глушков И. Е. Топографо-статистическое и этнографическое описание г. Котельнич. Исторический очерк г. Котельнич. - Киров, 1999. - С. 21.
9. Цит. по: Козлова Д.А. Династия Смагиных. Предпринимательство и благотворительность //Камский торговый путь: материалы Всероссийской науч.конф. - Елабуга, 2008.- С.152.
10. Бойко В.П. Томское купечество в конце XVIII –XIX вв. из истории формирования сибирской буржуазии. - Томск, 1996.- С.230; Галаган А.А. История предпринимательства российского. От купца до банкира. - М., 1997.- С.60; Брянцев М.В. Русское купечество: социокультурный аспект формирования предпринимательства в России в конце XVIII- начале XX в.: автореф. дисс. д.и.н. – М., 2001; Судовиков М.С. Указ.соч.- С.110-111.
11. Брянцев М.В. Роль старообрядческой общины в становлении русского предпринимательства//[http:// desegregation.x-sait.ru](http://desegregation.x-sait.ru)
12. Поликарпов В.С. История нравов России. Восток или Запад. - Ростов-н/Дону, 1995.- С.493-494.
13. На 1868 год число мусульман в Вятской губернии составляло 4 процента населения, по результатам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. – 4,1 процента. Таким образом, численность гильдейского купечества из числа мусульман была незначительна.
14. Рафиков А.М. Торгово-предпринимательская деятельность татарского купечества вятской губернии на рубеже XIX-XX вв. (На примере рода Зайтовых) // Эхо веков. - 2009.- № 2; Он же. Татарское купечество в экономической жизни вятской губернии на рубеже XIX-XX вв. // Десятые Петряевские чтения: материалы Всероссийской научной конференции. - Киров, 2010.
15. Судовиков М.С. Деловые качества ...- С. 108-109.
16. Обухова Г.И. Купеческое банкротство: экономические, юридические, социально-психологические аспекты проблемы//Прозоровский альманах: сб.науч.-исслед. материалов. - Киров, 2008.- С.67.
17. Там же. - С.65-67.
18. Судовиков М.С. Указ.соч. - С.109.
19. Рева А. Торговый дом коммерции советника И.В. Александрова// Выбор.- 1992. - № 23. - С.10.
20. Лигенко Н.П. Указ.соч. - С. 229-232, 137-144.
21. Очерк промышленной и сельскохозяйственной деятельности потомственных почетных граждан Петра и Ивана Ивановичей Александровых. Фирма: Торг. дом «Н-ки коммерции советника И.В. Александрова». - Казань, 1896. - С.3.
22. Лигенко Н.П. Указ.соч. С.125, 151-154.
23. Маслова И.В. Купеческая династия Стахеевых: монография. - Елабуга, 2007. - С.48.
24. ГАКО. Ф. 170. Оп.1. Д.337. Л.10.
25. Там же. Л. 10-10 об.
26. Валеев Н.М. Династия Стахеевых – милосердие и меценатство // Новая Кама.-1990.- 15 июня.
27. Волжский вестник. - 1894. - 9(21) авг.
28. Хохлов И. История моей жизни// Судовиков М.С. Вятское купечество в воспоминаниях современников. - Киров,2005. - С.68-69.
29. Зегимиль И.Е. Необходимые правила для купцов, банкиров, комиссионеров и вообще для каждого человека, занимающегося каким-либо делом// Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX –начало XX века. - Ижевск. 2001. - С.367-389.
30. Ратьков-Рожнов В. Выдающийся благотворитель г. Вятки Яков Алексеич Прозоров//Судовиков М.С. Вятское купечество в воспоминаниях современников. - Киров,2005.- С 57.
31. Хохлов И. История моей жизни. - С. 71.
32. Пюрияйнен Д.М. Семья Ехлаковых: становление, развитие и трансформация купеческой династии //Камский торговый путь: материалы Всероссийской научной конференции. - Елабуга. 2008. - С. 218; Валеев Н.М. Д.И. Стахеев//Д. Стахеев. Духа не угашайте. - Казань. 1992.- С.7.
33. ГАКО.Ф. 170.Оп. 1.Д. 337.Л.12 об.-13.
34. ГАКО.Ф.176.Оп.1.Д.4782.Л.42, 99.

О.П. Кубасов

старший преподаватель кафедры физической подготовки
КЮИ МВД России

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ВУЗАХ МВД РОССИИ

В статье рассматривается методологическое значение принципа. Определены принципы формирования интегративного образовательного пространства в вузах МВД России, раскрыта их сущность.

В настоящее время понятие «принцип» используется очень часто в разных значениях. Проблема, связанная с принципом как особым гносеологическим феноменом, многогранна и неисчерпаема.

Слово «принцип» восходит к латинскому «*principium*», что значит «основа, начало» [1]. Определенное методологическое значение понятие «принцип» впервые приобрело в античной геометрии. Древне-греческие математики построили геометрию дедуктивным путем из небольшого числа исходных положений – аксиом и постулатов, которые выступали в качестве ее основ или начал (принципов). [5].

Проблема принципа как особого гносеологического феномена рассматривается в работах В.С. Овчинникова, Ф.Энгельса, В.Н. Демина, С.Е. Зака и других авторов. При этом единого мнения о том, что же такое принцип, среди них нет.

В.Н. Демин считает, что принцип – это особая форма научного познания [3,4]. В.С. Овчинников определяет принцип как «относительно устойчивый элемент научного знания...» [7]. По мнению С.Е. Зака, принцип – это основополагающее понятие [5]. С точки зрения одного из основоположников марксистской теории Ф. Энгельса, «принципы – это не исходный пункт исследования, а его заключительный результат...» [6]. Авторы большого энциклопедического словаря предлагают два определения понятия «принцип». Первое – как основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации, а второе – как внутреннее убеждение человека [8].

Сущность принципа определяется всеми исследователями по-разному. Несмотря на вариативные определения сущности принципа, бесспорным является тот факт, что принцип – это один из структурных элементов знания, наряду с теориями, методами исследования, гипотезами, понятиями, категориями, идеями, законами. Принцип можно рассмотреть как особый гносеологический феномен, сущность которого состоит в корректировке и синтезе устойчивых знаний в процессе осмысления и преобразования действительности, которым в ходе дальнейшего развития предстоит постоянно обогащаться и уточняться за счет установления новых фактов.

Можно отметить, что методологическое значение принципа как особого гносеологического феномена состоит в том, что он обобщает существующие знания, синтезируя их в единое целое; выступает фактором построения научной теории и мировоззрения, обеспечивая их обоснованность, доказательность, актуализацию, дальнейшее развитие; правильно отображать объективную реальность, являясь заключительным результатом познания. Исходя из предложенного методологического значения принципа, в их совокупности можно выделить три группы.

В первую группу можно объединить философские принципы. Примерами философских принципов могут быть принципы познаваемости мира, всеобщей связи, материального единства мира и развития, историзма и другие. Методологическое значение философских принципов состоит:

во-первых, в диалектической взаимосвязи философии с конкретными науками (вскрывают всеобщее в отдельном, в специфическом) и, во-вторых, в развитии и углублении теоретической мысли, решении коренных проблем отношения бытия и сознания, выявлении всеобщих законов развития природной и социальной реальности. Поэтому философские принципы выражают универсальные диалектические отношения между всеми существующими явлениями, их свойствами, тенденциями изменения материи.

Во вторую группу включены принципы, которые условно можно назвать интернаучными. Примерами интернаучных принципов могут быть принципы общей теории систем, принципы математики и естествознания и так далее. Выделение интернаучных принципов в особую группу позволяет сосредоточить внимание на общих проблемах для больших совокупностей объектов и явлений. Методологическое значение интернаучных принципов состоит в способности усиления интеграции современной науки, координации и кооперирования научных исследований и выявлении связи между сравнительно общими свойствами многих качественно разнородных материальных объектов, между часто повторяющимися явлениями.

Интернаучные принципы способствуют объединению отраслей знаний в единую общую систему, созданию систем методов исследования, находящихся в диалектическом единстве.

Для каждой науки характерны свои, конкретные, исторически обусловленные принципы. К примеру, принципы формирования интегративного образовательного пространства обусловлены как ролью профессионального образования в развитии инновационной экономики, так и функционированием и развитием научных институтов, средств массовой коммуникации, общественных организаций, предприятий и бизнес-структур, заинтересованных в подготовке высококвалифицированных специалистов, конкурентоспособных и мобильных на рынке труда; существованием социально-психо-

логических стереотипов, регламентирующих поведение людей по отношению к профессиональному образованию. Таким образом, можно выделить в совокупности принципов третью группу, в которую и включены частнонаучные принципы.

Методологическое значение частнонаучных принципов состоит в том, что они выражают отношение между специфическими свойствами объектов, процессов в рамках той или иной формы движения. Частнонаучные принципы способствуют выявлению специфики материальных объектов, накоплению фактического материала.

Разделение совокупности принципов на предлагаемые нами группы условно. Результаты нашего исследования показали, что наиболее полное и разностороннее изучение действительности возможно лишь при использовании всех групп принципов, которые диалектично взаимосвязаны между собой и образуют единую систему. Вследствие этого в совокупность принципов формирования интегративного образовательного пространства вузов МВД России мы включили: партисипативность, консенсуальность, центрацию, модульно-компетентностную ориентацию учебно-воспитательного процесса, интеграцию.

Принцип партисипативности обуславливает как продуктивное взаимодействие институтов социально-педагогической деятельности вуза, так и сотрудничество с подразделениями и учреждениями МВД, органами муниципальной и региональной власти.

Понятие «партисипативность» соотносится с такими терминами, как «участие», «соучастие», «вовлеченность». В образовательной практике данный принцип проявляется в развитии вариативных форм социального партнерства, форсайта.

Социальное партнерство – многоплановое явление, которое может быть охарактеризовано с политической, экономической, правовой точек зрения. В работе социальное партнерство определяется как особый вид взаимодействия

вуза, образовательных и научных учреждений, подразделений и учреждений МВД, представителей местного сообщества, обеспечивающий интенсивное развитие образующих его субъектов.

Все перечисленные формы социального партнерства обеспечивают, во-первых, формирование обобщенного интеллектуально-творческого пространства жизнедеятельности вузов; во-вторых, развитие системы постоянного взаимодействия между наукой и отраслью; в-третьих, функционирование механизмов, стимулирующих работодателей инвестировать в образовательные учреждения, обеспечивающих подготовку конкурентоспособных специалистов.

Технология форсайта (от английского foresight (предвидение)) позволяет на основе экспертных оценок сопоставить долгосрочные прогнозы и стратегии развития профессионального образования в регионе для наиболее полного комплексного видения будущего и согласования путей его достижения.

Форсайт-проекты включают два аспекта: 1) вероятности, порождаемые необходимой или объективной стохастичностью и хаотичностью многих объектов либо непредвидимыми нами пересечениями рядов событий и состояний систем; 2) многопараметричность и многофакторность сложных систем, которые лишь постепенно снимаются в познании на практике. Из-за того, что жизнь меняется так быстро, людям необходимо постоянно обновлять свои профессиональные знания. И вместо разрозненных курсов по переподготовке и повышению квалификации университеты начнут предлагать пожизненные контракты на обучение. Тогда вузы станут личными советниками и консультантами на протяжении всей жизни [2, с. 14].

Принцип консенсуальности, как составляющий совокупности принципов формирования интегративного образовательного пространства, опосредует взаимное согласие и ответственность субъектов педагогического процесса, институтов социально-педагогической деятельности вуза по обеспечению

педагогических и социально-психологических условий профессиональной подготовки в рамках профессиональной деятельности.

Проведенный анализ социально-педагогической теории и практики позволяет утверждать, что социально-педагогическая инфраструктура - это система взаимодействия субъектов учебно-образовательного процесса, институтов социально-педагогической деятельности вуза (ресурсные центры, центры развития карьеры, выставки достижений, центры психолого-педагогического консультирования, психолого-медико-педагогические комиссии, КА-бинеты доверия, органы самоуправления и др.) и условий микросоциума (общественные, спортивные, социально-культурные организации, событийное окружение, базы практик курсантов и тому подобное), обеспечивающая субъектную самореализацию и оптимизацию профессионального становления курсантов.

Следующий принцип формирования интегративного образовательного пространства вуза - центрация. Принцип центрации обеспечивает направленность на признание приоритета субъектной самореализации курсантов в процессе профессионального становления.

Профессиональное становление – это процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, профессиональной деятельности, собственной активности, направленной на самосовершенствование.

Из краткого анализа научной литературы (Т.В. Кудрявцев, Е.А. Климов, А.К. Марков, Э.Ф. Зеер, Дж. Сьюпера) о периодизации профессионального становления личности следует, что, несмотря на разные критерии и основания дифференциации этого процесса, выделяются примерно одинаковые стадии. Поскольку на выбор профессионального труда, становление специалиста влияют социально – экономические факторы, то правомерно в качестве основания членения профессионального развития человека избрать социальную ситуацию, которая детерминирует

отношение личности к профессии и профессиональным общностям.

Следующим основанием дифференциации профессионального становления выступает ведущая деятельность. Ее освоение, совершенствование способов выполнения приводят к кардинальной перестройке личности. Таким образом, в качестве оснований для выделения стадий профессионального становления личности оправданно взять социальную ситуацию и уровень реализации ведущей деятельности.

Следующий принцип формирования интегративного образовательного пространства вуза - принцип модульно-компетентностной организации учебно-воспитательного процесса, который обеспечивает в пределах образовательного модуля комплексное освоение знаний, умений и навыков в рамках формирования конкретной компетенции для выполнения служебной функции, отражающей требования служебной деятельности.

В образовательной практике реализация рассматриваемого принципа отражается в модульно-компетентностных технологиях профессионального обучения. Под технологией (от греческого *techné* – искусство, мастерство и *logos* – учение) принято понимать совокупность производственных операций, методов и процессов в определенной отрасли производства; приемов, применяемых в каком-либо деле для обеспечения качества. Мы рассматриваем педагогическую технологию как совокупность знаний, форм, методов, приемов, процессов, направленных на достижение цели; диагностику полученных результатов; систему профилактики затруднений и рациональной коррекционной работы с курсантами.

Примерами модульно-компетентностных технологий профессионального обучения могут быть проектно-кейсовая, системно ориентированная, мегапроектная мультиагентная сетевая технологии.

Проектно-кейсовая технология профессионального обучения основана на участии курсантов в разработке и реализации научно-образовательных и научно-служеб-

ных проектов, комплектовании кейсов, специально организованных занятий-практикумов.

Системно-ориентированная технология направлена на поэтапное формирование компонентов профессиональной компетенции курсантов при решении многофакторных профессионально ориентированных учебных задач в условиях интеграции образования, науки и служебной деятельности.

Мегапроектная мультиагентная сетевая технология предполагает разные уровни интеграции, которые, по типу конструктора «лего», обеспечивают ее системную целостность, динамичность, вариативность.

Модульно-компетентностные технологии позволяют оптимально сочетать теоретическую и практическую составляющие обучения, интегрируя их, оперативно обновлять или заменять конкретные модули при изменении требований к специалисту вследствие изменений в технологиях и организации служебной деятельности, дает возможность индивидуализировать обучение для каждого курсанта, исходя из его уровня знаний и умений и служебного опыта, путем комбинирования необходимых модулей и отдельных единиц модулей; позволяет применять одни и те же модули как элементы сразу нескольких учебных программ.

Реализация технологий предусматривает: развитие сотворчества преподавателя и курсанта с целью формирования у последнего умений и навыков проектирования профессиональных ситуаций; включение в учебный процесс интегрированных форм образования.

В совокупность принципов формирования интегративного образовательного пространства вуза включён и принцип интеграции, который обеспечивает системную целостность и динамичность структурообразующих компонентов интегративного образовательного пространства вузов МВД России, направленную на оптимизацию профессионального становления курсантов, формирование готовности к обучению через всю жизнь,

способности к самоорганизации и конкурентоспособности в служебной деятельности.

Интеграция образования с подразделениями, учреждениями МВД необходима с целью развития их взаимодействия и формирования системной целостности, как на уровне содержания образования, так и на институциональном уровне, для которого характерны вариативные формы социального партнерства.

Интеграция форм и методов обучения обеспечивает их системную целостность, активную, деятельностную познавательную позицию каждого курсанта, стимулирование и мотивацию их образовательной деятельности.

Субъектная интеграция обуславливает деятельностное развитие курсантов, позволяющее им путем выполнения разных социальных и служебных ролей (командир подразделения, следователь, оперуполномоченный, дознаватель, эксперт, консультант, и др.) стать активными субъектами всего учебно-воспитательного процесса, принять участие в целеполагании, планировании, организации, корректировке собственного образования.

Интеграция дидактических концепций способствует оптимизации процесса обучения, направленного на формирование профессиональной компетенции, способнос-

ти к самоорганизации и конкурентоспособности в служебной деятельности.

Интеграция теории и практики способствует формированию единого образовательного пространства профессиональной школы в союзе со служебной деятельностью и наукой на основе объединения информационных пространств колледжей, вузов, науки и служебной деятельности; переноса (трансфера) и продуктивного использования представлений, идей, принципов, знаний, методов и технологий из одних областей в другие; формирования новых форм служебной деятельности.

Следует отметить, что выделенные принципы обеспечивают эффективность формирования интегративного образовательного пространства в вузах МВД России как систему устойчивого взаимодействия субъектов педагогического процесса, институтов социально-педагогической деятельности вуза, педагогических и социально-психологических условий, направленную на субъектную самореализацию и оптимизацию профессионального становления курсантов, формирование готовности к обучению через всю жизнь, способности к самоорганизации и конкурентоспособности в служебной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка /сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. - СПб.: «Норинт», 2000.
2. Данилюк А.Я., Куликовская И.Э. Образовательный форсайт в современной России // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. - Ростов-на-Дону, 2008.- № 10. - С.13-21.
3. Демин В.Н. Принцип как форма научного познания. - М.: Изд-во МГУ, 1976..
4. Демин В.Н. Принципы материалистической диалектики в научном познании.- М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
5. Зак С.Е. Принципы и основные законы материалистической диалектики. -М.: Высшая школа, 1974.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. - Изд. 2-е. -Т. 20. - М.: Политиздат, 1974.
7. Овчинников В.С. Принцип как элемент научного знания. Его методологическое значение // Философия в процессе научно-технической революции / под ред. В.Г. Марахова. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. - С. 68-72.
8. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Проходов.-М.: Советская энциклопедия, 1989.

А.Ю. Филькова

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры языковедения и иностранных языков
КЮИ МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНОМАСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА ЗАНЯТИЯХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Использование на занятиях представленных материалов по ономастике, которая находится на стыке трех наук (истории, географии, лингвистики), будет способствовать повышению интереса к истории родного края, даст возможность лучше узнать историю развития тюркских языков, познакомит с этимологией некоторых названий.

В данной статье рассматривается периодизация и конкретно-исторические условия проникновения тюркских названий городов и поселков в полисонимию России, определяются отличительные черты процесса заимствования тюркской ономастической лексики и ее освоение русским языком, мотивация и принципы номинации тюркских полисонимов России [1].

Формирование тюркских названий городов в полисонимии России рассмотрено на основе принятого в научной литературе выделения в развитии тюрко-русских языковых связей 5 исторических периодов.

1. Первые века нашей эры до VIII в. – период общения авар, хазар, болгар с восточными славянами.

2. IX – XII вв. – период интенсивных связей Киевской Руси с Восточной Булгарией, с огузскими (печенеги, тюрки, берендеи) и кыпчакскими (половцы) племенами.

3. XIII – XV вв. – период пребывания Волжско-Камской Булгарии, Русского государства и кочевников Восточной Европы под игом монголо-татар.

4. XVI – XIX – период русской колонизации тюркоязычной территории и присоединения народов бывшего Астраханского, Казанского, Сибирского, Крымского ханств к централизованному Русскому государству.

5. XX в. – период, ознаменованный такими грандиозными событиями в нашей стране, как первая русская революция и победа Великой Октябрьской революции.

Выделение 5 социально-исторических периодов в развитии тюрко-славянских языковых контактов позволило более четко определить ареал распространения полисонимов тюркского происхождения, временную и территориальную локализацию как тюркских, так и славянских народов. Кроме того, хронологическая периодизация заимствования тюркских и русского языков представляет возможность исследования полисонимов, принадлежавших к мертвым языкам: кыпчакскому, хазарскому и др. Например: Булгар, Биляр, Сувар, Тыбылгытау, Балинь, Галинь, Царицын, Орск и др.

Со сложной и многоаспектной проблемой языковых контактов связан процесс заимствования. Обязательным условием лексического заимствования является наличие комплекса факторов как внеязыкового, так и внутриязыкового характера. Очевидно, что заимствование онимов и апеллятивов осуществляется при одинаковых экстралингвистических факторах, в то время как внутриязыковые причины заимствования имеют некоторые отличия.

Характер заимствования топонимической лексики главным образом обусловлен необходимостью называния различных видов географических реалий, имеет тесную связь с миграциями населения, географической средой, строем языка. Необходимость заимствования географических названий определяется двумя факторами:

1. Люди, осваивая новые земли, строили большое количество городов, названия которых появлялись вследствие переноса уже существующих топонимов на данной территории с одного географического объекта на другой, т. е. топонимы меняли свое основное географическое значение. Например, русские поселенцы на территории Сибири, строя свои города, ассимилировались с местным населением, знакомясь с их бытом, культурой, топонимической системой. Такие гидронимы, как Тобол, Байкал, Омь и др., были заимствованы русским населением, в результате чего появились русские города с названиями тюркского происхождения.

2. В большинстве случаев русские в процессе колонизации той или иной территории селились в местах, обжитых местным (тюркским) населением. В этом случае они воспринимали тюркские полисонимы, подвергая их определенной трансформации: фонетической, морфологической, семантической. В этой ситуации полисонимы, будучи нерусскими по происхождению, но русским по употреблению, входили в лексическую систему русского языка.

Отличие имен собственных от нарицательных обусловило принципиальное различие процессов их заимствования.

В процессе адаптации иноязычной топонимической лексики мы условно выделяем 3 этапа:

1. Топоним сначала полностью или частично теряет свою географическую особенность, а следовательно, и функцию названия, как бы переходя в разряд апеллятивной лексики.

2. На втором этапе происходит соединение имени с денотатом, объект при этом становится конкретным и индивидуальным, топоним восстанавливает свою адресную функцию.

3. На последнем этапе имя может считаться освоенным, т.к. оно входит в существующую систему словообразования и словоизменения, подвергается фонетическим изменениям под влиянием заимствующего языка.

Таким образом, ведущим критерием при освоении заимствованной ономастической лексики наряду с функциональным статусом, признается фонетическая адаптация, морфологическая и семантическая:

а) Фонетическая адаптация выражается в замене близкими в артикуляционно-аккустическом отношении звуками заимствующего языка.

б) Морфологическая адаптация заключается в добавлении русских формантов (-ка, -ово, -ево, -ск, -ский), что способствует установлению родовых различий для тюркских полисонимов. Например, полисом Адам – Адамовка принимает категорию женского рода, Сарытау – Саратов – категорию мужского рода, Азнакай – Азнакаево – категорию среднего рода [2]. Приведенные примеры показывают, что вид эргогеографического объекта нередко определяет родовую принадлежность полисонима. Как правило, большая часть названий городов и поселков городского типа относится к категории мужского рода, значительно меньшее число – к категории среднего и женского: Балаково (гор. Саратовской обл.), Давыдовка (пгт Воронежская обл.). Названия сельских поселений приобретают категорию среднего или женского рода.

Вследствие тесного взаимодействия тюркских и русского языков некоторые топонимы приобрели русскую флексию множественного числа. Например, Тетюши, Чебоксары. В этом случае окончание множественного числа имеет синкретическое значение, т.к. является формально образующим средством: оно наряду с функцией приспособления тюркских полисонимов к русской языковой системе выполняет и словообразовательную. Кроме того, множественность является пока-зателем топонимичности и тем самым подчеркивает формальность географических названий.

Среди полисонимов, подвергшихся влиянию русского языка, особое место занимают наименования, образованные путем сложения двух основ, одна из

которых русская по своему происхождению, а другая – тюркская: Красноуфимск, Новорск.

Примерами смешанных топонимобразований также являются словосочетания, первый компонент которых представлен качественными или относительными прилагательными: Верхний Авзян, Нижний Карачай.

с) Семантическая адаптация выражается в частичном или полном калькировании названия: Бештау – Пятигорск, Улуг Ерба – Большая Ерба.

Изучение проблемы мотивированности и принципов номинации полисонимов тюркского происхождения России позволило установить источники образования названий населенных пунктов, установить четкую семантическую структуру географических названий, что является обязательным условием для структурно-образовательного анализа.

Определение мотивирующих основ тюркских полисонимов способствовало выявлению видов их мотивированности. Для группы географических названий, мотивированных географическими терминами, характерна мономотивация благодаря участию только одного слова: гор. Тайга – тайга. В группе антропотопонимов может иметь место бимотивация или совмещенная мотивация, при которой мотивирующими могут быть два слова одновременно:

Название поселка городского типа Аксаково может быть мотивировано двумя антропонимами: Аксак (прозвище) и Аксаков (фамилия).

Способность названий населенных пунктов запечатлеть в себе особенности природной среды [3] привело к определению номинации на основе географического обоснования местности:

- номинация по гидронимическим объектам: Салдам (тув. салдам «место с медленным течением на реке»);

- номинация по оронимическим объектам: Ташеба (хакас. тас + обаа «каменный курган»), Туруг (тув. туруг «отвесный утес»);

- номинация по геоботаническим объектам: Бурулах (якут. берру «хвощ» + лаах – афф. наличия), Ак-Чыра (хак. ак «белый» + чыраа «ивняк, заросли ивы»);

- номинация по названиям животных: Меган Атыр (якут. магаан + атыыр «белый жеребец»), Кула Аскыр (тув. кула + аскыр «саврасый жеребец»).

I) Наряду с номинацией на основе географического обоснования местности выделяется:

номинация на основе наименования лиц – основателей, первопоселенцев населенных пунктов: образованных от:

- сословных титулов, чинов, званий: Бийск (др. – тюрк. – тат. бий-би «князь, бек, властелин»);

- названий профессий, рода деятельности: Толмачево (тюрк. толмач «переводчик»), Казначеевский (араб.-тюрк. казначей «кассир»), Кадый (араб. казый «судья»);

- терминов родства: Абай (алт. абай-абагай «дядя, старший брат жены»), Бабаево (тюрк. бабай «дед, дядя»);

- прозвищ, личных имен, фамилий: Ильский (др. – тюрк. – тат. ил «род, родовой»), Бугуруслан (тат. Буга «бык» + арслан «лев») [4].

II) Номинация по названиям племени, народа, народности, обозначающих:

- тюркские народы: Булгар, Биляр, Сувар – города Волжско-Камской Булгарии;

- нетюркские народы: Черкасск, Мещерский.

III) Номинация на основе исторических событий, изменений в социальной жизни страны: Кызыл (кызыл «красный» - символ революции).

IV) Номинация по эстетическому признаку объекта: Красноуфимск (красный «красивый»).

V) Номинация по цветовому признаку: Ак-Довурак (тюрк. тув. ак – «белый» + довурак «земля»).

VI) Номинация по времени возникновения объекта: Янаул (тюрк. яна «новый» + аул «деревня»).

VII) Номинация по пространственному расположению объекта: Верхнеаршинский (тюрк. аршин «мера измерения длины»).

VIII) Номинация по размеру объекта: Большая Елань (тюрк. ялан «луг, пастбище»).

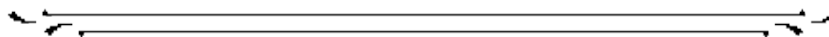
Исходя из принципов номинации, характера топонимов сложной природы названий населенных пунктов тюркского происхождения, собранный материал делим на два основных разряда. К первому относятся полисонимы, восходящие к топонимам, образованным от различного рода географических терминов и эрго-географических, обозначающих виды

населенных пунктов, типы построек и особенности жизнедеятельности населения. Ко второму разряду относятся полисонимы, образованные от собственных имен нетерминологического характера.

Данное разделение ономастической лексики свидетельствует о том, что как в первой, так и во второй группе полисонимы наряду с характерными признаками природно-географической среды отражают особенности материальной и духовной жизни народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А.В. Теория и методика ономастических исследований. - М.: Наука, 1995.
2. Словарь географических названий. - М.: Недра, 2000.
3. Мурзаев Э.М. Словарь географических терминов. - М.: Мысль, 1984
4. Саттаров Г.Ф. Словарь татарских имен.- Казань: Каз. кн. из-во., 1981.

ИЗДАНИЯ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

Криминология: Особенная часть: учебник /коллектив авторов; под общей редакцией Ф.К. Зиннурова. - Казань: КЮИ МВД РФ, 2011. – 508 с.

Содержание учебника соответствует Государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования. В нем раскрываются основные теоретические и практические положения организации и осуществления деятельности ОВД по предупреждению преступлений. На основе современных подходов и статистических данных изложены основные криминологические характеристики насильственной, экономической, организованной, коррупционной, экологической преступности. Предложен комплекс мер, направленных на предупреждение политической, информационной, террористической, пенитенциарной преступности.

Для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, студентов юридических вузов, адъюнктов, аспирантов, практических работников, а также для читателей, в сферу интересов которых входят проблемы предупреждения преступности и ее отдельных видов.

Г.Х. Шамсеева

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры языковедения и иностранных языков
КЮИ МВД России

К ВОПРОСУ ОБ АНТОНИМИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье изучается проблема противоположных по значению терминов в тексте юридического документа в двух структурно-разных языках – английском и татарском. Выявляются основные антонимы по типу оппозиции.

Явление антонимии, заключающееся в существовании слов противоположного значения, в терминологии представлено едва ли не шире, чем в общелитературном языке, считает В.П. Даниленко [1]. Аналогичную точку зрения высказывает Н.З. Котелова: «Антонимов-терминов не меньше, чем антонимов-нетерминов. Противоположное понятие – элемент научного описания объектов, организуящее его начало» [2].

Антонимия как явление понятийное характерно для терминосистем, что отмечалось многими исследователями [В.П. Даниленко; В.А. Татаринев, 1996; Н.А. Шурыгин, 1997 и др.].

В терминологии антонимия используется для обозначения крайних точек терминосистемы и выявления ее логических возможностей. Сущность антонимических отношений в лексике заключается в том, что противопоставление семантических признаков слов идет по одному дифференциальному признаку противоположными семами их значения, поэтому антонимические отношения рассматриваются как импликационный подтип системных связей.

По нашим наблюдениям, в терминосистеме юриспруденции английского и татарского языков явление антонимии имеет место и значительно не отличается от соответствующего явления в общелитературном языке. Например, в английском языке: **to appoint** (назначать) – **to disappoint** (переназначать), **active** (активный) – **inactive** (неактивный), **alive** (живой) – **dead** (мертвый); в татарском

языке: **кулга алу** (арест) – **иреккэ жибэру** (освобождение), **шэхси** (частный) – **гомуми** (общий); **үле** (мертвый) – **тере** (живой); **мэжбүри** (принудительно) – **ирекле** (свободно); **физик зат** (физическое лицо) – **юридик зат** (юридическое лицо); **вакляпсату** (розничная торговля) – **күпләпсату** (оптовая торговля).

В плане противопоставления дифференциальных сем юридических терминов английского и татарского языков можно выделить контрарные, контрадикторные и конверсивные антонимы [3]. Критерием этих типов антонимов является тип оппозиции: градуальный, комплементарный и противоположенный.

К первому типу относятся антонимы, реализующие в языке **контрарную** противоположность. Они называют противоположные, однако равнопорядковые признаки. Члены контрарного противостояния находятся в отношении противоположности, а не строгой оппозиции. Например, в английском языке: **redeemable** (подлежащий выкупу) – **irredeemable** (не подлежащий выкупу); **acquired** (приобретенный) – **unacquired** (неприобретенный); в татарском языке: **аңлы рәвештә кылган жинаять** (преступление, совершенное умышленно) – **саксызлык аркасында кылган жинаять** (преступление, совершенное по неосторожности).

Контрарные термины-антонимы подразумевают некоторое тождество, общий элемент, на котором основывается их функциональное сходство. Характерная черта контрарного типа – градуальность – позволяет расширить антонимическую

пару до ряда терминов, элементы которого различаются по степени проявления того или иного признака. Например, в английском языке: **maximum-securityprison** (тюрьма с максимальной изоляцией заключенных) – **medium-securityprison** (тюрьма со средней изоляцией заключенных) – **minimum-securityprison** (тюрьма с минимальной изоляцией заключенных); в татарском языке: **аеручаавыржинаять** (особо тяжкое преступление) – **авыр-жинаять** (тяжкое преступление) – **уртача авырлыктагы жинаять** (преступление средней тяжести) – **авыр булмаган жинаять** (преступление небольшой тяжести).

Промежуточный член контрастных терминов при противопоставлении однокоренных терминов может образовываться также путем присоединения нейтрального префикса. Например, в английском языке: **payable** (оплачиваемый) – **non-payable** (не подлежащий оплате) – **unpayable** (неоплачиваемый).

К контрастному типу следует отнести антонимические ряды терминов, образованные по модели: один – два – (три) – много. Например, в английском языке: **unilateral** (односторонний) – **bilateral** (двусторонний) – **trilateral** (трехсторонний) – **multilateral** (многосторонний) (о договоре, сделке); в татарском языке: **берьяклы** (односторонний) – **икеяклы** (двусторонний) – **өчьяклы** (трехсторонний). Анализ нашего исследования выявил, что контрастные антонимы составляют 23% всех антонимов в английской и 18% в татарской юридической терминологии.

Ко второму типу относятся **контрадикторные** антонимы, в которых первый член оппозиции предполагает наличие другого. Например, в английском языке: **plaintiff** (истец) – **respondent** (ответчик); **murderer** (убийца) – **victim** (жертва); в татарском языке: **ирек** (воля, свобода) – **зиндан** (темница); **хьянэт** (измена) – **тугрылык** (верность); **ришвэт алучы** (взяточполучатель) – **ришвэт бирүче** (взятодатель). Контрадикторные термины-антонимы представлены парами, члены которых взаимопредполагают и взаимоисключают друг друга. В контрадикторную оппозицию недопустимо

включение нейтрального члена. Исследование показало, что контрадикторные термины могут быть представлены парами однокоренных терминов, один из которых включает в себе отрицательный словообразовательный префикс, имеющих значение отсутствия или лишения какого-либо признака, например, в английском языке: **loading** (погрузка) – **unloading** (разгрузка); в татарском языке: **гаепле** (виновный) – **гаепсез** (невиновный).

Контрадикторные термины могут быть выражены составными антонимами, выражающими полярное значение. Например, в английском языке: **goodfaith** (добросовестность) – **badfaith** (недобросовестность); в татарском языке: **кулгаалу** (арестовать) – **азатитү** (освободить).

К этому типу мы относим и некоторые латинские терминологические словосочетания: **tovoteaye** (голосовать "за") – **tovotenay** (голосовать "против"); **personagrata** (приемлимое лицо) – **personanongrata** (неприемлемое лицо). Наше исследование показало, что на долю контрадикторных антонимов приходится 43% антонимов в английской и 52% в татарской юридической терминологии.

Третий тип антонимов обозначает противоположно направленные свойства и называется **конверсивной** антонимией. Например, в английском языке: **tomortgage** (закладывать имущество) – **todismortgage** (выкупать заложенное имущество); в татарском языке: **башлау** (начать) – **бетерү** (закончить); **кулгаалу** (арестовать) – **азат итү** (освободить). Члены конверсивной оппозиции выражают обратные, парные действия, невозможные по отдельности. Обычно конверсивные термины описывают какое-либо действие с позиций двух субъектов, обязательных участников данного действия. Конверсивная противоположность отражает специфику права, которая изучает процессы, предполагающие участие в них двух сторон. Например, в английском языке: **tobuy** (покупать) – **tosell** (продавать), **tolet** (сдавать внаем) – **tohire** (брать внаем), **consignor** (грузоотправитель) – **consignee** (грузо-

получатель). Конверсивные антонимы составляют 34% от всех антонимов в английской терминосистеме юриспруденции и 30% в татарской терминосистеме юриспруденции.

Анализ проводимого исследования показал, что выделяются случаи, когда слово, отрицательное по форме, оказывается положительным по содержанию. Например, в английском языке – **uncover** (раскрывать, изобличать); в татарском языке – **гаепсез** (невиновный).

Исследование показало, что с формальной точки зрения в английской и татарской юридической терминосистеме антонимическую пару могут образовывать как лексические (разнокорневые), так и грамматические (однокорневые) антонимы:

1. Лексические (разнокорневые) антонимы составляют большинство в английской (57%) и татарской (62%) юридической терминологии. Например, в английском языке: **todefend** (защищать) – **toaccuse** (обвинять), **tosell** (продавать) – **tobuy** (покупать); в татарском языке: **жавапчы** (ответчик) – **дэгъвачы** (истец); **никахлашу** (заклучение брака) – **аерылышу** (развод); **катнашучы** (участник) – **оештыручы** (организатор); **керем** (доход) – **салым** (налог); **агулы** (ядовитый) – **файдалы** (полезный); **житештеруче** (производитель) – **кулланучы** (потребитель). Подавляющее число конверсивных антонимов и контрадикторных антонимов является по своей структуре разнокорневыми.

2. Грамматические (однокорневые) антонимы встречаются в любой отрасли права. На их долю приходится 43% от общего объема антонимов в английской и 38% в татарской терминологии права. Например, в английском языке: **lawful** (правомерный) – **lawless** (неправомерный); **dated** (датированный) – **undated** (недатированный); **regular** (правиль-

ный) – **rregular** (неправильный); **responsible** (ответственный) – **irresponsible** (неответственный); в татарском языке: **гадел** (справедливый) – **гаделсез** (несправедливый); **законлы** (законный) – **законсыз** (незаконный); **яллаучы** (наниматель) – **ялланучы** (нанимаемое лицо); **тоткарлаучы** (лицо задержавшее) – **тоткарланучы** (задержанный). Специфической чертой антонимов терминосистемы английского и татарского права является то, что большая часть контрадных антонимов образована от одного корня при помощи антонимических аффиксов, то есть является однокорневыми.

Наше исследование показало, что грамматические антонимы в терминосистеме юриспруденции английского языка образуются, как правило, чередованием префиксов **-un, -il, -dis, -non, -de, -ir** суффикса **-less** и их отсутствием в составе антонима. Например, **ability** (дееспособность) – **disability** (недееспособность); **obey** (подчиняться) – **disobey** (не подчиняться); **taxable** (облагаемый налогом) – **nontaxable** (не облагаемый налогом).

В татарском языке грамматические антонимы образуются чередованием суффиксов **-сыз/-сез, -ма/-мә** и их отсутствием в составе антонима. Например: **хокуклы** (правоспособный) – **хокуксыз** (бесправный); **тәмамланган жинаять** (оконченное преступление) – **тәмамламаган жинаять** (неоконченное преступление); **ярдәм күрсәтү** (оказание помощи) – **ярдәм күрсәтмәү** (неоказание помощи).

Полученные нами результаты могут быть представлены в виде таблицы.

Таблица 1

Структурные типы антонимов терминосистемы юриспруденции английского и татарского языков

Типы антонимов	Доля антонимов в английском языке	Доля антонимов в татарском языке
Лексические (разнокорневые)	57%	62%
Грамматические (однокорневые)	43%	38%

Наше исследование показало, что семантические отношения в терминосистеме юриспруденции английского и татарского языков дополняются таким явлением, как антонимия. В терминологии она помогает обозначить крайние точки терминологического поля, перебрать логические возможности терминологической системы [4].

В терминосистеме юриспруденции английского и татарского языков реализуются следующие типы антонимии в порядке убывания: контрадикторная (43% в английском и 52% в татарском языках), конверсивная (34% в английском и 30% в татарском языках), контрарная (23% в английском и 18% в татарском языках). Специфической чертой антонимов терминосистемы права

английского и татарского языков является то, что большая часть контрарных антонимов образована от одного корня при помощи антонимических аффиксов, то есть они являются однокорневыми. Подавляющее число конверсивных антонимов и контрадикторных антонимов являются по своей структуре разнокорневыми.

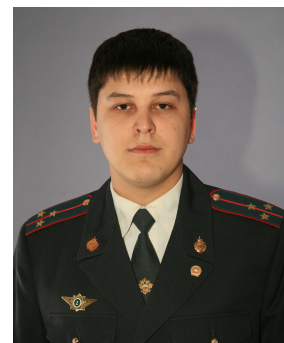
С формальной точки зрения большинство терминов-антонимов в английском (62%) и татарском языках (57%) представляют собой антонимы лексические, что свидетельствует о тенденции термина отражать положительное содержание понятия, а не обозначать лишь отрицание противоположного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даниленко В.П. Лексика языка науки. Терминология: дис...докт. филол. наук. - М., 1976.
2. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. - М., 1970.
3. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке. Семантический анализ противоположности в лексике.- М., 1973.
4. Суперанская А.В. и др. Общая терминология: Вопросы теории. -М.: Наука, 1989.

И.Р. Сахапов

адъюнкт КЮИ МВД России

КОРРУПЦИЯ: ПОНЯТИЕ И ФОРМЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ОВД

В статье проведена систематизация и анализ имеющихся на сегодняшний день научных и законодательного определений коррупции. Предложена авторская дефиниция понятия коррупции в ОВД и рассмотрены основные формы ее проявления.

Коррупция - одна из "наиболее острых проблем, которые существуют в нашем обществе". "Для любого государства коррупция является угрозой, но самое главное - подрывает доверие граждан к власти и тем проблемам, которыми власть должна заниматься...".

Д.А. Медведев

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Историко-правовые исследования неопровержимо доказывают, что коррупция в обществе существовала всегда. Однако зарождение коррупции как социального явления начинается с того момента, как только появились носители власти, облеченные особыми полномочиями. В большей или меньшей степени это деяние было присуще всем временам и народам, приобретая временами характер «бытового явления».

В исторических документах и нормативно-правовых актах прошлого использовались юридические понятия «посул», «мздоимство», «лихоимство», «казнокрадство», «взяточничество», «злоупотребление служебным положением», «попустительство» и т.п., которые в настоящее время воспринимаются как отражение отдельных проявлений коррупции, превратившейся в последние годы в фактор, угрожающий устоям российской государственности, конституционной законности и безопасности граждан.

В современный период тема борьбы с коррупцией находится в центре внимания научной общественности России, а изучение проблем борьбы с коррупцией невозможно без определения ее понятия и сущности.

Этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова *corruptio* (порча, подкуп) [1]. Эти два слова определяют понимание коррупции. Являясь сложным социальным явлением, коррупция до сих пор не получила общепринятого определения, и часто этому слову дается разное толкование.

Существует множество определений, но полной ясности и правовой точности нет. Конечно, коррупция скорее синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний.

Применительно к условиям российской действительности отсутствие законодательного определения коррупции на федеральном уровне создавало массу

проблем и порождало множество споров в научных кругах.

Как отметил в свое время В. Путин, открывая первое заседание Совета при Президенте России по борьбе с коррупцией (12 января 2004 г.), «...у нас в России под коррупцией в основном понимается взяточничество. Между тем как социальное явление коррупция - гораздо более сложное образование, а ее последствия крайне негативно сказываются на самых разных сферах государственной и общественной жизни: от экономики до морали» [2]].

Сегодня в научной, учебной и общественно-публицистической литературе существуют различные определения коррупции.

Наиболее простое определение коррупции - подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще [3]. Однако, по мнению многих ученых, данное определение, будучи весьма лаконичным, не в полной мере отражает рассматриваемое явление и не позволяет четко отграничить коррупцию от иных социальных явлений.

В толковом словаре русского языка понятие коррупции определяется как моральное разложение должностных лиц и политиков, выражающееся в незаконном обогащении, взяточничестве, хищении и срастании с мафиозными структурами [4].

В некоторых учебниках коррупция определяется как социальное явление, характеризующееся подкупом-продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними интересов и возможностей.

И.А. Клепицкий и В.И. Резанов полагают, что в правовом понимании коррупция - это злоупотребление властными полномочиями для получения выгод в личных целях [5].

В.В. Лунеев характеризует коррупцию как явление, включающее в себя «...многочисленные формы незаконного присвоения публичных средств для частного использования» [6].

Весьма яркую, но, безусловно, показательную характеристику коррупции дает А.И. Кирпичников: «Коррупция – это коррозия власти, как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции - своеобразный термометр общества, показатель его нравственного состояния и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости» [7].

В справочном документе ООН о международной борьбе с коррупцией используется следующее определение коррупции: коррупция есть злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях [8].

П.А. Кабанов под коррупцией в уголовно-правовом аспекте понимает неправомерное завладение должностным лицом материальными ценностями, деньгами или получение услуг материального характера, а равно предоставление их иными лицами государственному служащему в формах, запрещённых уголовным законом [9].

В.Л. Римский представил дифференцированное понимание коррупции с точки зрения права, экономики и социологии. Согласно его модели, юридическое понимание коррупции отличается тем, что коррупционные проявления в совокупности считаются правонарушением, заключающимся в использовании служебного положения или социального статуса должностного лица в личных или корпоративных интересах. Чаще всего такой интерес сводится к

получению незаконных доходов, а правонарушения или преступления к тем или иным вариантам получения или дачи взяток; предметом взятки или коммерческого подкупа наряду с деньгами, ценными бумагами и иным имуществом могут быть выгоды или услуги имущественного характера, оказываемые безвозмездно, но подлежащие оплате (предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи и т.п.); выгодами имущественного характера могут быть: занижение стоимости передаваемого имущества, приватизируемых объектов, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами и т.п.

Экономическое понимание коррупции отражает использование ее инструментов в практике принятия решений экономического блока органами государственной власти и управления. Таковыми могут являться виды деятельности должностных лиц государственного или муниципального управления и бизнеса, приносящие финансовые потери и потери других ресурсов для государства, местных сообществ, бизнеса, для развития экономики страны в целом, а также в некоторых случаях – для развития социальной сферы.

Словарь И.Х. Дворецкого, наряду с вышеуказанными определениями коррупции, приводит и иную трактовку - как «сворачивание, упадок, извращение, плохое состояние, превратность (мнения или взглядов), а также расстраивать, повреждать, приводить в упадок, губить, разрушать, обольщать, соблазнять, развращать, искажать, фальсифицировать, позорить, бесчестить» [10].

В этом плане импонирует мнение Г.К. Мишина, который утверждает, что латинский термин «*corruptio*» происходит от двух корневых слов *cor* (сердце; душа, дух; рассудок) и *rumpere* (портить, разрушать, развращать). Поэтому суть коррупции не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушении единства (дезинтеграции,

разложении, распаде) того или иного объекта, в том числе государственной власти [11].

Исследование проблемы коррупции вызывает необходимость рассмотреть высказывания зарубежных ученых, которые пытались дать определение коррупции.

Профессор Корсэлл под коррупцией понимает злоупотребления государственной властью с целью извлечения личной выгоды (обычно в форме денег, собственности). Профессор Бумгадэн понимает коррупцию как политическую категорию, как взяточничество в законодательной сфере в целях лоббирования нормативных актов. Судья Даунс говорит о том, что коррупция - это сделка служащего с гражданином или другим служащим, где один продает власть, а другой ее покупает, но также возможна односторонняя коррупция в форме хищений общественных средств [12].

Политологи рассматривают коррупцию преимущественно как средство борьбы за власть. Политологический аспект коррупции обстоятельно исследовали в зарубежной научной литературе С. Роуз-Аккерман, Г.Мюрдаль, Дж. Най, Л. Гевелинг, Л.И. Шелли [13].

Широкое толкование коррупции означает объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и подкупа-продажности, что, по нашему мнению, является верным только в том случае, если, говоря о порче, разложении, применительно к коррупции мы подразумеваем не «саморазложение» и порчу сами по себе, а разложение, порчу и «сворачивание» одного субъекта другим. В противном случае это уже не будет являться коррупцией.

С учетом изложенного представляется более точным определение, предложенное известным отечественным ученым в области борьбы с организованной преступностью и коррупцией профессором А. И. Долговой, которая считает, что под

коррупцией нужно понимать «социальное явление, характеризующееся подкупом — продажностью государственных или иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо в узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей» [14].

Следует понимать и то, что споры по определению понятия и сущности коррупции не прекратились и после принятия Федерального закона РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [15], где в статье 1 дается законодательное определение. Из анализа этого закона можно сделать вывод, что коррупцией в РФ признается только лишь совершение одного из пяти преступлений, предусмотренных статьями УК РФ (ст. 285 Злоупотребление должностным полномочием, ст. 290 Дача взятки, ст. 291 Получение взятки, ст. 201 Злоупотребления полномочиями и ст. 204 Коммерческий подкуп).

На наш взгляд, это не совсем правильный подход, так как законодатель ограничивается здесь только уголовной ответственностью, но существуют и другие подзаконные антикоррупционные акты, за нарушения которых никакая ответственность не предусмотрена (административная или гражданско-правовая). Например, прямого наказания за непредоставление или предоставление заведомо ложных сведений для лиц, занимающих государственные должности (президент, члены правительства и Совета Федерации, депутаты Госдумы), не предусмотрено.

Кроме того, как показывает анализ российского уголовного законодательства, многие преступления против государственной власти, государственной и иной службы имеют составы, являющиеся по своей сути коррупционными. Это прежде всего взяточничество (ст. 290–291 УК РФ), а также связанные с ним злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК

РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), служебный подлог (ст. 292 УК РФ), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), преступления против интересов службы в коммерческих и других организациях (ст. 201–204 УК РФ) и целый ряд иных преступлений, в том числе в сфере компьютерной информации: неправомерный доступ к компьютерной информации лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 272 УК РФ) и др.

В связи с этим необходимо внести изменения в Федеральный закон РФ от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», расширив перечень статей УК РФ, подпадающих под коррупционные преступления.

Коррупция как социальное явление не обошла стороной и органы внутренних дел.

Коррупция в ОВД многообразна в своих проявлениях. Нередко она выражается, с одной стороны, в использовании служащими своего статуса для получения незаконных преимуществ (продажность), а с другой — в предоставлении служащему таких преимуществ. Традиционно считается, что в противоречивом единстве этих сторон (с точки зрения большей общественной опасности) доминирует продажность.

Соглашаясь с точкой зрения Макарова А.А., полагаем, что под коррупцией в ОВД следует понимать подкуп, любое другое противоправное использование сотрудниками ОВД своего статуса для незаконного получения каких-либо преимуществ (имущества, прав на него, услуг или льгот имущественного характера) для себя либо незаконное предоставление преимуществ любым другим лицам вне зависимости от совершения данных деяний лично или через посредников, вопреки законным интересам личности, общества и государства [16].

В настоящее время коррупционная преступность сотрудников ОВД представляет собой относительно массовое, устойчивое явление, обладающее свойством социальной обусловленности, динамичности, структурного распределения, социальной детерминированности и системности. Особенности данного вида преступности являются:

- высокий уровень латентности;
- повышенная общественная опасность;
- корыстный характер совершаемых преступлений;
- субъект преступления обладает знанием уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также специальными навыками, способствующими сокрытию преступлений и затрудняющими расследование.

В зависимости от степени общественной опасности коррупцию в ОВД можно разделить на дисциплинарную, административную и криминальную.

В зависимости от должностного положения и объема полномочий субъектов коррупционных отношений можно выделить низовую (среди рядового и младшего начальствующего состава органов внутренних дел) и верхушечную коррупцию (среди среднего, старшего и высшего начальствующего состава ОВД).

Каждая указанная категория сотрудников ОВД имеет свои определенные функции и обладает специальным перечнем полномочий, что в свою очередь влияет на их возможности совершать противоправные действия коррупционного характера.

Первый уровень занимает коррупция среди рядовых сотрудников ОВД. Она является наиболее распространенной в системе МВД России и поэтому очень опасной. Опасность указанного вида коррупции предопределяется тем обстоятельством, что потерпевшими становятся, как правило, обычные люди, не склонные к нарушению законов. Сотрудников ОВД население рассматривает не только в качестве

работников правоохранительного органа, но и как представителей государства. В этой связи, сталкиваясь с фактами поборов, вымогательства взяток со стороны коррумпированных сотрудников ОВД, граждане неизбежно проецируют свое негативное отношение не только на правоохранительные органы, но и на все государство в целом. Достаточно высокий уровень коррумпированности рядовых сотрудников ОВД формирует у населения устойчиво негативные взгляды в отношении государственных институтов и разрушает веру в справедливость, закон и порядок.

На следующем уровне находится коррупция среди начальствующего состава ОВД. Ее не меньшая опасность связана с наличием у лиц начальствующего состава более высокого должностного положения в системе ОВД, возможности отдавать приказы рядовым сотрудникам, значительного объема полномочий, определенного опыта работы в правоохранительных органах и знания законодательства, что позволяет коррупционерам осуществлять свою противоправную деятельность на высоком интеллектуальном уровне и довольно длительный период времени.

В зависимости от периодичности совершения коррупционных актов в системе ОВД можно выделить систематическую и эпизодическую коррупцию.

Сущность систематической коррупции проявляется в длительности и устойчивости коррупционных связей между сотрудниками ОВД и гражданами либо юридическими лицами. Систематическая коррупция предполагает также наличие высокой степени межличностного общения между коррупционером и коррумпирующим лицом. Такие коррупционные связи происходят не от случая к случаю, а осуществляются на постоянной основе.

Эпизодическая коррупция представляет собой отдельные деяния коррупционного характера, периодически совершаемые сотрудниками ОВД в целях личного

обогащения. Данный вид коррупции не предполагает межличностные коррупционные связи сотрудников ОВД с гражданами либо юридическими лицами. Обычно такие контакты ограничиваются одним случаем, в ходе которого сотрудник ОВД, получив от гражданина либо юридического лица определенное вознаграждение за коррупционную услугу, больше с ним не встречается.

В зависимости от направленности коррупционных актов в системе ОВД можно выделить горизонтальную и вертикальную коррупцию.

Указанные виды коррупции определяют направленность коррупционных отношений. При горизонтальной коррупции такие отношения устанавливаются непосредственно между физическими или юридическими лицами и сотрудниками ОВД и в основном представляют собой подкуп, выражающийся в незаконном вознаграждении за предоставленные коррупционные услуги.

Вертикальная коррупция предполагает более сложный характер коррупционных связей, когда сотрудники ОВД, получающие незаконное вознаграждение от граждан либо юридических лиц, часть оставляют себе, а определенную долю своей неправомерной прибыли направляют вышестоящему руководству, которое в свою очередь не создает препятствий для их незаконной деятельности. Опасность такого вида коррупции заключается в том, что происходит фактически полное разложение системы ОВД, при которой

парализуются все возможности для какого-либо влияния на негативные коррупционные процессы со стороны вышестоящего руководства [17].

В зависимости от активности сотрудников ОВД в процессе реализации коррупционных деяний коррупцию можно разделить на активную и пассивную.

Под активной коррупцией следует понимать неправомерную деятельность сотрудников ОВД, направленную на получение незаконного вознаграждения с граждан либо юридических лиц. Существенным моментом является то, что сотрудники ОВД совершают конкретные действия для получения незаконного вознаграждения.

Пассивная коррупция проявляется в противоправном бездействии сотрудника ОВД, в невыполнении своих должностных обязанностей с целью получения незаконного вознаграждения. При пассивной коррупции бездеятельность сотрудника ОВД является условием для возникновения коррупционных отношений, и такое бездействие оплачивается заинтересованным лицом.

Увеличение и рост коррупционных проявлений в системе ОВД, прежде всего имеющих характер гражданско-правового деликта, административного правонарушения или дисциплинарного проступка, требует широкого использования криминологически содержательных мер противодействия им и прежде всего специальных мер предупреждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой юридический энциклопедический словарь. М.: Книжный мир, 2000. С.266.
2. Президент России В. Путин объявляет войну коррупции // Российская юстиция. 2004. № 1. С. 2.
3. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М.: Юрист, 2004.
4. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой; Российская Академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Изд. 4-ое., доп. М.: Азбуковник, 1999.
5. Клепицкий И. А., Резанов В. И. Получение взятки в уголовном праве. Комментарий законодательства. М.: ДВЮИ МВД РФ, 2001. С. 67.
6. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Москва, 9-10 сентября 1999 г.) / под. ред. В.В. Лунеева [Corruption: political, economical, organizational and legal problems. Collected

Materials of International Scientific Practical Conference (Moscow, 9-10 September 1999) / Ed. by V. Lunev]. М.: Юрист, 2001. С. 22.

7. Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. С. 17.

8. Камынин И. Конвенция ООН против коррупции: новые контуры международного сотрудничества // Российская юстиция. 2004. №4. С.14-17.

9. Гараев Р.Ф., Селихов Н.В. Понятие коррупции // Следователь. 2001. № 2. С. 43.

10. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.

11. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991.

12. См.: Полковнический Д.О. Проблема коррупции в представлении граждан США // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2004. С. 504.

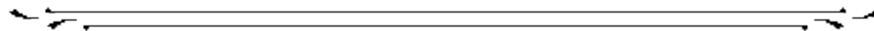
13. См.: Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. М., 2003; Луиз И. Шелли. Коррупция в эпоху Ельцина // Конституционное право: Восточноевропейское Обозрение. - 2005.

14. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 501.

15. См. Российская газета. 2008. 30 декабря.

16. Макаров А.А. Коррупция в системе ОВД. М.: NOTA BENE, 2009.

17. Противодействие коррупционной преступности в государственной службе: учебно-методическое пособие. М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2009.

Ю.В. Синников,
аспирант кафедры экономики
Казанского государственного технологического университета

ОСОБЕННОСТИ В РАЗМЕЩЕНИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗАКАЗА В ГОРОДЕ КАЗАНИ С 2011 ГОДА

В статье представлены особенности размещения информации о государственных и муниципальных заказах в свете изменений в российском законодательстве, введенных Федеральным законом от 08.05.2009 №93, о переходе с 01.01.2011 всех аукционов, проводимых на территории Российской Федерации, в электронный формат с использованием пяти федеральных электронных торговых площадок, а также Федеральным законом от 02.08.2010 №83 о закреплении с 01.01.2011 за Федеральным казначейством Российской Федерации ведения общероссийского Реестра контрактов на едином официальном сайте в сети Интернет.

Вышеуказанные нормативные акты, в свою очередь являются одиннадцатой и двадцать первой поправкой соответственно в Федеральный закон от 21.07.2005 №94 «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». К основным нововведениям относится:

1. Переход на электронные аукционы, который для всех муниципальных заказчиков города Казани фактически состоялся в сентябре 2010 года.

2. Ввод в промышленную эксплуатацию единого общероссийского официального сайта для размещения

информации о размещении заказов в сети Интернет (www.zakupki.gov.ru).

Отдельно стоит отметить, что в соответствии с решением Казанской Городской Думы от 29.12.2010 №23-3 муниципальное учреждение «Финансовое управление Исполнительного комитета муниципального образования города Казани» является уполномоченным органом на осуществление функций по размещению заказов для муниципальных заказчиков. Также немаловажным явилось подписание в январе 2011 года соглашения между Исполнительным комитетом города Казани и Министерством финансов Республики Татарстан об осуществлении последним, в лице Департамента казначейства Министерства финансов Республики Татарстан, полномочий по согласованию в размещении заказов для муниципальных нужд, нужд муниципальных бюджетных учреждений в части контроля за наличием лимитов бюджетных обязательств, источников финансирования, отсутствия кредиторской

задолженности, подтверждения эффективности закупок.

Поскольку общероссийский официальный сайт по размещению информации о размещении заказов является единым всех закупок на территории Российской Федерации, рассмотрим его особенности.

С 1 января 2011 года на общероссийском официальном сайте в обязательном порядке должна размещаться информация обо всех государственных и муниципальных заказчиках Российской Федерации, о предстоящих торгах, а также, согласно постановлению Правительства от 29.12.2010 №1191 «Об утверждении Положения о ведении реестра государственных и муниципальных контрактов, а также гражданско-правовых договоров бюджетных учреждений на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг и о требованиях к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения пользования официальным сайтом в сети Интернет, на котором размещается указанный реестр». На указанном сайте должна размещаться информация о заключении, изменении и исполнении таких контрактов. С целью единовременного перевода работы на общероссийский официальный сайт руководством города Казани совместно с территориальным отделением Департамента казначейства Республики Татарстан по городу Казани достигнута договоренность, согласно которой санкционирование оплаты по заключенным контрактам и договорам будет производиться только при наличии отметки – идентификационного реестрового номера общероссийского сайта.

Данный общегосударственный портал планирует стать не только общероссийской информационной площадкой, но и, по мере внедрения различных сервисов, стать площадкой для мощной аналитики, проведения конъюнктурных анализов как для государственных и муниципальных

заказчиков, так и для поставщиков, правоохранительных органов, органов государственного финансового контроля. В частности, по инициативе Федеральной антимонопольной службы разрабатывается программа по контролю на общероссийском официальном сайте, призванная автоматически выявлять и отправлять информацию о формальных нарушениях, связанных с несвоевременным заключением контракта, несвоевременной подачей сведений о заключенном контракте и так далее.

Также предполагается осуществление в автоматическом режиме возбуждения Федеральной антимонопольной службой дел на основании Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, где сумма штрафа на должностное лицо заказчика (руководителя) предусматривается от 20 до 50 тысяч рублей за нарушение процедур, установленных законом, в ходе размещения и исполнения заказа.

Стоит отметить тот факт, что самым распространенным нарушением на сегодняшний день остается низкий уровень подготовки сведений для регистрации контрактов и несоблюдения установленных федеральным законодательством сроков подачи сведений о заключении, изменении и исполнении таких контрактов. Это связано, прежде всего, с низкой подготовкой и непрофессионализмом непосредственных исполнителей в муниципальных учреждениях и отсутствием должного контроля со стороны руководящего состава организации. Стоит иметь в виду и тот факт, что согласно действующему законодательству о государственных и муниципальных закупках, а также при новых правилах проведения аукционов на электронных торговых площадках, устанавливаются более жесткие требования к срокам заключения контракта с победителем таких торгов. Если раньше победитель умышленно мог затянуть процедуру подписания контракта, а согласно части 4 статьи 528 Гражданского кодекса Российской

Федерации срок подписания такого контракта не может превышать 20 дней, то теперь такой победитель электронного аукциона в случае несвоевременного подписания и направления контракта автоматически лишается такого права. То есть муниципальным заказчикам не нужно будет тратить время на выяснение причин задержки в подписании контракта поставщиком и на другие сопутствующие процедуры, так как будет происходить и автоматический переход права подписания такого контракта к участнику электронного аукциона, чье предложение было предшествующим предложению победителя.

Ещё одной особенностью функционала общероссийского официального сайта является возможность интеграции уже существующих информационных систем закупок субъектов и муниципальных образований Российской Федерации. Так, на сегодняшний день в Республике Татарстан разработана и введена в промышленную эксплуатацию информационная система «Электронный магазин», которая, с одной стороны, интегрирована с общероссийским официальным сайтом, а с другой стороны, планирует интеграцию с информационными системами, которые уже работают в городах и районах республики.

Ввиду вышеуказанных изменений претерпела изменения и схема работы уполномоченного органа по размещению заказов для нужд муниципальных заказчиков в городе Казани.

Процедура подачи заявок муниципальными заказчиками для размещения заказа практически не изменена. Муниципальные заказчики, как и прежде, через информационную систему города Казани «Управление закупками» подают заявки в отдел по подготовке и размещению заказа.

Отдел по подготовке и размещению муниципального заказа выполняет все функции, ранее осуществляемые Дирекцией муниципального заказа, а именно: прием заявок от муниципальных заказчиков на проведение закупки,

разработку извещений аукционной и конкурсной документации, оформление протоколов аукционов, конкурсов и запроса котировок, подписание контрактов ЭЦП от лица заказчиков и направление их оператору электронной торговой площадки и ряд других функций.

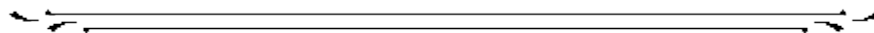
Отдел аналитики и сопровождения муниципального заказа также ведет работу с общероссийским официальным сайтом в части внесения в единый общероссийский Реестр государственных и муниципальных контрактов сведений о заключении, изменении и исполнении таких контрактов. Помимо этого, отдел продолжает сопровождение Информационной системы «Управление закупками».

Как можно заметить, работа муниципальных заказчиков с общероссийским официальным сайтом практически сведена «на нет». Это связано, прежде всего, с тем, что полноценная работа для государственных и муниципальных заказчиков с общероссийским официальным сайтом возможна лишь при наличии средств криптографической защиты, а именно электронной цифровой подписи, выдаваемой Управлениями Федерального казначейства в каждом из регионов Российской Федерации. Данные электронные цифровые подписи, с различными правами доступа к закрытой функциональной части общероссийского сайта, были выданы только ответственным, квалифицируемым сотрудникам уполномоченного органа в целях предотвращения ошибок при размещении извещений о планируемых торгах и запросах котировок, а также при размещении сведений о заключении, изменении и исполнении контрактов, поскольку, как показывает практика, низкая исполнительская дисциплина и высокая «текучка кадров» позволяют сделать определенные выводы в пользу наделенными вышеуказанными функциями опытных и квалифицируемых специалистов.

В заключение подведем некоторые итоги. Изменения с 2011 в федеральном законодательстве о закупках нашли свое

отражение и в организационной структуре муниципальных закупок города Казани, объединив в рамках деятельности одного муниципального органа исполнительной власти функции по планированию, размещению и исполнению муниципального заказа. Такая консолидация полномочий в сфере муниципального заказа должна дать старт к формированию нового формата в

управлении муниципальными закупками, начиная с прогнозирования потребностей, составления планов муниципальными учреждениями и заканчивая мониторингом исполнения заключенных контрактов в части полноты выполнения сторонами своих обязательств, оценки и управления потенциальными рисками, регламентации и методического обеспечения исполнения таких контрактов.

Ф.К. Зиннуров

кандидат психологических наук
начальник КЮИ МВД России

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ДНЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Сегодня наша страна отмечает День российской науки. В 1999 году Указом Президента России в этот день был учреждён праздник российских учёных - в ознаменование 275-й годовщины Российской академии наук. 8 февраля 1724 года (28 января по старому стилю) указом Сената по распоряжению Петра I в России была основана Академия наук. В 1925 году она была переименована в Академию наук СССР, а в 1991 - в Российскую академию наук.

Сегодня в России насчитывается 1156 вузов (с филиалами - 3 тысячи), из которых ежегодно выпускается 1 млн 100 тысяч дипломированных специалистов. Общее количество студентов составляет 7 млн., преподавателей - 341 тыс. человек. А всего ученых в России – более 400 тыс., из них более 100 тысяч – доктора наук.

Алексей Максимович Горький справедливо отмечал, что «наука – это нервная система нашей эпохи». Не случайно правительство страны уделяет особое внимание развитию науки. В федеральном бюджете 2011 года на науку гражданского назначения предусмотрено 227,8 млрд рублей, что на 32% больше по сравнению с 2010 годом и на 100 млрд рублей больше, чем в 2008 году.

Как вы знаете, по поручению Президента России создан инновационный центр "Сколково", который представляет собой синтез научных достижений и технических инноваций. Цель «Сколково» - создание благоприятной среды для концентрации интеллектуального капитала, способного генерировать инновации. Как говорится, талантам надо помогать - бездарности пробьются сами.

Большой вклад в российскую науку вносят и сотрудники органов внутренних дел. В системе МВД России 859 докторов и 4248 кандидатов наук, осуществляющих научно-ис-

следовательскую деятельность в 23 образовательных учреждениях высшего профессионального образования, 5 военных институтах внутренних войск МВД России, ВНИИ, ВИПК МВД России.

Казанский юридический институт МВД России занимает достойное место среди вузов республики и образовательных учреждений МВД России. За 36 лет своего существования наш институт подготовил более 7 тысяч специалистов для органов внутренних дел. Сегодня в институте обучается более 3500 курсантов, слушателей и студентов, из них почти 1000 человек – по очной форме обучения. На кафедрах института работают 12 докторов и более 70 кандидатов наук. Далеко за пределами республики известны имена наших профессоров – Алиуллова Р.Р., Казанцева С.Я., Комлева Ю. Ю., Хадииллиной Г.Н., Чанышевой Г.Г. и других.

Я хотел бы обратить ваше внимание на то, что в России средний возраст доктора наук – 59, кандидата – 50 лет. В нашем институте - 49,6 и 40,2 – соответственно. И мне особенно приятно отметить, что подавляющее большинство преподавателей и сотрудников нашего института, защитивших кандидатские диссертации за последние 5 лет, – молодые люди в возрасте от 25 до 30 лет. И я хотел бы пожелать им словами Льва Троцкого «Грызите молодыми зубами гранит науки»!

Традиционно в этот день мы проводим торжественное собрание, на котором подводятся итоги научной деятельности вуза, научно-практического сотрудничества с МВД по РТ, ВНИИ МВД России, другими образовательными и научными учреждениями.

Мы рады приветствовать в стенах института гостей нашего праздника: заместителя министра внутренних дел по РТ полковника милиции **Степущенко Олега Александровича**

вича, сотрудников информационно-аналитического отдела Штаба МВД по РТ, начальника филиала ВНИИ МВД России по Республике Татарстан кандидата юридических наук, полковника милиции **Павлова Олега Федоровича** и его сотрудников.

2011 год для нас является рубежным. Именно на этот период запланированы все основные преобразования реформы органов внутренних дел. 1 марта вступит в силу закон «О полиции», который не только создаёт новый правоохранительный институт – полицию, но формирует новую модель взаимоотношений полиции и общества, меняя её с доминантной на партнёрскую, повышает степень общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел.

Это потребует дальнейшего повышения эффективности научных исследований, усиления их практической направленности. Ведомственной науке по-прежнему будет уделяться серьезное внимание. Не случайно на обновленном сайте МВД России недавно появился раздел «Научные исследования», в котором определены такие перспективные направления, как «Разработка системы индексов, отражающих показатели доверия граждан к профессиональной служебной деятельности служащих правоохранительной службы», [«Совершенствование перечня норм служебной профессиональной этики и требований к служебному поведению служащих правоохранительной службы»](#), [«Разработка комплекса мер по формированию высококвалифицированного кадрового состава правоохранительной службы»](#) и другие.

Для повышения качества научного обеспечения органов внутренних дел нами был разработан, утвержден и успешно выполняется План совместных мероприятий МВД по Республике Татарстан, нашего института и филиала ВНИИ МВД России по РТ.

Еще Л. да Винчи говорил, что «влюбленный в практику без науки — словно кормчий, ступающий на корабль без руля и компаса: он никогда не уверен, куда плывет». Хочу особо отметить, что в нашем институте серьезное внимание уделяется не только повышению качества обучения, но и усилению его практической направленности, повышению квалификации преподавателей. Для этих целей

разработан и осуществляется Перспективный план повышения профессионального уровня профессорско-преподавательского состава института на 2009-2015 гг., в соответствии с которым 12 преподавателей работают над докторскими и более 30 - над кандидатскими диссертациями. В прошлом году было защищено 3 кандидатские диссертации по юриспруденции, еще ряд соискателей выходят на защиту.

Преподаватели института повышают свою квалификацию на стажировках в подразделениях органов внутренних дел, ВИПК, осуществляется обмен опытом с вузами системы МВД России, с национальной полицейской Академией Турции, с полицейскими Австрии, Польши, Германии.

С прошлого года мы начали выпуск научно-теоретического журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России», в котором публикуются статьи наших преподавателей, ученых разных вузов и специалистов-практиков, работающих в правоохранительных органах.

Мы добились серьезных успехов в научно-исследовательской работе преподавателей, курсантов и слушателей, что было отмечено и в ходе комплексного инспектирования института в 2010 году, но нельзя останавливаться на достигнутом.

После вступления в силу закона «О полиции» нам всем предстоит пройти переподготовку, при которой не в последнюю очередь будут учитываться наличие ученой степени и заслуги в области научно-исследовательской деятельности.

Сегодня мы должны особое внимание обратить на научное обеспечение противодействия ОВД коррупции, терроризму и экстремизму, совершенствования кадрового обеспечения ОВД, подготовки к Универсиаде – 2013 года в г. Казани.

В плане научной деятельности института на 2011 год уже заложены научные разработки по этим темам, однако необходимо усилить работу в этом направлении с учетом потребностей МВД по РТ.

Поздравляю всех участников нашего собрания с Днем российской науки и желаю вам творческой энергии, научных открытий и признаний, дальнейших успехов в деле науч-

ного обеспечения деятельности органов
внутренних дел.

О.А. Степушенко

заместитель министра внутренних дел по Республике Татарстан,
председатель научно-практической секции Совета МВД России
по науке и передовому опыту в МВД по Республике Татарстан

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ МЕРОПРИЯТИИ В КЮИ МВД РОССИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ДНЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ (8 ФЕВРАЛЯ 2011 Г.)

Стало доброй традицией проводить торжественные мероприятия, посвященные Дню Российской науки, в гостеприимных стенах Казанского юридического института, который, без сомнений, является не только кузницей кадров для нашего министерства, но и, наряду с филиалом ВНИИ МВД России, основным разработчиком и поставщиком научной продукции для нужд органов внутренних дел республики.

В связи с этим, Фоат Канафиевич, пользуясь случаем, разрешите поблагодарить Вас и в Вашем лице весь профессорско-преподавательский состав института за огромный объем проделанной Вами работы по линии научного обеспечения оперативно-служебной деятельности татарстанской милиции.

Не секрет, что на протяжении последних лет наше министерство является одним из лучших подразделений МВД России. И я твердо убежден, что без той серьезной интеллектуальной поддержки, оказываемой нам Казанским юридическим институтом и филиалом ВНИИ МВД России, это было бы просто невозможным.

Я уверен, что взаимовыгодное сотрудничество не только продолжится впредь, но и будет постоянно развиваться.

Антон Павлович Чехов в одном из своих романов дал следующее определение науке: «Наука – это самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, только ею одною человек победит природу и себя».

Возможно, кто-то с таким определением великого русского классика не согласится, но абсолютно точно одно – сегодня ни в одной сфере человеческой деятельности нельзя добиться сколь-нибудь значимого результата без научной поддержки, без использования возможностей современных технологий и новейших технических средств.

Это в полной мере относится и к деятельности правоохранительных органов.

Современное общество сталкивается со всё более изощренными попытками криминала любыми средствами и методами отстаивать свои интересы. При этом представители криминальной среды, шагая в ногу со временем, максимально используют возможности науки для достижения своих преступных целей.

И эффективно противодействовать этому явлению мы сможем, только объединив усилия практиков, работающих «на земле», – оперов, участковых, следователей, дознавателей, с усилиями вооруженных последними достижениями научной мысли теоретиков.

И судя по результатам работы МВД Татарстана в минувшем году, мы с вами с этой задачей успешно справляемся.

Татарстан по-прежнему остается одним из наиболее спокойных, в криминогенном плане, регионов Российской Федерации.

Продолжает снижаться уровень преступности.

Существенно сократилось общее количество зарегистрированных преступлений, включая относящиеся к категории тяжких и особо тяжких, совершенных с применением огнестрельного оружия, против собственности и личности, в том числе убийств, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью, изнасилований, разбоев, грабежей и краж.

Уменьшился остаток нераскрытых уголовно наказуемых деяний, разысканных преступников и без вести пропавших лиц.

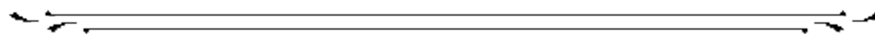
Успешно реализуется комплекс мероприятий по противодействию организованной преступности, привлечению лидеров и активных участников ОПФ к уголовной ответственности.

Повысилась эффективность расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.

Безусловно, как я уже сказал в начале своего выступления, все эти успехи не воплотились бы в реальность без налаженного взаимодействия между правоохранительными органами республики, включая научные и образовательные учреждения системы МВД России, вклад которых в общую «копилку» с каждым годом все более возрастает.

Завершая свое выступление, хочу процитировать слова еще одного гения современности Альберта [Эйнштейна](#), который сказал, что наука - это спорт, гимнастика ума, доставляющая ему удовольствие. Так пусть то, чем вы занимаетесь, всегда доставляет вам удовольствие, а результаты вашего труда будут надежным подспорьем нам в борьбе с преступностью, обеспечении покоя и безопасности наших сограждан!

Пользуясь предоставленной мне возможностью, от имени руководства Министерства внутренних дел по Республике Татарстан и от себя лично поздравляю всех присутствующих с Днем Российской науки. От всей души желаю успехов во всех ваших начинаниях, доброго здоровья, неиссякаемой энергии и всего самого доброго!

С.Н. Миронов

кандидат исторических наук, доцент
заместитель начальника Казанского юридического института
по научной работе

О РЕЗУЛЬТАТАХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ В 2010 ГОДУ

Руководство МВД нашей республики и руководство института очень серьезное внимание уделяют развитию науки. Думаю, что вы согласитесь со мной: вряд ли в каком другом милицейском вузе налажены такие тесные научные связи с министерством или ГУВД субъекта Федерации, с филиалом ВНИИ и вряд ли в каком другом вузе сегодня наградили столько ученых правами министра субъекта Федерации и приказом начальника вуза.

Такое внимание ко многому обязывает. Наша основная задача - повысить практическую направленность процесса обучения и активнее внедрять результаты научных исследований в деятельность органов внутренних дел. Эту задачу коллектив наших ученых, преподавателей и сотрудников успешно решает.

В 2010 году нами было выполнено 40 научно-исследовательских работ, из них 16 – по заявкам МВД России и МВД по РТ. Активизации подготовки и авторского сопровождения «заказных» работ активно способствовала деятельность научно-практической секции МВД по РТ, на заседаниях которой под руководством зам. министра О.А. Степущенко были заслушаны все авторы работ, выполненных по заявкам МВД по РТ в 2010 г.

Большое внимание в институте уделяется проведению конференций, круглых столов, семинаров и других мероприятий как в рамках кафедр и факультетов, так и в республиканском, всероссийском и международном масштабах: всего за год было проведено 89 научно-представительских мероприятий.

Наиболее значимыми были: межведомственная конференция «Совершенствова-

ние деятельности правоохранительных органов по предупреждению экстремизма», всероссийская научная конференция студентов и аспирантов «Конституционная законность, защита прав и свобод человека и гражданина» на платном юридическом факультете, Международный круглый стол «Антикоррупционное образование в системе органов внутренних дел (организационно-правовые аспекты формирования антикоррупционного поведения сотрудников ОВД)».

В 2010 году сотрудниками КЮИ МВД России были защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Кроме того, в 2010 г. звание профессора присвоено доктору педагогических наук, профессору кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Чанышевой Г.Г., три преподавателя получили ученое звание доцента.

В соответствии с Перспективным планом повышения профессионального уровня профессорско-преподавательского состава КЮИ МВД России на 2009-2015 гг. 12 сотрудников продолжают работу над докторскими диссертациями, 21 сотрудник в рамках соискательства работает над кандидатскими. В адъюнктуре обучается 3 очных и 10 заочных адъюнктов.

В 2010 году, согласно плану издания, издано 99 наименований научной и учебной литературы, в том числе 3 монографии, 5 сборников научных трудов, конференций, круглых столов, 28 учебников и учебных пособий (11 из которых получили грифы МВД России или Минобрнауки России).

Всего в активе института 53 издания с грифами. Ведется работа по подготовке электронных изданий к получению грифа МВД России.

Три учебно-методических пособия преподавателей института были направлены для издания в МВД по РТ.

Активная работа проводится и по размещению публикаций преподавателей и сотрудников института в периодической печати - в журналах «Вестник МВД России», «Научный портал» (ВНИИ МВД России), «Научный Татарстан», «Вестник Воронежского института МВД России», Информационном бюллетене Национального антитеррористического комитета (НАК).

Вышли в свет два номера журнала «Вестник Казанского юридического института МВД России», ведется работа по формированию третьего номера.

Осуществляется регулярное распространение изданий института по другим учебным заведениям, органам внутренних дел, региональным библиотекам России. Регулярно обновляется стенд с изданиями КЮИ МВД России в кабинете передового опыта МВД по РТ.

Электронные версии рукописей регулярно представляются в ЦОКР МВД России для включения в фонд электронной библиотеки.

Научная продукция института востребована не только подразделениями МВД по РТ, но и за пределами республики, в частности МВД Республики Беларусь, Калмыкии, Марий Эл, ГУВД по Самарской области... Кроме того, работы наших ученых внедрены в учебный процесс многих институтов и академий МВД России, ряда других вузов.

Расширяются международные связи. Так, в 2010 г. делегация института во главе с начальником посетила Полицейскую академию Турции. Во время визита турецкой стороне были переданы научные и учебные издания, подготовленные преподавателями института. Преподаватели и курсанты, находившиеся в служебных командировках в Германии и Польше, также передали местным полицейским труды наших ученых.

Важным направлением в деятельности института является научно-исследовательская работа курсантов, слушателей и студентов, поскольку научная деятельность, начатая со студенческой скамьи, открывает путь в большую науку. Сегодня на кафедрах функционируют 25 научных кружков, в которых занимаются более 300 человек.

В 2010 году курсанты и студенты института приняли участие в 110 конференциях, круглых столах и семинарах различного, в том числе и международного уровня, а также в 19 конкурсах различного масштаба, в 16 из них заняли призовые места. По итогам конкурсов курсанты и студенты вуза награждены 66 дипломами, грамотами, благодарностями, сертификатами и медалями.

О своих достижениях они сегодня расскажут сами и даже покажут фильм. Я лишь хочу особо отметить, что нам удалось объединить усилия курсантов, слушателей и студентов платного факультета, и зачастую они вместе одерживают серьезные научные победы.

Так, победителями и призерами конкурса ДКО МВД России стали курсант Исмагилов Динар и студенты юридического платного факультета Хабибуллин Тимур, Лобанова Алина и Хасаншина Таслия.

По итогам Всероссийского конкурса «Моя законотворческая инициатива» победителями стали студенты платного факультета Сычева Ольга и Гарайшина Альбина. Звание лауреатов получили Перминова Анна и курсант Исмаилов Фархад. Знаком «За успехи в научно-исследовательской работе студентов» награждена научный руководитель Л.К. Фазлиева.

Поздравляю всех участников нашего собрания с Днем российской науки и хочу пожелать всем счастья, крепкого здоровья и дальнейших успехов в научной работе, особенно в сфере научного обеспечения

оперативно-служебной деятельности
органов внутренних дел.

О.Ф. Павлов
кандидат юридических наук
начальник филиала ФГУ «ВНИИ МВД России»
по Республике Татарстан

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЛИАЛА ФЕДЕРАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ «ВНИИ МВД
РОССИИ» ПО РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН
ПО НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ**

ТАТАРСТАН: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научно-методическое обеспечение оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел играет существенную роль в повышении эффективности выполнения профессиональных обязанностей практическими работниками по защите прав и свобод человека и гражданина, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Разработка научно-обоснованных методик, отвечающих требованиям современной эпохи и востребованных практическими сотрудниками, является ключевым звеном в механизме научно-методического обеспечения органов внутренних дел.

Функции головного научно-исследовательского учреждения в системе МВД России по проведению и координации научных исследований в области оперативно-разыскной, уголовно-процессуальной, административной, мобилизационной и иной деятельности органов внутренних дел выполняет Федеральное государственное учреждение «Всероссийский научно-исследовательский институт МВД Российской Федерации».

19 декабря 2010 года Институту исполнилось 65 лет.

За эти годы неоднократно менялись задачи, функции и структура Института.

Филиал по Республике Татарстан с дислокацией в г. Казани был образован 31 июля 2003 года и на сегодняшний день является самым молодым региональным подразделением Института.

Филиал осуществляет научно-методическое обеспечение деятельности органов внутренних дел на территории республик Татарстан, Башкортостан, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия и Чувашия.

Во взаимодействии с научно-практическими секциями министерств внутренних дел указанных республик филиалом проводится целенаправленная и планомерная работа по насыщению территориальных органов современными нормативными, теоретическими и научно-методическими материалами.

За истекшие годы коллективом филиала было подготовлено свыше 200 научных трудов, касающихся различных аспектов и проблем борьбы с преступностью и обеспечения правопорядка, в том числе более 30 методических рекомендаций, два комментария к Федеральному закону Российской Федерации от 17 июля 2009 года №172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», четыре учебно-методических пособия и одна монография.

Наиболее широкое и эффективное применение на практике нашли научно-методические рекомендации:

- по раскрытию и расследованию преступлений экономической направленности;
- по линии уголовного розыска;
- в области охраны окружающей среды;
- совершенствованию противодействия коррупции, экстремизму;
- по профилактике правонарушений в общественных местах и при проведении спортивных мероприятий международного характера;
- взаимодействию сотрудников территориальных и транспортных ОВД при наступлении чрезвычайных ситуаций техногенного характера на объектах железнодорожного транспорта.

В рамках научно-методического обеспечения деятельности органов внутренних дел важное место отводится творческому сотрудничеству филиала с государственными и общественными организациями, а также научно-образовательными учреждениями.

В настоящее время филиалом налажены тесные творческие отношения с Комитетом по законности и правопорядку Государственного Совета Республики Татарстан, Управлением Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики, Институтом экономики, управления и права (г. Казань), Академией Управления «ТИСБИ», Казанским филиалом Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации, Духовным управлением мусульман Республики Татарстан, Казанской епархией русской православной церкви. А многолетнее взаимодействие филиала с Казанским юридическим институтом МВД России является неотъемлемой частью нашей совместной научной деятельности.

Основными формами такого сотрудничества являются проведение совместных исследований и научно-представительских мероприятий, в которых участвуют ведущие ученые и опытные практики, осуществляется обмен опытом, детально обсуждаются имеющиеся проблемы в деятельности органов внутренних дел, коллегиально определяются возможные пути их решения.

С 2004 по 2010 годы при непосредственном участии сотрудников филиала на территории Республики Татарстан было организовано и проведено 11 межведомственных научно-практических конференций и круглых столов по актуальным проблемам противодействия экстремизму и коррупции, взаимодействию транспортных и территориальных органов внутренних дел, совершенствованию научного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Предложения, выработанные по итогам данных мероприятий, нашли отражение в законодательных и нормативных актах Республики Татарстан, целевых региональных программах борьбы с преступностью и профилактике правонарушений.

Приоритетной задачей нашего филиала на ближайшие годы является дальнейшая совместная с МВД по Республике Татарстан, Казанским юридическим институтом МВД России, другими государственными и общественными организациями республики, вузами, не входящими в систему МВД России, работа по научно-методическому сопровождению деятельности правоохранительных органов в рамках подготовки и проведения Универсиады 2013 года.

В 2011 году филиалом планируется выполнить по заявкам подразделений МВД по Республике Татарстан пять научно-исследовательских работ, по результатам которых подготовить:

- методические рекомендации «Выявление коррупционных преступлений, совершаемых в сфере реализации приоритетных национальных проектов»;

- методические рекомендации «Выявление, раскрытие и предупреждение преступлений, связанных с производством и реализацией товаров на потребительском рынке»;

- методические рекомендации «Участие законного представителя несовершеннолетнего в ходе досудебного производства по уголовному делу» (совместно с КЮИ МВД России);

- аналитический материал с предложениями «Анализ криминальной ситуации в Республике Татарстан и тенденции ее развития до 2013 года»;

- аналитический материал с предложениями «Положительный опыт работы молодежных движений правоохранительной направленности по охране общественного порядка и профилактике правонарушений (на примере Республики Татарстан)».

Кроме этого, совместно с МВД по Республике Татарстан и Казанским юридическим институтом МВД России нам предстоит организовать и провести три научно-представительских мероприятия:

- в апреле всероссийскую научно-практическую конференцию «Проблемы уголовной политики в современной России»;

- в октябре круглый стол «Обеспечение правопорядка и безопасности в период подготовки и проведения в г. Казани Все-

мирных летних студенческих игр – Универсиады 2013 года»;

- в декабре межведомственный круглый стол «Последствия коррупции: материальный ущерб – социальные и виктимологические последствия (распределение жертв)».

Деятельность филиала в текущем году будет нацелена на совершенствование научно-методического обеспечения органов внутренних дел и образовательных учреждений системы МВД России в соответствии с задачами, поставленными руководством ВНИИ МВД России:

- проведение мониторинга состояния научно-методического обеспечения в МВД по субъектам Российской Федерации;

- выполнение мероприятий, предусмотренных планом работы ВНИИ МВД России по реализации приказа МВД России от 19 декабря 2009 года №964 «Вопросы государственного учреждения «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

- своевременное и качественное выполнение Плана научно-исследовательской работы ВНИИ МВД России на 2011 год, других плановых заданий и поручений руководства Института;

- оказание закрепленным за филиалом МВД по субъектам России научно-методической помощи при подготовке заявок для проведения плановых научно-исследовательских работ на 2012 год;

- организация прохождения (при необходимости) стажировок сотрудников филиала в практических подразделениях органов внутренних дел, а также практических сотрудников органов внутренних дел, ответственных за научное обеспечение, – на базе филиала ВНИИ МВД России по Республике Татарстан;

- организация информационного и методического обеспечения научно-исследовательской работы филиала, его эффективного взаимодействия с органами внутренних дел, образовательными учреждениями МВД России и вузами других ведомств;

- авторское сопровождение внедрения научной продукции в практическую деятельность с использованием возможностей ЕИТКС, в том числе в рамках прохождения сотрудниками органов внутренних дел курсов повышения квалификации с использованием системы дистанционных образовательных технологий, в форме обучающих семинаров-совещаний, занятий и консультаций.

Надеюсь, что дальнейшее наше взаимодействие по проведению совместных научных исследований и научно-представительских мероприятий будет таким же творческим и плодотворным, а научные разработки найдут самое широкое применение в практической деятельности органов внутренних дел.

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в журнале «Вестник Казанского юридического института МВД России».

Журнал издается раз в квартал, срок представления материалов: до 1 марта, до 1 июня, до 1 сентября, до 1 декабря.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
2. К статье должна быть приложена внешняя рецензия, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующего учреждения.
3. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания, издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта);
 - заглавие публикуемого материала;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи;
 - примечания (сноски), оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
4. Объем статьи – 10-15 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
5. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое -2,5см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - сноски концевые.
6. Статья должна быть подписана автором. На статьях адъюнктов, аспирантов и соискателей должна стоять также подпись их научного руководителя.
7. Перед подписью автора и научного руководителя в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю».

Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.

Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.

Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Кабириным Дмитрием Эрнстовичем (тел. (843) 2777-800, электронный адрес vestnikkui@mail.ru)